

ФОТО АЛЕКСАНДРА СЛЮСАРЕВА

СТМ

Ури Геллер: «Моя история»

Брюс Ли: западные мотивы китайского мифа

Восхождение к Храму

«Летающие тарелки» из Бронкса

Кричат. Откройте дверь!

Основные особенности русской философии

Участники конкурса «Друзья по перепишке. СССР — США» — Екатерина Бедяшина и Игорь Яковлев

ФОТОРЕПОРТАЖ

В открытом небе!

Под радостные вопли «ура!» вверх взмывает первый разноцветный шар, за ним второй, третий, и так по очереди все пятьдесят воздушных шаров дробят голубое небо многоцветной мозаикой над Екатерининским дворцом. Так начался праздник «Фiesta воздушных шаров»...

Знаменитый воздухоплаватель Дон Камерон (слева)

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Госкомитета СССР по народному образованию

Издается с мая 1924 года
1990, № 9, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовец

Редакция:
Виктор Астафьев,
Анатолий Богомолов,
Феликс Волков,
Екатерина Гордеева,
Владимир Грошев,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Константин Лебединский,
Ярослав Миклуляк
(заместитель главного редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Александр Сельянов,
Станислав Смирнов,
Людмила Третьякова,
Ольга Чистенкова,
Андрей Шаронов,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутин
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

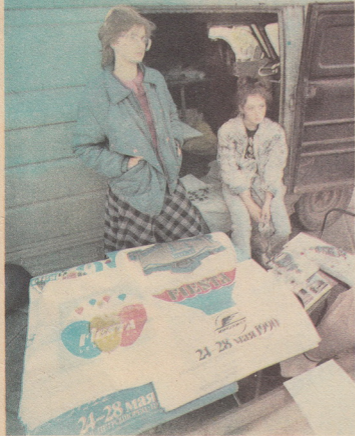
Наш адрес: 125015, Москва, Ново-
дмитровская ул., д. 5а, «Сту-
денческий меридиан».

Рукописи не возвращаются. При
перепечатке ссылка на «Студен-
ческий меридиан» обязательна.
Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 26.06.90. Подп. в
печ. 06.08.90. Формат 70×100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Усл.
кр.-отт. 27,28. Уч.-изд. л. 10,3.
Тираж 1 150 000 экз. (500 001—
1 150 000 экз.). Заказ 2126. Це-
на 30 коп.

Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательско-полиграфиче-
ское объединение ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Адрес:
103030, Москва, Сушьевская ул.,
д. 21.

© «Студенческий меридиан»,
1990 г.

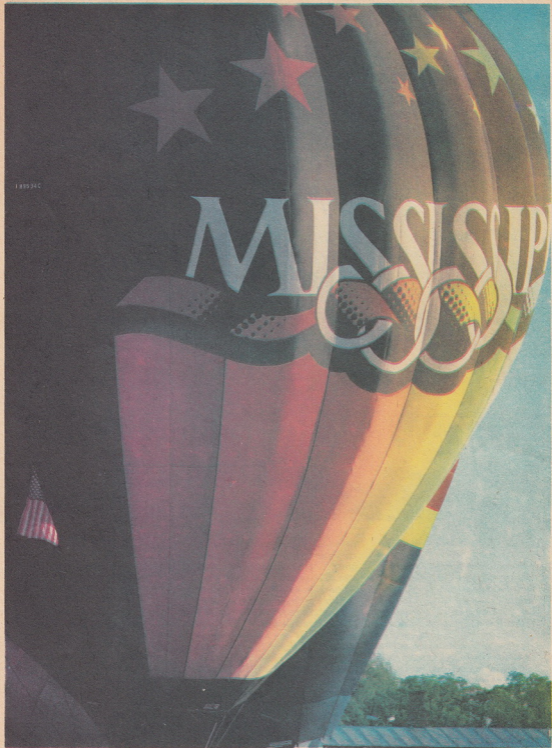
Ну, а пока серый, пыльный многолюдный Ленинград недружелюбно встречает меня холодным ветром на Невском. Но вот попадаю в пресс-центр, который вместе с оргкомитетом разместился в гостинице «Пулковская», и сразу забываю о холоде и однотонной серости. «Пулковская» похожа на яркий оазис посреди неуютного города. При входе в холл тебе кланяется швейцар, и ты — уже в мире ярких витрин валютных магазинов, баров, аппаратов «кока-колы»...

«Интурист» один из организаторов праздника, и он позаботился об участниках и гостях.

Основная тема фiestы — «Открытое небо мира». И, конечно, совсем не случайно в

Ленинград приехали более сорока экипажей из Великобритании, США, Австралии, Японии, Гонконга, Франции, Германии, Голландии, Швейцарии, Бельгии, Люксембурга, Швеции. Есть команды и наших соотечественников — экипажи из Литвы и хозяева-ленинградцы. Кстати, возглавляет ленинградцев Геннадий Опарин. Он первый в СССР обладатель диплома английского королевского Клуба воздухоплавания, что дает ему право пилотировать шары.

Среди пилотов, приехавших на фестиваль, — легендарный Дон Камерон, который свой первый баллон сшил на обычной шейной машинке, а теперь он — президент компа-

18934C

«Ст. М.» ищет спонсора для строительства самого крупного в мире воздушного шара!

нии «Камерун Баллуэнз», без чьей помощи не получилось бы этого праздника. Компания «Камерун Баллуэнз» города Бристоля построила большинство шаров, принимающих участие в «Фиесте», а также давала ценные советы организационному комитету.

Подобное шоу уже проводилось в прошлом году в Вильнюсе, но тогда только 14 стран прислали своих воздухоплавателей. А сейчас в Ленинграде собрались экипажи уже из 30. Среди них были такие знаменитости, как Жак Соукап, президент американского «Баллун Федерейшн», Найджел Таскер; президент клуба «Бритиш Баллун и Аэрошип», Оливер Девиллас — чемпион Франции. А во главе двух команд столь экзотического увлечения были даже женщины: Тукер Комсток из США и Ирэн Хохманн из Германии.

Как правило, шары являются частной собственностью, но некоторые сделаны за счет рекламы «Интуриста», «Свиссера», авиакомпании «Кати Пасифик», «Британской компании за ядерное разоружение», «Макдоналдз гамбургер» и «Юнипарт».

В основном все баллунисты (так себя называют воздухоплаватели) — летчики, но это

вовсе не значит, что каждый из нас не может стать воздухоплавателем, и примеров тому было немало. И вообще это выглядит безумно красиво и романтично, по крайней мере со стороны. К сожалению, сам не провадал, поэтому не ручаюсь за ощущения, возникающие у пилотов шаров. Но повторю, полет шаров — необычное зрелище: красочное, яркое, удивительное. Впрочем, вы можете сами в этом убедиться, рас-

смотрев внимательно наши снимки.

Более всего меня поразило своим колоритом американский шар «Миссисипи». Примечателен не только внешний вид «Миссисипи», но и экипаж шара, который возглавляет женщина — Тукер Комстокк, а состоит он из бывших военных летчиков... воевавших во Вьетнаме!

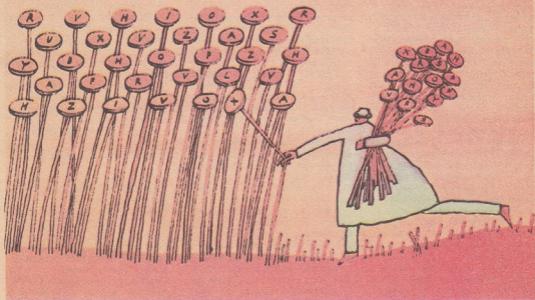
«Открытое небо мира»... Думаю, всем понятен глубокий

смысл этого девиза. И мы с каждым разом все более убеждаемся, что не только переговоры на высшем уровне способствуют его воплощению в жизнь, но и вот такие праздники, помогающие лучше узнать друг друга. Американцы смогли в этом убедиться, может быть, даже в большей степени, чем кто-либо другой, когда посетили военно-морскую базу. Они увидели те самые ракеты, которыми во Вьетнаме сбивали американские самолеты. А теперь летчики «фантомов» могли без всякого страха потрогать грозное оружие. А капитан американской команды Тукер Комстокк пришла в такой восторг, что перед строем храбрых советских моряков поцеловала серьезного усатого советского офицера, смутив его так, что он покраснел.

Времена Вьетнама прошли, и американские летчики без боязни советских ракет осваивают небо над Финским заливом, а вместе с ними символом дружбы в небо поднимаются Дядя Сэм и русская Матрешка. Небо Ленинграда — открыто!

Борис Хизрин

ЕСТЬ МНЕНИЕ

Кричат. Откройте дверь!

В СССР сложился уникальный в мировой практике тип молодого интеллигента: умного, начитанного, с массой других положительных качеств, но никаким конкретным профессионализмом не обремененного. По аналогии с молодым профессионалом «яппи» его можно, наверное, назвать «я нот пи» — молодой непрофессионал. Будем откровенны: речь идет о явлении, о целом классе людей, ибо, говоря словами Андрея Платонова, «запутанность жизни» в нашем обществе настолько велика, что быть интеллигентным «нот пи» скорее правило, чем исключение. И доказать последнее я хотел бы от противного.

Во-первых, чтобы стать настоящим «яппи», нужно получить специальность, которой бредил с детства, грубо говоря. Мягко говоря — хотя бы не противную. Но это очень мало для «яппи». Так или иначе — дорваться до вуза своей мечты. Думаю, не нужен институт Гэллапа, чтобы с уверенностью

сказать: мечтают у нас многие об одном, а диплом получают совсем другой. Механика расхождения до ужаса стандартна: предмет мечтаний чаще всего находится в столице, а диплом получают дома.

Вот и готов первый поток «нот пи» — люди, получающие изначально нежеланное вы-

сшее образование «ради корочки». Это, по моей классификации, истинные «нот пи». Но есть еще, мне представляется, такое явление (и тоже весьма массовое), как вторичный непрофессионализм. Человек по уровню образования и по желанности его получения — фактически «яппи». А работать в полную силу не может. Энергия либо съедается на служебные конфликты (неизбежные при совместной работе людей, воспитанных разными формациями — доперестроечной и перестроечной), либо личным дискомфортом... И уж не дай бог, если личный дискомфорт обернется разводом: документы разведенных становятся пороховой бочкой, взрыв которой способен в самый неожиданный момент спустить со служебной лестницы неугодного кому-то человека, а выплата алиментов толкает на поиск дополнительного заработка. Так и возникает вторичный непрофессионализм: работать то не с кем, то некогда, то небо с овчинку.

А между тем какие бы хорошие законы ни принимались, работать-то и делать нашу жизнь более или менее выносимой должны «яппи», иначе

самый радикальный парламент останется всего лишь частью телепрограммы, не значимей того же «Взгляда».

Способна ли наша высшая школа удовлетворить потребность в «яппи»? При всех благих намерениях руководства нынешнего гособразования — нет. То есть руководство-то может лезть из кожи вон, но что от этого толку, если костяк преподавателей вузов старый, да и невозможно в приказном порядке заставить их: а) учить студентов по последнему слову; б) предварительно отобрав их лишь по деловым качествам, а не по другим соображениям; в) и не съедать драгоценное время на картошку, устаревшие общественные дисциплины и имитацию общественно-политической жизни в вузе путем добровольно-нахальных различного рода мероприятий.

Сколько б мы ни закачивали в сосуды нынешней системы образования хоть самых-самых пундеркиндов с самым-самым изысканным дипломом — образование *никогда* не подтянется без конкурента. Объективная вероятность создания параллельной высшей школы в стране очень мала — ни денег, ни настоящей законодательной *разрешенности* в этой сфере нет (кооперативные гимназии, помнится, задушили в зародыше). Значит, на сегодняшний день конкуренция может быть только извне. Ее и надо создать открытием свободного доступа к западному образованию для советских «нот пи».

В связи с этим, по моему, нужны три вещи. Открыть кредитный банк или продажу валюты *конкретно* для поступления в западные вузы. Под расписку, под проценты (как финансисты сочтут нужным), под обязательство вернуть — короче, своего рода подъемные. Кредитование может быть целевым от предприятий, фирм, кооперативов, то есть откопали для себя способного человека и отправили учиться. Окупится. Никаких льгот, никаких дотаций — пусть падает на бензоколонке, как все тамшние простые смертные, или героической учебой выбивает стипендию какого-нибудь фонда. Когда разбогатеет, мо-

жем и сами платить своим целевикам стипендию, но когда еще разбогатеет...

Второе. Расширь транспортные заторы хоть карточками автопоста для обучающихся в Европе, хоть какими-то компенсационными сделками, скажем, «Пан Ам» для стремящихся в США.

Третье — я пишу дрожащей рукой — на это должен пойти Госкомитет по народному образованию — создать самому себе конкуренцию, что называется, «с доставкой на дом». Посадите, скажем, в приемную комиссию физтеха дядю из Стэнфорда или Гейдельберга. Пусть, как ловцы душ из МИИТа, МАИ, МГПИ и прочих, что нередко караулит физтеховских неудачников, тоже забирает к себе тех, кто ему понравился, а в физтех (простите, товарищ ректор Карлов, что я Вас выбрал для примера) прошел. Глядишь, физтех (к примеру) отучится в анкеты заглядывать. Да мало ли еще чего можно придумать...

Это не роскошь. Это — нужно. Не для амбициозных максималистов, которым «опять хочется в Париж», а для страны. И если потери от отсутствия «яппи» гнездятся в сфере экономики и их долго объяснять не надо, то об опасности пролойки «нот пи» в обществе, наверное, подозревают не все. Между тем опасность колоссальна: эти люди, сочетая в себе неудовлетворенность жизненным результатом, ищущую выхода энергию личности с почти нулевым интересом к своей основной работе («а я пашу нижеНЕГРОМ»), — прекрасный человеческий материал для политических провокаций. «Яппи» — «трудоголик». Без крайней нужды на баррикады не пойдет. «Нот пи» — может пойти *просто потому*, что это *интересней, чем работа*. То есть речь не идет об аполитичности «яппи» и политизированности «нот пи» — речь о психологической готовности к экстремизму: у «нот пи» она выше, а политическая культура, естественно, ниже. Или в среднем ниже.

Неужели наши будут учиться хуже, скажем, китайских сверстников? Нет, в это я не верю. Более того, считаю потенциал глубинки российской настолько высоким, что остальной мир то-

лько больше зауважает нас, увидев этих, «совсем других русских», нежели наши эмигранты. И это будет еще один кредит доверия Перестройке.

Запад ничего не потеряет: ни цента дотации с их стороны никто не попросит, больше того — наши люди, обучаясь и стажирясь, успеют обогатить и их науку.

Мы тоже ничего не теряем: ни копейки госдотации, все финансирование за счет независимых источников.

Кричат. Откройте дверь!

Ришат Садиев, г. Казань

Справка (освобождением от работы не служит).

Ришат Мирза-Ахмедич Садиев — независимый, нефундаменталистский, светский советский литератор. Невзирая на частично исламское происхождение, нежно лоялен ко всем. Особая примета: красив. Любит взбитые сливки, с которыми в Казани туго, поэтому часто тусуется на Арбате, попутно завалявшие московские редакции сомнительным материалом, чтоб не ездить в столицу порожняком. Один из таких визитов окончился лауреатством в «Ст. М.» за 1986 год, что выгодно дополнило победы на слетах КСП. Мечтает написать что-нибудь еще.

От редакции. Проблемы высшей школы... Проблемы молодых людей, жаждущих знаний... Проблемы общества, страдающего от нехватки толковых специалистов...

Наверняка каждый из вас мог бы продолжить это перечисление. Сегодня мы узнали, что думает по этому поводу Ришат Садиев.

А что думаете вы?
Согласны ли с ним?

Пишите нам, и мы так же, как и Ришату, дадим вам возможность высказать свое мнение на страницах журнала.

О мальчишке, который умел летать, или Путь к свободе

Игорь Акимов,
Виктор Клименко

Продолжение. Начало в № 10—12 за 1988 год, в № 1, 3—7, 10, 12 за 1989 год и в № 5, 7 за 1990 год

**Учитель, врач,
хлебобоб — как они
работают**

Если это понять, если это освоить — наша жизнь станет ясной, в ней появится смысла, и самое главное — установятся гармония и взаимопонимание с окружающим миром. Ведь один учит быть свободным; второй возвращает нам свободу, когда она утрачена; третий дарит к ней ключ (см. главу «Три святых профессии»).

Свобода — пусть не истинная, пусть мнимая, мимолетная, призрачная — нам необходима хотя бы потому, что без нее не может быть счастья. Того счастья, которое мы ищем, ждем, добиваемся всю жизнь. Почему мы увязываем счастье именно со свободой? Потому что только свободный человек счастлив не за чей-то счет — он получает счастье, как яблоко с дерева свободы. С дерева, которое он вырастил сам. Каким образом? — вам это уже известно: творческим трудом.

Хорошо творцам: они делают свою высокую работу, не задумываясь, как это у них получается. Делают — и все. Как Бог на душу положит. А получается — в самый раз.

Нам с вами посложней. Мы стоим в стороне, сняв почтительно шляпы, и, затаив дыхание, наблюдаем, как это делается. Мы учимся. Нам еще ой как далеко до той минуты, до того состояния, когда руки сами будут делать талантливую работу, когда они свободно

будут попевать за мыслью, делать свое дело одновременно, слитно с мыслью. Это будет потом. А пока нужно разучить все па будущего танца. Потом, когда доведем движения до автоматизма, а высокий энергopotенциал обеспечит полет, — во время танца мы будем думать только о гармонии, мы будем только искать гармонию (напоминаем — это работа критичности) — творить. Все это будет потом. А пока выучим те немногие па, из которых складывается этот танец, и их обязательный, единственный порядок.

Значит, речь пойдет о *технологии творчества*.

Разберем это на знакомом каждому примере: папаша Карло вырезает Буратино.

2

1. Творец не может не творить

Как вы уже догадались, речь идет не просто о талантливой, а о гениальной работе. Потому что обыкновенную талантливую работу остановить можно. В ней нет обязательности. Она может быть, ее очень приятно исполнить, но если нет подходящих условий — она почти безболезненно откладывается на сколь угодно долгий срок; даже — навсегда.

Причин этого две. Первая: энергopotенциал, обеспечивающий талантливую работу, не так уж и велик, его инерция легко гасится; любая палка в спицы — вот и остановка. Вторая: поскольку талантливая работа решает уже решенную

задачу, только несколько иначе, оригинально, по-своему, сознание этой вторичности само по себе гасит энергopotенциал. Вот почему многие люди, родив интересную идею, не воплощают ее в жизнь. Работает феномен *иллюзии завершения дела*. Мысль опережает руки. Чтобы воплотить идею, нужно как бы повторить уже однажды тобою (мысленно) пройденный путь. Если человека ведет цель — он пройдет этот путь; если его привлекает процесс — он на это способен только при благоприятных условиях и избытке энергopotенциала.

Итак, утверждение «творец не может не творить», безусловно, относится только к гению. Талант творит (решает задачи) либо в благоприятной ситуации, либо в экстремальной (когда он вынужден это делать). В неблагоприятной ситуации он чаще всего удовлетворяется решением задачи («в уме» — эксплуатирует феномен иллюзии завершения дела). И только очень высокий энергopotенциал дает ему силы действовать вопреки неблагоприятной ситуации.

Гений обложен проблемами, как волк флажками. Ему некогда спрятаться — он обречен на творчество. Помните легендарного Мидаса? К чему бы он ни прикасался — все превращалось в золото. Так же и гений: к чему он ни прикоснется — все раскрывается проблемой. Чем больше он медлит с их решением — тем большее количество проблем наваливается на него. Путь к свободе у него единственный: решать их, щелкать одну за другой. И только в тот момент, когда он достает из-под обломков скорлупы их ядрышко, он на миг ощущает блаженную свободу.

Творец не может не творить, потому что его вынуждает к этому энергopotенциал. Просто жить, как все, творец не может: внутреннее давление пара слишком велико. Если даже с утра до вечера колоть дрова — делу не поможешь: гений найдет такой режим колки, когда эта работа будет совершаться без усталости, станет незаметной — и голова опять освободится для главной работы.

Почему талант колке дров

предпочитает решение задач? Потому что задача требует больших усилий, значит, скорее приносит облегчение и даже удовольствие. Почему гений берется за проблемы? Потому что только проблема способна заставить его выложиться, только при ее колоссальном энергообороте он удовлетворен, а иногда даже и счастлив.

Почему папаша Карло не мог не взяться за Буратино?

Потому что он был одинок.

Он терпел одиночество, пока борьба за существование отнимала достаточно сил, чтобы не мучиться от избыточного давления пара. Но когда суета отступила и он остался наедине со своей душой — энергипотенциал потребовал выхода. Просто расколоть полено было мало. Чтобы найти покой и разрушить одиночество, нужно было решить проблему: вырезать Буратино.

Еще один пассаж на эту же тему.

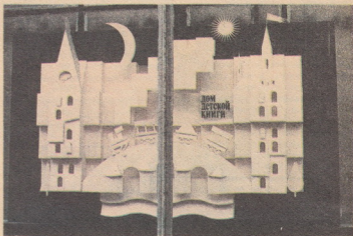
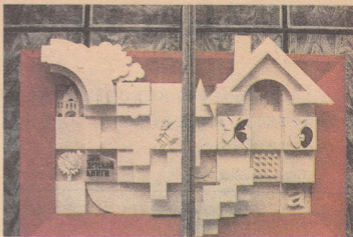
Гений одинок всегда. Иногда он пытается спастись от одиночества, «как все нормальные люди», — и обзаводится семьей, да не просто семьей, а большой: Бах, Пушкин, Толстой... Он рождает детей, пытается запомнить окружающий его космический вакуум. Тщетно. Найти понимание можно только у ровни. А где это возьмешь? Проще всего (для гения) — сделать самому. И папаша Карло — чтобы разрушить одиночество — решает вырезать из полена Буратино.

3

2. Задача (проблема) сама находит творца

Мы живем среди задач и проблем. Они — вокруг нас; куда ни повернись — всюду торчат их острые шипы. Но человек на уровне эмоций задач не видит — он только ощущает шипы. Он воспринимает все это пиришество грядущей интеллектуальной работы как обыкновенный дискомфорт. Как неудобства, с которыми приходится мириться. «Такова жизнь, — мудро заключает он, зализывая очередную ранку от укола шипа. — Сам виноват. Был бы осторожнее — ничего бы такого не случилось».

Человек на уровне чувств тоже не видит задач, но дис-

Александр Гельман. Оформление витрины «Дом детской книги»

гармонию он видит очень хорошо. И ловко лавирует между шипами — от гармонии к гармонии. «Жизнь прекрасна! — справедливо утверждает он. — Только нужно уметь пользоваться тем, что дает тебе жизнь, и не требовать от нее слишком многого». (Понимай так: не выдумывай себе трудности — не пытайся решать задачи.)

Человек на уровне интуиции обречен ассимилировать дискомфорт, из дисгармонии творить гармонию. Но его аппетит зависит от энергипотенциала. Если энергии маловато (растерял из-за болезней, дурных привычек или хронического переутомления) — он ограничивается фиксацией (узнаванием) задач; самое большее —

решением их «в уме» (феномен иллюзии заверченного дела). Если энергипотенциал в норме — он эти задачи решает на самом деле. Если энергипотенциал близок к максимальному (так же, как и психомоторика и критичность) — он занимается проблемами.

Так отчего же мы утверждаем, что не он находит задачи (проблемы), а именно они находят его?

Прежде всего давайте признаем: никто не делает работу просто так. И талант, и гений с удовольствием от нее бы увильнули — если бы могли. Значит, первое: они делают свою талантливую (гениальную) работу потому, что не могут иначе — не могут отлынить. Потому что иначе им будет хуже.

Причина вам известна: их

1990

45th ANNIVERSARY OF THE DAY OF VICTORY OF THE SOVIET PEOPLE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941-1945

Александр Гельман. Плакат,
посвященный 45-летию Победы

толкает на это энергопотенциал. Он томит их своей избыточностью. Он буквально принуждает их действовать. Причем малыми задачами он не удовлетворяется. Идеальный случай: когда задача — на пределе возможностей. Тогда он вынужден все отдать, испытывает от этого облегчение; и в результате приращивает свою территорию, что дает удовлетворение. И повышает уверенность в своих возможностях.

Посмотрим, может ли его вырвать — то есть помочь избежать работы, — психомоторика? Ведь у творца она по меньшей мере оптимальна, не хуже, чем у потребителя. А ведь потребитель именно для этого и пользуется своей психомоторикой — чтобы избежать любых трудностей (кроме тех, которые придумывает себе сам: туристические походы и даже альпинизм, — выбор зависит от величины потребности в самоутверждении).

Увы, этот удобный, надежный механизм творцу по многим причинам не подходит. Назовем лишь одну. Ведь творец уже томится от избытка энергии, и если ему вместо творческой работы заняться потреблением гармоний (чтением литературы, слушанием

классической музыки, посещением музеев и просто красивых мест), — он усугубит свою ситуацию. Он заскучает на третьей странице; на второй части «Ночной серенады» Моцарта он невольно вернется мыслями к отложенной задаче; а на прогулке его неотвязно станет преследовать мысль: «Я что — с ума сошел? Моя голова сейчас так прекрасно работает, а я не за письменным столом...» Правда, возникший дискомфорт (скука, досада) понизит его энергопотенциал и тем погасит творческий порыв, но мы бы не советовали злоупотреблять таким способом самоуничтожения, потому что энергопотенциал, растратившийся на скуку, не возобновляется.

Наконец, с помощью критичности творцу тем более не увильнуть от творческой работы. Ведь это она в дискомфорте распознает (проявляет) задачи и проблемы. Это ее прямая обязанность: она для того и создана то ли природой, то ли Богом, чтобы указывать нам адрес: здесь задача. Конечно, на самом примитивном уровне (у раба) критичность может быть и слепой; и немой, а потому готовой на любые компромиссы, но у творца она неуправляема и не подчиняется насилью. С нею не поиграешь в прятки. Она тут же отыщет, потащит за шиворот, уткнет,

как кутенка в блюдо — носом в задачу: твори!..

Самые нетерпеливые уже ерзают: «Ну зачем опять повторять то, что нам давно известно? Человек на уровне интуиции не может не перерабатывать дисгармонию в гармонию. Он обречен на эту работу. Она — его судьба. Ну и что с того?..»

Мы рады, что вы это поняли и приняли. Тогда сделаем следующий шаг к пониманию творца. Сформулируем главное обстоятельство его жизни: *у творца нет выбора.*

А что же у его нижних соседей?

Потребитель имеет выбор — между гармонией и дисгармонией. Значит, у него две степени свободы.

Выбор раба бесконечен. Выбор мнимый — его диктуют обстоятельства, но под эту диктовку он принимает любую форму, любой режим. У него бесконечное количество степеней свобод, вот почему он неуправляем — ничем, кроме обстоятельством.

Неужели круг замкнулся? Неужели только для того он вырвался из рабства уровня эмоций, пренебрег искушениями сладкой жизни уровня чувств, чтобы опять угодить в ярмо? Так зачем же все эти усилия? Какой в них смысл? Смысл есть. Самый прямой.

Вспомним, ради чего была затеяна вся эта работа, это труднейшее карабкание в гору? Ради свободы. И мы ее обретаем — в момент творчества. Только в этот момент — других не бывает. А как же рабство?

На уровне эмоций он — *раб ситуации*.

На уровне чувств — *раб гармонии*.

На уровне интуиции — *раб природы*.

4

Раб природы; если вас это шокирует, назовем иначе: ее инструмент.

Только на уровне интуиции человек становится таким, каким он был задуман; только на уровне интуиции он готов играть предназначенную ему роль.

Значит, все остальное — шлаг?

Нет. На уровне эмоций — это рабочие пчелы. Это они строят соты и наполняют их медом, и защищают, не щадя своих жизней, от врага. Это они — неисчерпаемый запасник для верхних уровней. Стоит измениться обстоятельствам (например, из-за благоприятной конъюнктуры начнет расширяться жилаплощадь верхних этажей), как на уровне эмоций возникает неудержимая тяга вверх. И кто будет лучше готов, ближе к оптимуму, тот выскочит наверх и обеснуется, словно всегда там был, словно это единственное и естественное его место. Ну а кто опоздает... Знаете, а почему бы вам не подумать самим, что будет с теми, кто поднимется наверх, когда потребность уже исчерпана? Не правда ли, интересные вопросы: что будет, если все рабы (не в теории, а на практике) станут потребителями? Или так: что будет, если на уровне интуиции окажется не один из ста, а, скажем, один из десяти или даже каждый второй?..

На уровне чувств — хранители памяти. Короля играет окружение; творец был бы затюкан, забит и забыт, если бы не потребители; это они его открывают, это их восторженный шепот он слышит у себя за спиной. Это их трусливой, но бескорыстной и надежной памяти

он отдается с легкой душой идя на костер. Творец знает — это благодаря им его не забудут, благодаря им его время наступит; кстати, сразу после его гибели. Это они первыми оценили Христа; это они по словечку, по строке собрали нам пологого Пушкина; это они сразу поняли истинную цену, а потом терпеливо ждали десятилетия, чтобы навсегда увековечить в памяти народа экстравагантных Малевича, Татлину и Филонова — не хулиганов от искусства, а его гордость.

И все-таки только на уровне интуиции двуногая говорящая тварь превращается в то, что мы подразумеваем, когда говорим: се человек. Только на этом уровне он 1) мыслит, 2) ассимилирует хаос, 3) создает гармонию.

(Для забывчивых, которые цепляются за прежние представления «Я говорю, значит, я мыслю», — напомним, что 1) раб принимает за собственные мысли стереотипы и шаблоны, которые он воспринимает от общества в виде житейского опыта; 2) потребитель пользуется чужими мыслями, которые он получает в форме гармоний, а воспринимает в виде предмыслей; 3) и только у творца чувство, осознав дискомфорт, превращается в собственную мысль.)

Мы уже много раз упоминали и ассимиляцию хаоса, и создание гармоний, лишь называя эти процессы, но не раскрывая их сущности. Теперь пришло время. Так вот, это — антиэнтропийный процесс. Их несколько. Этот — доверен природой человеку.

Напоминаем: энтропия — процесс рассеяния энергии и информации. Процесс угасания. Значит, антиэнтропия — процесс концентрации энергии и информации. Рукотворная гармония — это ступок упорядоченной энергии, которой можно пользоваться тем дольше, чем совершенней гармония. Гениальной гармонией можно пользоваться (как источником энергии и информации) бесконечно.

Как вы знаете, ассимилирует хаос и создает гармонию талант. Именно в этом он проявляется, в этом заключается его работа. Схематически это выглядит так:

хаос — талант — гармония, где талант — *суть механизма нашей души*. Он есть в каждом, но на уровнях эмоций и чувств он не работает. (Эпк либо в жалком состоянии, либо гипертрофировано. Например, колоссальный энергопотенциал при неразвитых психомоторике и критичности — это разрушитель, а не творец; а оптимальные энергопотенциал и психомоторика при неразвитой критичности дают сноба, который смотрит на окружающих свысока, хотя сам бесплоден.)

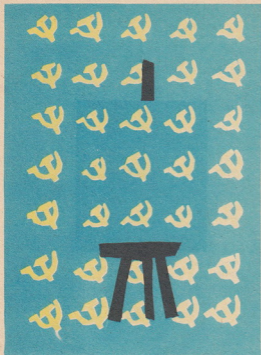
Но стоит эпк во всех компонентах достичь оптимума, как талант *самопроизвольно* (значит, без понуканий, без команд, без нашего волеизъявления) включается в работу. И начинается перерабатывать хаос, выдавая гармонию.

Это новое свойство человека, при котором он становится инструментом природы, позволяя нам рассматривать его как *ступок специализированной энергии*. Здесь специализация — в особенной, исключительной направленности процесса: антиэнтропийной.

Вот почему сущность таланта не в результате, ради которого он работает (гармонии), а в процессе. Результат обозначает только меру таланта. Он важен лишь для тех, кто эту гармонию будет потреблять. Для самого же таланта важен процесс, потому что только во время процесса ассимиляции хаоса талант ощущает себя свободным (ведь творя из хаоса гармонию, он сопоставляет с Богом!). Все же остальное время ему не сладко, потому что он видит задачи — и они вызывают у него дискомфорт. Он бы и рад избежать их на манер потребителя, но творцу этого не дано: из роли страуса он вырос, и если выставят задачу в дверь — она ломится в окно. Он от одной отмахнется, от второй, от третьей, но четвертая успеет его опередить, войдет с ним в контакт. И это все: зубчики зацепились, колесики завертелись — пошел антиэнтропийный процесс.

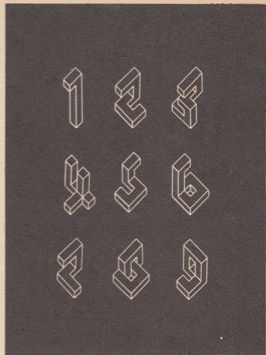
5

Так отчего же все-таки задачи липнут к творцу, как кома-

Александр Гельман. Вариант обложки молодежного журнала

Разработка объемного шрифта

ры в душную июльскую ночь?

Ответ рядом. До него — один шаг. И мы не сомневаемся, что если вы немножко подумаете — вы и сами во всем разберетесь (а некоторые — умельцы ловить мысль с полуслова — уже все поняли и теперь со снисходительной скукой ждут, когда мы дожем этот кусок мяса). Но на предыдущих страницах мы уже оставили вам несколько задач в личное пользование, и чтобы у кого-нибудь не возникло подозрение, что мы и сами не знаем ответа, — здесь доведем свое рассуждение до конца.

Из физики вам известно, что вокруг любого сгустка энергии существует поле. То же — и с творцом. Но в отличие от электрического, магнитного и гравитационного полей его сила не ослабевает по мере удаления от источника поля — творца. Ведь мысли безразлично, где работать: на письменном столе (под рукой творца) или на краю галактики. Ни пространство, ни время ее не лимитируют.

Значит ли это, что поле творца безгранично? Конечно, нет. Потому что мысль творца работает лишь в пределах освоенной им территории. Следовательно, и его поле действует лишь в пределах его территории.

Сразу разберемся с полями раба и потребителя.

Поле раба ограничено его раковиной. Вот почему задачи «не чувят» поля раба: оно заэкранировано панцирем. Чем толще панцирь — тем с большей уверенностью раб игнорирует задачи.

Поле потребителя ограничено его телом. На нем нет панциря (он защищается движением), поэтому задачи его «чувют». Но, во-первых, потребитель проворней любой задачи, а во-вторых, его поле слишком слабо, чтобы представлять для задачи достойную добычу.

Только теперь — мы надеемся — вы готовы понять, отчего задачи слетаются к творцу.

Поскольку творец воплощает собой созидательное начало, можно условно считать, что его поле имеет положительный заряд. Любая задача — это осколок энтропии, значит (услов-

но), ее заряд отрицательный. Противоположные заряды, естественно, притягиваются. Но кто к кому?

Творец может переварить, ассимилировать, довести до гармонии только те задачи, которые ему по силам, на которые хватит его энергии. То есть самое большое — равновеликую ему задачу.

Если задача больше творца, он только фиксирует: есть; но уж больно велика: укусить можно, а съесть — не хватит сил. И он эту задачу благоразумно откладывает на потом. Прилетит она к творцу? Разумеется, нет; ведь ее заряд больше, значит, это его может к ней потянуть, и остается лишь надеяться, что он окажется достаточно благоразумным (критичность в норме — только и всего), чтобы не влипнуть в это пока что безнадежное дело.

Если задача равновелика творцу — не имеет значения, как они сближаются, кто кого находит. Куда важнее процесс ассимиляции. Первый этап — задача поглощает творца; они слились в одно; их энергии нейтрализовали друг друга. Как же дальше быть? Как же решать задачу, если энергия вышла из

игры? А вы вспомните, что мы писали в начале книги о вдохновении. Там был описан процесс творчества, который протекает напряженно, без посредства эмоций. Так и здесь: если творец полностью сдвинулся с задачей, процесс ее решения протекает без затраты энергии.

За счет чего же?

За счет информации.

Значит, второй этап — работает критичность. Она находит ключ к решению задачи и задает программу.

Третий этап — работает психомоторика. Это период кристаллизации. Хаос превращается в гармонию; при этом энергия возобновляется. Но теперь ее больше, чем было прежде. Ведь за счет равновеликой задачи творец прирастил свою территорию.

Остался последний, самый распространенный случай — когда задачи меньше творца. Его заряд больше их зарядов — вот почему именно они слетаются к нему. Они вытесняются вокруг, как комары; он отмахивается; того, который сел и успел впитаться — хлоп! — прибавляет без усилий. Становится он от этого сильнее, умнее, ловчее? Нет. Значит, его территория от этой работы не прибавляется.

А что же папаша Карло?

Давайте-ка вспомним, откуда взялась идея о деревянном человечке. Разве с нее началось? Нет. Началось с полена, которое не хотело колотиться, которое при ударах топора пищало, а однажды — чтобы заставить задуматься — даже стукнуло незадачливого дровосека по лбу.

Задача буквально требовала: решите меня.

Если бы не было побудительного мотива — одиночества, не было бы и разговора о деревянной марионетке. Но одиночество занимало все мысли папаша Карло. Именно это была задача, которую он еще не осознал. Потому что для осознания, для материализации ее нужен толчок извне. И он случился, когда полено запищало и ударило в лоб.

Вот такой случай.

Не было бы его — случилось бы что-то иное. Папаша Карло мог сделать марионетку из тряпья, из глины, вырезать ее из бумаги. Потому что мате-

риал не имеет значения для таланта. Ведь талант — это механизм, и когда он в рабочем состоянии — безразлично, какой именно хаос поступает в него. Лишь бы это была задача. На выходе будет гармония.

6

У нас опять возник зуд конотворчества, поэтому мы на несколько минут отвлечемся от технологии талантливой работы, ибо сказано: чеши где чешется.

Предварительный посыл: задача, решенная без усилий, походя — не приращивает территории (хотя и приносит облегчение).

Проанализировав его (просто, мы вас избавим от описания анализа, познакомим сразу с результатом), мы пришли к трем законам.

Закон минимального действия:

если наименьшее из возможных действий дает прирост — это антиэнтропический процесс.

Закон оптимального действия:

всегда есть режим, когда работа производится без изменения энергопотенциала.

Закон максимального действия:

только задача, требующая для решения полной самоотдачи, приращивает территорию.

Значит, закон минимального действия описывает принцип работы над собой по восстановлению эпк;

закон оптимального действия описывает принцип работы механизма эпк с удовольствием; закон максимального действия описывает принцип творческой работы эпк.

Как вы уже поняли: первый — закон роста, второй — закон работы, третий — закон творчества.

Следовательно, работа может быть талантливой, но для данного человека, если он выше ее, — не быть творческой.

Продолжение следует

БЕРНИСАЖ

Дизайнер

Мы давно уже привыкли к авангарду в разных сферах искусства: в живописи, поэзии, музыке и фотографии. И пока мало знакомы с авангардом в графическом дизайне.

Александр Гельман работает именно в этом стиле: проектирует фирменные и товарные знаки, оформляет журналы и книги, делает буклеты и плакаты. Но почему авангард? Ведь графический дизайн и так находится на острие моды, постоянно обновляется — это закон жанра.

И тем не менее далеко не всем удается заглянуть чуть-чуть вперед, сделать совершенно непривычный, не подчиняющийся никаким правилам дизайна шаг в своем творчестве. А Александру это удается. Его работы всегда заметны, у него есть свой оригинальный почерк.

Он говорит, что стремится «разрушить рамки жанра, превратить простую бумагу из типографии в шоу, выйти в пространство и заставить всех принять участие в спроектированном действе». Так было на благотворительном вечере Вана Клиберна. Празднично одетая публика была расцвечена нежно окрашенными, изящными буклетами с программой концерта.

Он активно выставляется, имеет много заказов, но отнюдь не за любую работу берется. «Есть много тем, для которых мой стиль не подходит, такие заказы я стараюсь не брать» — уверен Александр и строго придерживается этого правила.

Хотелось бы верить, что Александр сохранит принципиальность и любовь к своей профессии, будет и дальше удивлять и радовать зрителей.

Татьяна Палицкая

Николай Глазков

* * *
А школа мало мне дала:
Там обучали только фразам,
А надо изучать дела
Затем, чтоб развивался разум.

Я был изгой и ротозей,
О чем не сожалел нисколько,
Хоть, кроме нескольких друзей,
Среда меня не понимала.

Я был всамделишный изгой,
Не умеющий в эру,
А в классе целый день доской
Скрипят старательно по мелу.

Мне было многое дано,
Читать я мог бы Вальтер
Скотта,
Но пропущены давным-давно
Мои потерянные годы.

Тогда я был еще дурак,
Но я не знал, учившись
в школе,
Что, не куря еще табак,
Нельзя писать стихов о море...

Прошли года навстречу бедам,
Я осознал, что не старейше
Прекрасен мир, что быть
поэтом
Гораздо лучше, чем царем.
1940

* * *
Соберутся пять парнишек,
Прочитают двести книжек,
И начнут ребята сдуру
Создавать литературу.

Понапрасну ум мрача,
Изучают Кумача,
Тем не менее, однако,
Изучают Пастернака.

Ничего не понимают,
Как и чем живет страна;
Но зато упоминают
Всех поэтов имени.
1944

* * *
Ветер, поле, я да Русь
В мире небывалом.
Не сдаешься? Не сдаюсь
Никаким шакалам.

А снежинок всех число
Велико, как горе,
Все дороги замело
Снеговое море.

Я смотрю по сторонам,
Месяц — что полдень;
Снеговое море нам
Тоже по колено.
1944

* * *
Пусть с вашей точки зрения
Все это извращения —
Но мир в момент творения
Был создан из вращения.

Вращались точки мнимые,
Что не имеют плотности,
Потом вращались линии,
Потом вращались плоскости.

Вращалась вся Вселенная,
Был бесконечный радиус.
Все для увеселения,
Все, что живое, — радуйся!

А ежели в наш век не те
Я изложил учения,
Возьмите опровергните
Пяти минут в течение.
1947

* * *
Не надо глупости бояться,
Она безвредна пока.
Есть мудрость в глупости
паяца,
Веселость — в шутке дурака.

Такая глупость не обманет
Того, кто разумом богат,
И гениальный Пиромани
Был величаво-глуповат.

Но мудрость ложная схоласта
Навязчива, как пыль степей, —
Она противнее гораздо,
И вредоносней, и глупей!

Не истина — победа в споре
Фальшивой мудрости нужна.
А глупость служит ей опорой —
И только потому вредна!
70-е годы

* * *
Это нас учили в институтах.
Мы поэты поперек и вдоль.
Разбираемся в науках
трудных,
Кроме дендиологии одной.

Очевидно, это не так важно, —
Я к такому выводу приду.
Ибо, если рассуждать отважно,
Каждый получает по труду.

Дураки — это лентяи мысли,
А лентяи — мысли дураки.
И над ихним бытом понависли
Недостигнутые потолки.
1947

Последний зимний

Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем
старт,
И самый тяжкий зимний
месяц —
Не сумрачный декабрь, а март.

Мне возражат: — Март —
месяц вешний,
В нем пробуждение луча!.. —
Я соглашусь: — Оно конечно,
Но только не для москвича.

Не отшумели все метели,
Спят под сугробами ручьи,
И до Москвы не долетели
Еще картавые грачи.

Не так прозрачна, как морозная
Небесная голубизна,
И если говорить серьезно,
То не пришла еще весна!..

Влача последний зимний месяц,
Я непростительно устаю.
Последние ступеньки лестниц
Для грузчика трудней, чем
старт.

* * *
Арабы, арбы, рабы,
Двугорбые верблюдов горбы
Смешались в пустынной тоске
И утонули в песке.

А желтое небо там,
Как желтого цвета раба...
«На базаре что хочешь
продам», —
Говорит арабу араб.
1939

* * *
Слово лучше компаса в пути,
Словом можно путь
предугадать.
Разве можно так: сказать —
приду — и не прийти,
Разве можно так: сказать —
отдам — и не отдать?

Слово мир особый и иной,
Равнозначный названному им;

Если слово стало болтовней —
Это слово сделалось плохим.

Это слово не нужно стихам,
Это слово — мир, который
гнил,

Лучше бы его я не слышал,
Не читал, не знал, не говорил.
1945

* * *

Как рыбы, золотые купола
Плывут туда, где небо синевеет,
Из той страны, которая была,
В такую даль, которая новее.

Они плывут, как рыбы из
былого,
А мимо них, виденцев старины,
Проходим мы, поэты-рыболовы
И прочие рабочие страны.
1941

Е. В.

Один мечтал о жизни царской,
Другой любил считать ворон.
А мы — как Минин и
Пожарский,
И как Брокгауз и Ефрон.

Пусть затруднений впереди сто
Миллионами гектоватт,
У нас идейное единство
И, может быть, Поэтоград.

Пойдем навстречу воскресеньям
Мы, а не будням.
Чтоб стать могло увеселеньем
Хоть что-нибудь нам.

И ни тебе (таков твой жребий),
Ни мне не стинуть.
И разве есть такая мебель,
Чтоб нам не сдвинуть?

Мы мудрецы, и путь наш
праведн,
И свят, и солнечн,
И нашим разумом не правит
Всякая сволочь!
1945

* * *

Век двадцатый войной
исковеркан.
Осознал с головы до пят его.
В глубину двадцать первого
века
Я смотрю с высоты двадцать
пятого.

Я смотрю сквозь веков венки,
Не вступивших еще
в обращение.
И еще я смотрю сквозь бинокль
Поэтического обобщения.
Вижу город, где нет для
ближнего
Никаких наказаний лютых,

И совсем ничего лишнего
Ни в стихах, ни в вещах,
ни в людях.

На земле никому не тесно,
Не дерется с народом народ.
Скажут — это неинтересно,
А по-моему, наоборот.

* * *

За невдомым бредущие,
Как поэты, сумасшедшие,
Мы готовы предыдущее
Променять на непришедшее.

Не тужи о нас. Нам весело
И в подвале нищеты;
Неожиданность инверсии
Мы подняли на циты.
1943

* * *

Мы подрубим сучки,
На которых сидим,
И сожжем свои корабли...
И я буду один, и ты будешь
один,
Словно иначе мы не могли.

И уйдем, и не выпьем стаканов
до дна,
И покинем праздничный пир,
И ты будешь один, и будет одна
Та, которую кто-то любил.

Я поссорюсь с тобой,
Ты расстанешься с ней,
И настанет такой денек,
Что ты будешь один,
но не станешь сильней
Оттого, что ты одинок.
1945

* * *

Сапер ошибается только раз.
Поэты или артисты
(Имею в виду только высший
класс!)
Три раза, раз тридцать
и триста.

Ущерба-убытка от этого нет,
Поскольку они не кассиры.
Бывает и так: ошибется поэт,
И дремлет в ошибке сила!

* * *

Поэта день как день царя,
Всю жизнь готов трудиться я.
Но каждый раз — тенденция
И всякий раз — традиция.
Ловлю минуту каждую
И волю проявляю.
В стихах, однако, царствую
Я, а не управляю.
1940

* * *

Река текла в ожесточенье,
Транжира облаков труды,

Ее поспешное течение —
Сокрытый умысел воды.

И не вникая в суть фразера,
Что тратит воду, речь оря,
Вода текла во все озера,
А большей частью — в моря.

Дано ей снова превращаться
И в облака, и в снег пурги;
Но я не буду возвращаться
К тому, что было у реки.
1939

Эпитафия на самого себя

Жил-был поэт. Он был обманут
Несогласившимися с новым.
Но все равно его помянут
Великолепным добрым словом.

Поэты завтрашнего мира!
Грядущих лет!
Остановитесь у могилы,
Которой нет!
1944

Неопубликованные стихи

* * *

Звезды на небе на что-то
похожи
Из того, что есть в жизни
земной,
И они там, должно быть, тоже
Рифмуются между собой.

Прочитать не способны их мы,
Только я, как поэт, постиг,
Что у звездочек сложные рифмы
И совсем никаких простых.
1945

Про Иванушку

Прибежал Иванушка на
похороны.
Песни погребальные завли.
Но решил Иван: поются плохо
они, —
И запел свои плясовые.

Крепко Иванушку били
Незнакомые парни;
Но песни Иванушки были
Лучше тех, которые
погребальны.

Ничего не может запретиться
Иванушке-дураку.
Все равно он поймает
жар-птицу
И погубит Бабу-Ягу.
1945

Наш новый конкурс «Друзья по переписке. СССР — США» вызвал обширную почту.

Публикуем несколько фрагментов из писем читателей и ответы на поставленные в них вопросы.

«С обидой и горечью прочитал в № 7 о финансовых трудностях журнала. Видимо, они могут ударить и по оргдеятельности редакции, по таким популярным конкурсам, как «Европейский дом», «Друзья по переписке». Они ведь, наверное, требуют много денег. Может быть, стоило бы создать «Фонд «Ст. М.»? А для начала брать некоторую сумму с читателей, чьи адреса печатаются на страницах журнала или попадут в Книгу?

Алексей Колесников, МГТУ.

Да, финансовое положение «Ст. М.» сейчас весьма трудное, вызывает тревогу... Но мы надеемся, что ваша читательская поддержка, которая выразится подпиской на журнал на 1991 год, окажется достаточно весомой. Если хотите нам помочь, то убедите ваших друзей подписаться на журнал.

Мысль о том, чтобы создать «Фонд друзей «Ст. М.» (аналогично, кстати, есть за рубежом. Даже знаменитый парижский «Континент» живет благодаря финансовой поддержке его друзей-читателей), замечательная. Будем думать, как ее осуществить.

Просим вас, Алексей, проговорить идею в кругу одноклассников. Интересно, что думают об этом другие наши читатели?

«Считаю, что вы зря оттолкнули нас, 18-летних, от участия в конкурсе «Друзья по переписке. СССР — США».
Артем Новиков, Кузбасс.

Ограничения по возрасту — условие американской сторо-

ны. По нашей инициативе этот вопрос пересмотрен. Д. Дилман сообщила: просьба «Ст. М.» рассмотрена и принята. Теперь в конкурсе могут участвовать и 19-летние.

«Я понял жесткие возрастные нормы как желание ограничить круг участников акции учащимися и подписчиками журнала. Но ведь можно было открыто сказать об этом. А у подписчиков 1990 и 1991 годов попросить копию квитанции.

Никита Коломенский, г. Уфа.

Никита правильно понял суть проблемы. При подготовке финальной части конкурса «Финляндия — северный сосед» мы столкнулись с тем, что среди победителей был незначительный процент учащихся.

Поэтому конкурс «Европейский дом» адресован читателям всех возрастов, а «Друзья по переписке» — школьникам, учащимся ПТУ и техникумов, студентам (любой формы обучения).

Идея с копией подписной квитанции принимается и включается в условия конкурса. Н. Коломенскому за дальнее предложение высылаем сувенир.

«По-моему, очень абстрактно звучит одно из условий конкурса: расскажите друзьям о

нем. Каждый из нас должен стать активным участником этого дела. И написать конкретно — сколько одноклассников, кого именно он агитировал участвовать в конкурсе сочинений, стать подписчиком журнала. За это можно давать дополнительный балл или спецприз.

Аня Григорьева, десятиклассница, Ленинград.

Предложение отличное, принимается. Ане высылаем спецприз.

«Можно ли написать в сочинении об учительнице английско-го? Она пробудила во мне любовь к этому предмету.
Настя Азаркина, г. Вологда, 7-й класс.

Конечно, можно. Но только не превышая объем сочинения в 250 слов. Для учителей, чьи ученики добьются лучших результатов, также учреждаются призы.

«Кто будет проверять наши сочинения?
Костя Дмитриев, г. Смоленск.

Учителя английского языка из московских школ и студенты института иностранных языков.

Редакция выступает только организатором конкурса.

Единовременное наше условие при подведении итогов, — чтобы участники конкурса были учащимися и подписчиками журнала на 1991 год.

«В конкурсе «Европейский дом» я уже участвую. Можно ли мне писать сочинение на конкурс «Друзья по переписке»?
Елена Матвеева.

Можно, если вы относитесь к учащейся молодежи, независимо от формы обучения (вечерники, заочники). А также если подписались на журнал на весь 1991 год и прислали в редакцию копию подписной квитанции.

Друзья по переписке. СССР — США

Конкурс проводится в помощь школьникам, учащимся ПТУ и техникумов, студентам в Советском Союзе и учащимся школ и колледжей в США, желающим наладить между собой дружескую переписку на английском языке.

В конкурсе будет не менее 10 тысяч победителей! Именно такое число участников акции попадает на страницы первой в мире книги «Друзья по переписке» объемом в 400 страниц. Ее выпуск будет осуществлен в 1991 году на американской издательской базе.

5000 советских призов будут от организаторов конкурса американские сувениры.

Кроме того, в ходе заочного тура определятся 50 финалистов, среди которых в очном конкурсе будут выявлены те, кто совершит месячное путешествие по СССР и месячное путешествие по США во второй половине 1991 года.

Главных победителей будет не менее 10 (5+5) человек. Кроме того, надеемся, что за оставшееся до финала время мы найдем еще спонсоров, и число главных победителей таким образом увеличится.

А теперь — доработанные (в том числе и с помощью читателей), уточненные условия конкурса.

Три «технических» условия конкурса:

— вы должны быть не старше 19 лет (на момент отправки своего сочинения);

— вы должны быть учащимся (школы, ПТУ, техникума, вуза; заочники и вечерники также могут участвовать в конкурсе);

— вы должны быть подписчиком «Студенческого меридиана» на 1991 год.

Содержательные условия конкурса:

Вам надо написать сочинение объемом не более 250 слов, о себе, своей жизни, учебе, семье, друзьях, увлечениях... Словом, о чем угодно. Лишь бы это было интересно сказано.

Сочинение должно быть написано черными чернилами, разборчивым почерком на английском языке. В конце сочинения буквально одной или двумя фразами добавьте небольшое послание «Всем друзьям мира». К английскому тексту приложите экземпляр полного русского перевода, написанного разборчивым почерком. Еще лучше, если все тексты будут отпечатаны на машинке.

Выберите одну-две ваших фотографии (черно-белые, размер не более 9×14).

Пообещайте себе и нам, вашим друзьям, ответить на все письма, которые вы получите (это условие, кстати, не такое простое. Каждый читатель, опубликовавший адрес в «Ст. М.», получает до 1000 откликов. Но, к великому нашему сожалению, не все отвечают на письма и даже не все отдают их в школы, интерклубы — то есть тем, кто на самом деле хочет переписываться).

Вы должны рассказать об условиях конкурса всем вашим друзьям и знакомым. Привлеките их к участию в нем. Кроме того, на отдельной страничке надо написать:

а) скольким друзьям вы рассказали о конкурсе;

б) и, кроме того, назвать, если, конечно, можете, имена своих знакомых, принимающих участие в акции «Друзья по переписке» по вашей «подсказке»;

в) на этом же листке напишите, где вы учитесь.

Сделайте с подписной квитанции, на которой оформлена подписка годового комплекта «Студенческого меридиана» на 1991 год, ксерокопию (на наш взгляд, сейчас это самый

простой вариант копирования документов).

Теперь каждую отправляемую нам страничку и фотографию аккуратно сверху надпишите, указав имя и фамилию, дату рождения и полный (с почтовым индексом) ваш адрес.

Таким образом вы должны отправить в редакцию:

— сочинение на английском языке,

— его копию на русском языке,

— фотографию (или две),

— листок, на котором написано, где вы учитесь, а также список ваших друзей, участвующих в конкурсе,

— ксерокопию подписной квитанции на 1991 год.

К этим пяти составляющим добавьте обыкновенный почтовый конверт за 6 коп. с четко написанным вашим адресом (с почтовым индексом). Конверт нужен на всякий случай, если у нас вдруг возникнут к вам вопросы.

Теперь все это вложите в конверт и отправьте по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5а, «Студенческий меридиан». С пометкой — «Друзья по переписке. СССР — США».

19 октября с. г. — последний день для отправки вашего сочинения (и сопутствующих материалов). Тех наших читателей, кто уже выслал свои сочинения, просим дослать в срок до 19 октября все выше обозначенные материалы.

На следующих страницах мы, для примера, поместили сочинения, принятые на конкурс.

Чтобы Вы могли лучше представить подачу материала в «Soviet and American Friends» («Друзья по переписке»), стр. 17—19 журнала сматрированы с использованием элементов дизайна будущей книги. Правда, снимки в ней будут, как и сказано в условиях конкурса, черно-белые.

Lena Javachova, 07-01-1977
USSR, Moscow, 119121, Pluschicha street,
58/7

When I was just a little girl I travelled a lot. I remember my parents and I crossed the North Circle for the first time. I was three years old at that time. I have a Charter of Svarog—the mighty sovereign of the air elements. The Charter was given to me on board an aircraft when we were crossing the North Circle. My parents lived in Spitsbergen (it is in the North) for rather a long time and I lived there too. I liked the wild and even severe nature there, I liked the people of the North—they were strong and courageous people. When we came back to Moscow I often thought of what I saw and learned in the North. Now I am trying to master the harp and learn to play the piano. I like to study English and History. I can spend hours over maps and books on History of various countries. When I am a grown-up I will travel a lot and will learn many interesting things. And now I like to listen about traditions and customs abroad. I am sure that writing letters and getting answers will help me greatly in this respect. I have a pen friend in Bulgaria, but I wish I had more. I hope that the contest SOVIET & AMERICAN FRIENDS will help me to get acquainted with many American students. If all

the students from the USSR and the USA become friends our Presidents will find many common points of view too. I dream of the time when students could not only write letters but meet at their homes as well.

WORLD PEACE

Ilya Asinovskov, 12-18-1973
USSR, Moscow, 125565, Konakovsky proezd,
8/1-74

I was born in Moscow and I love this city very much. This year I am finishing secondary school, that is why most of the time I spend studying: I made up my mind to enter a medical college. I can work as a male nurse now, but if I am a medical student I will try to become a good doctor. I am fond of reading. Though our family does not have a very big library I read a lot. We subscribe many magazines, like «Studenchesky meridian», «Rovesnik», «Ogonek», etc.—and some newspapers. Though I am going to be a doctor I like to read science fiction. Besides, I like movies. I prefer thrillers and adventure films. Once I watched a thriller «The Fly», it was really horrible, but I wanted to try myself. And I did. When I have free time I usually play soccer or basketball. If I stay at home I listen to rock-n-roll, hard rock or heavy music. I don't think classic music old and out of date. I like organ sounding. I can not read and listen to the organ music at the same time, but I can do anything when I am listening to the rock. I would like to have a pen pal in the USA. I know that we have much in common, but still there is a difference. I am sure letters from America will help me to learn it much more

better and I will have an opportunity to get my personal point of view on the people living there, and of course, I would learn English better. I am confident that SOVIET & AMERICAN FRIENDS will help to strengthen friendship between our countries if all the young people take part in the contest.

Dmitry Savelyev, 04-02-1976
USSR, Moscow, 119517, Matveevskaya
street, 18/2-72

Let me introduce myself—a lover of merry companies, travelling, skating and bicycle riding, an admirer of Modern Art. In my family there are six members: my grandmother, father, mother, sister and brother and I. Perhaps that is why I have a broad circle of interesting and intelligent friends of different ages. I am very fond of modern rock-music and classic opera. Most of all I like music by Verdi and

Katya Bednashina, 10-10-1972
USSR, Moscow, 127644, Lobnenskaya
street, 12/1-317

This year I am finishing school and I will be able to make my dream real at last. I dream to become an actress. I have been keen on the stage since childhood. An actress could do almost everything—she could sing, dance, she should be physically well trained. And, the last but not the least, she is supposed to be a courageous person, because an actress way is not only roses, but thorns as well. I feel I am not afraid of diffi-

Andrei Ponomarev, 03-04-1980
USSR, Moscow, 117463, Paystovskiy street,
8/3-458

Hi, there. I am 10 and I am a 4th grade student. My sister Alona is graduating from college this summer. I am a good student but my mother says I am lazy. I don't think she means it. I spend my summers at my uncles farm in the South. They have a big house and a garden there. There are all kinds of fruit trees in the garden. In August apples, pears, apricots, plums and peaches ripen and fall down from

Igor Startsev, 07-08-1975
USSR, Moscow, 121360, Krylatsky Holmy
Str., 27/2-4

It doesn't matter whether you are a girl or a boy, I will be glad to get acquainted with you at all events. I hope we'll become friends. I study in a sports college and go in for freestyle. My elder brother is a sportsman too and he goes in for alpine skiing. My father is a coach and perhaps that is why I am so fond of sports. My mother is a doctor and I really don't know why I have not become a doctor too. I love and respect my pa-

Chaicovsky. It is a pity but the only music instrument I mastered is a mouth-organ. I spend my leisure time reading science fiction, adventures and humorous stories. Sometimes I even write fairy-tales. I feel I have been interested in ethnography for all my life and for that reason I dream to tour round the world. But before this is a reality my brother and I help to do excavations of the Ancient Moscow. I have gathered a collection of old bottles, which I keep at home. When it is a week-end all of our family go to the country, but the most popular thing we do when we have free time is visiting Art Galleries. There are four of our family who make the company: my-sister

and brother, mother and I. Unlike their adherence to classic manner in art I prefer primitivism. Even in food I try to follow this rule — my favourite meal is brown bread and butter. When with my close friend we usually go to technological exhibitions — computers, machines, devices; when with my sister I wouldn't say no to going to students parties or concerts in Moscow University, where my sister studies genetics. I would like to let you know that I neither smoke, nor drink alcohol, I use no injections or narcotic drugs. If you don't think this disgusting I would be happy to get acquainted with you. I hope all of the pen pals will become real friends.

culties, as I have been preparing myself for coping with the thorns on my way to the stage since I was a little girl. That is why I tried myself in figure skating, ballroom dancing, music and in many other things. And my dream went out of the haze of an abstract wish and enters a concrete reality. I acted in an advert film and in a TV dramatic play, I also participated in a charity performance. Though my parts were not big, it made me sure I am on the right way. Two years ago I read a book by Margaret Mitchell «GONE BY THE WIND». I think Margaret Mitchell is the personification of American people's features. She embodied in herself a great cheerfulness, optimism, good energies

and lofty enthusiasm. Since that time I have been very much eager to know American people better. My parents share my interests. All of our family are sure that if the two great nations give hands to each other the world will become better. And I am absolutely confident that Art sets the main place in it, as it takes into account neither linguistic nor national barriers. Religious and political convictions make no difference to Art.

the trees. My six cousins — 5 girls and a boy — live there too. The girls are funny and like to have fun. They give performances on the porch of the house with singing, reciting and dancing. There is no stopping them. My uncle Ivan is a great guy. We go fishing almost every day with him. When we catch fish we give it to our neighbours. The two of us are just crazy about fishing and I think we get on everybody's nerves a little bit but nothing can discourage us. It's about 2 miles from my uncle's house to the river and we go by motorcycle. I help during the harvest time on the farm. My Dad takes me back home in mid-August. Sometimes weird things happen to us on the way ho-

me. Once the train to Moscow was 11 hours late and we spent a fun night at the railway station. When we get home we start preparing for school. I study English and my dream is to learn to drive. I have tried it once, it was great! I also want to know more about computers and to have one of my own. Keep in touch!

rents. I live in a beautiful district of Krylatskoe. It is widely known for its Olympic bicycle track and rowing canal. Many international competitions are held here. I have never taken part in the competitions yet, but I usually train nearby. It is very pleasant to live here: beautiful nature and clean air are rather unusual for a big city. You may even meet a hare or find a mushroom here. And in the winter it sometimes seems to me that the whole Moscow gathers here on Sundays to ski. It is really excellent to spend all day long breathing clean frosty air. Besides serious sports training I like reading. When I have free time I study to play a guitar and try to master English. I also like modern music. I usually

sing and dance to the music. My favourite singer is Michael Jackson. I record his songs, watch video clips and collect photos of him. But I wish I knew more about him. You may believe or not but I dream of making a ski ballet program on his music. It would look and sound thrilling on a snowy mountain slope. I hope you will tell me a lot of interesting things if you find my letters are not boring. I will try to make them interesting and I am ready to answer every of your question in details.

Основные особенности русской философии

Алексей Лосев

Этот текст А. Ф. Лосева, обнаруженный совсем недавно А. А. Тахо-Годи в архиве мыслителя, датируется началом 40-х годов, когда возникла еще одна иллюзорная надежда — работать в Московском университете, читать лекции по русской философии...

I

1. Русская философия, прежде всего, резко и безоговорочно онтологична. Русскому уму совершенно чужд всякий субъективизм и русский человек меньше всего интересуется своим собственным узколичным и внутренним субъектом. Этот онтологизм, однако (в противоположность Западу), заостряется в материи, что характерно для него еще со времен мистической архаики. Самая идея божества, как она развивалась в русской церкви, выдвигает на первый план элементы телесности (таково учение о «Софии», «премудрости божией»), в чем П. Флоренский находил специфику русского православия в отличие от византийского. В дальнейшем в связи с вырождением мистики эта «софиинная» философия постепенно теряет свою религиозную сущность. Еще в самом конце XIX века русский философ, восторженный апологет христианства Вл. Соловьев, выясняя происхождение христианства, указывал на «религиозный материализм», «идею святой телесности», дающей возможность утверждать не только внемирное божество, но и максимальную энергию всего материального и, в частности, чисто человеческой воли и действия (соч. IV 148 сл.). Поэтому нет ничего удивительного или непонятного в словах Писарева

(соч. I.356) о том, что «ни одна философия в мире не привьется к русскому уму так прочно и так легко, как современный здоровый и свежий материализм».

2. Второй чертой русской философии, тоже восходящей к мистической архаике, есть идея соборности. Тут мало сказать, что русские имеют в виду общечеловечность, социальность, человечность и общечеловечность. Общечеловечности сколько угодно в Англии и в Америке, и социальными идеями полна вся французская литература. Тут имеется в виду социальность как глубочайшее основание всей действительности, как глубочайшая и интимнейшая потребность каждой отдельной личности, как то, в жертву чего должно быть принесено решительно все. Это общее животрепещущее социальное тело, в котором каждая личность не больше как одна из бесчисленных органов или клеток, перешло из старого мировоззрения, после выветривания и вырождения мистики, в примат общечеловечности и народности, в чувство бесконечной, напряженной ответственности перед народом, в полагание всех сил и самой жизни за народное благо. О прямых идеологах общественно-политической борьбы и говорить нечего. Но опять-таки: даже такие мистики, как Чаадаев и Печорин, переходили в католицизм ради именно этой жажды социального преображения; даже такие идеалисты и метафизики,

как славянофилы, писали на своих знаменах в числе двух-трех основных принципов обязательно и «народность»; даже такие университетские и кадетские профессора-идеалисты, как кн. С. Трубецкой, называли себя социалистами. В начале XX века известный философ и мистик Н. А. Бердяев пишет о «правде социализма»; ордийные экстастики, вроде поэта-символиста Вяч. Иванова или композитора-романтика Скрябина, говорят о «всенародном действе». Поэтом, когда глава славянофильства А. С. Хомяков определял церковь как «организм истины и любви» или, душе, в качестве «истины и любви как организма», то этим он высказывал формально ту же самую общерусскую идею соборности, которая одушевляла и всех великих русских революционеров, когда они отдавали свою жизнь ради общего всенародного блага. Не только русский интернационализм XX века продиктован тем мотивом, но уже и Достоевский восхваляет Пушкина за его способность «перевоплощаться в чужие национальности», причем эту способность он объявляет как специфически русскую. И эту русскую национальность как органический интернациональный центр передового человечества знает уже в XVI веке старец Филофей, проповедующий знаменитую теорию Москвы — третьего Рима (причем говорилось: «а четвертому не быть»).

3. Отсюда вытекает, что как только русская философская мысль начинала касаться отдельной личности, то есть ставить этические вопросы, то они сразу превращались в идеологию этого общественного подвижничества и героизма. Сюда входит несколько идей. Во-первых, русские философствующие писатели испытывали жгучую потребность очищения, чистоты перед народом, острое чувство не только честного, справедливого, человеческого отношения к народу, но именно внутренней чистоты перед ним, обнаженной и очищенной совести. В народ шли и дворяне-демократы и разношнцы-демократы. Были многочисленные «кающиеся дворяне» и «активные народники» 70-х годов. Изнуряли себя покаянием и осу-

ждали свою литературную деятельность как бесполезную для народа не только великие реалисты Гоголь и Л. Толстой, но и такие символисты, как В. Розанов, Андрей Белый или Александр Блок. Этим же в значительной мере объясняется и покаяние, столь частое в писательской интеллигенции в период революции. Но, во-вторых, эта жажда внутренней чистоты перед народом превращается далее в подлинный героизм и самоотверженное подвижничество. Тема о «героическом характере» русской литературы была давно популярна, еще задолго до революции. В передовой русской интеллигенции честным считалось вести революционную борьбу или, по крайней мере, быть в оппозиции к правительству, и — бесчестным, подлым — уклоняться от борьбы и оппозиции. Стремление к чистоте становилось стремлением отдать и самую жизнь свою за дело револю-

ции. Правда, сюда не подойдут славянофилы, бывшие либералами или даже реакционерами. Но они продолжали культивировать старые идеи подвижничества, то есть понимали его как духовную практику, а значит, тем самым все же и они не расставались с общерусской идеей подвижничества. И революционеры XIX—XX веков, и подвижники допетровской Руси — одинаково аскеты, борцы, герои, полагающие свою жизнь за свою истину. Это пафос не устройства в жизни и не перестройки жизни, но коренного ее переделывания и преображения до конца.

4. Если, наконец, теперь мы спросим себя, в чем заключается русская философия как система, как *логическое построение*, то на основании всего вышесказанного необходимо будет сказать, что русская философия остро недолюбливает этих самых логических построений как таковых, при-

чем эта нелюбовь очень часто превращается в прямоту и острейшую ненависть ко всякому отвлеченному построению и к самой тенденции отвлеченно мыслить. В период мистической архаики мышление замещается религиозными символами, если не прямо догмами. В период светской литературы писатели предпочитают его художественным образам или моральной проповеди, или политическому памфлету. Но все и всегда в России предпочитают теории практику, и если можно, то революционную. С этой стороны было ошибочным у старых исследователей их стремление видеть в русской философии повсюду только западное заимствование. Западном здесь было то, что для русских писателей как раз было наименее существенным. А существенным для них было то, что они сами вкладывали в эти внешне попавшие им в западной литературе формы. Когда Белинский признавался, что он даже «фихтеизм понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови», то, очевидно, это не было влиянием Фихте, но — подлинно русской философией. Когда Герцен в диалектике нашел «алгебру революции», то это тоже не было влиянием Гегеля, как нет никакого Гегеля ни в оправдании у Белинского 1839—1840 годов действительности как «разумной». Русским не до отвлеченности. Не только Писарев громит всякую философию вообще, но даже и Герцен критикует Аристотеля, всю античную философию, равно как и немецкий идеализм, за отвлеченность. Чернышевский громит Чичерина за то, что тот хочет мыслить там, где надо спасаться от разбойников. Лермонтов «идею» связывает с «действием». Но и славянофилы — Хомяков, Ив. Киреевский, Юрий Самарин громят отвлеченный рассудок; Влад. Соловьев пишет «Критику отвлеченных начал»; В. Розанов плюется по поводу механических законов притяжения, которыми нельзя объяснить нравственной жизни; не только Чернышевский, Толстой и Писарев, но и все поэты-символисты единогласно вопят против теории «искусства для искусства»; и сам Пушкин, отдавший ей не-

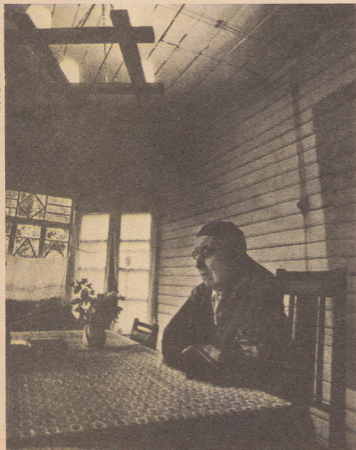

ФОТО СЕРГЕЯ ПАНИНА

которую дань, торжественно отмежевался от нее в своем «Памятнике». Сам Влад. Соловьев назвал теорию Чернышевского о примате жизни над искусством «первым шагом к положительной эстетике». Русская литература есть вопль против созерцательности, отвлеченности, схематизма; и вся она есть художественная и моральная исповедь и проповедь, политический памфлет и разоблачение, религиозное и социальное пророчество и воззвание, сплошная тревога и набат, но ни в каком случае не отвлеченное рассуждение, не логическая система, не методическое построение. Вопрос «что делать?» есть основной вопрос не только у Чернышевского, но и у Ленина; не только у Гоголя, Толстого и Достоевского, но и у всех революционеров, и дворянских, и разночинных, и пролетарских. «Воящий разум» Хомякова, «Целостный разум» Ивана Киреевского, «Дух в его живой целостности» Юрия Самарина вплоть до «цельного знания» Вл. Соловьева, «Живого знания» С. Л. Франка и «мистического эмпиризма» Н. О. Лосского, а с другой стороны — «маратовская» любовь Белинского к человечеству (по его собственному выражению, — «чтобы сделать счастливую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную»), «единство бытия и мышления» у Герцена, единство философской теории с политическим мировоззрением, устанавливаемые у Чернышевского для Гоббса, Локка, Руссо, Канта, Шеллинга, Гегеля и пр., учение о неразрывности духовного и материального у Добролюбова, — все эти многочисленные русские учения и понятия, начиная с ломоносовского рассуждения о соединении теории с практикой в химии и, конечно, современным учением о практике как критерии истины, — все это есть одна и единственная общерусская идея мышления не как отвлеченного и логически-построительного, но как жизненного, как неразрывно связанного с так или иначе понимаемым телом, с трудом, с творчеством, с так или иначе понимаемой общественно-политической жизнью, с исповедью и проповедью, с разоблачением и возванием, с

борьбой за активное пересоздание действительности, и это — при всем огромном разнообразии и часто даже полной несовместимости фактически проповедуемых здесь мировоззрений.

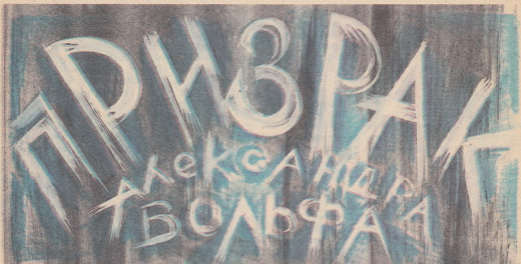
Таким образом, основными тенденциями русской философии является: в учении о бытии — материализм, в учении о человеке — социализм, в учении о цели жизни — подвижничество и героизм ради будущих благ, в учении о познании — единство теории с практикой и практика (в широком смысле) как критерий истины. Вся эта характеристика является, конечно, только предварительной и общей, только вполне абстрактной, и она не касается русской философии в ее содержании, а только указывает на принципы и методы построения любой русской философии. Так, она не затрагивает, конечно, борьбы материализма с идеализмом, а только указывает на русское и подлинно самостоятельное, независимое, что было и в русском идеализме и в русском материализме. Конкретная характеристика русской философии — с неминуемой в ней борьбой идеализма и материализма как отдельных мировоззрений — выясняется только на ее отдельных исторических периодах.

II

Русская средневековая философия. Века XI—XVII есть русское средневековье. Поскольку это есть период господства церкви, основное философское мировоззрение сводится здесь к христианскому богословию, то есть прежде всего к Ветхому и Новому Завету и примыкающей к этому патристической литературе, византийской и римской. Мировоззрение это не было, однако, совершенно исключительным. Так, например, существовала логика некоего Авиасафа, восходившая к арабскому философу Альгацелю. Кроме того, это официальное мировоззрение (а мы уже знаем, что даже и оно было в значительной мере религиозным материализмом), однако, всегда сильно разбавлялось и научными, натуралистическими тенденциями, шедшими к более позитив-

ному материализму. Сильный интерес к природе мы имеем уже в пределах богословской мистики, — в «Книге Еноха» (начиная с XIII в.), в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, в «Физиологе», в «Александрии», в «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, в «Богословии» Иоанна Дамаскина, в «Изборнике» Святослава (1073) и мн. др. Свою космологию дает «Луциариус» (XII в.) и даже «Толковая Папая». Имеет хождение «Великая наука», переделка из знаменитого Раймунда Ляллия, астрологические трактаты (из которых более ранние — Раули, Громник; Аристотелевы Врата, Альманах). XVII век надо считать переходом от средневекового мировоззрения к новому. Епифаний Славинский здесь уже защитник системы Коперника. Киево-Могилянский коллеgium в Киеве и Славяно-греко-латинская академия, основанные на христианской догматике, уже содержат в своем учебном плане не только богословие, но и философию и даже натурфилософские курсы (Иосаф Кроковский, Георгий Конисский в Киеве); знаменитые братья Лихуды ведут здесь не только логику Аристотеля с Комментариями Порфирия, но и физику, причем подавляющий аристотелизм этих предметов содержит в себе все больше и больше материала позитивного естествознания. Зарождается арифметическая традиция, приводящая в 1703 году к знаменитой «Арифметике» Магницкого, переводится с английского и латинского руководство по геометрии и т. д. Советский ученый Т. И. Райнов дал исследование открытой в 1775 году рукописи XVII века «Устава ратных, пушечных и других дел», которая может считаться прекрасным образцом русской науки типа Возрождения с ее математизмом и техницизмом и с принципиальной опорой на чувственный опыт. В настоящее время, однако, за неимением обобщающих исследований невозможно нарисовать связную картину развития философского мировоззрения Киевской и Московской Руси, и только с XVIII века мы вступаем на путь более уверенных и обоснованных суждений.

Роман¹

Она стала приходить ко мне почти каждый день. Когда я как-то обнял ее, она отстранила меня и сказала:

— Целоваться мы будем вечером, сейчас надо работать.

Она вносила в это такую серьезность, что мне невольно делалось смешно. Но я не мог не оценить ее помощи; моя работа шла вдвое скорее. Иногда она приходила утром и будила меня, потому что, в силу многолетней привычки, я ложился спать очень поздно и поздно вставал. Был конец мая, уже становилось жарко. Днем я работал с ней, вечером мы обедали вместе, потом чаще всего куда-нибудь шли, затем я провожал ее домой и почти всегда оставался у нее и присутствовал при ее вечернем туалете. Когда она выходила из ванной, с побелевшим лицом и побледневшими губами, с которых была снята краска, я снимал с нее халат, укладывал ее в кровать и спрашивал:

— Теперь тебе нужно колыбельную?

Когда потом, расставшись с ней глубокой ночью, я выходил на улицу и отправлялся домой, моя жизнь начинала казаться мне неправдоподобной, я все не мог привыкнуть к тому, что наконец у меня нет никакой трагедии, что я занимаюсь работой, которая меня интересует, что есть женщина, которую я люблю, так, как не любил никого — и она не сумасшедшая, не истеричка, и я не должен каждую минуту ждать с ее стороны либо припадаю неожиданной страсти, либо приступа непонятной злобы, либо неудержимых и бесполез-

ных слез. Все, из чего до сих пор состояло мое существование, — сожаления, неудовлетворенность, и какая-то явная напрасность всего, что я делал, — все это стало казаться мне чрезвычайно далеким и чужим, так, точно я думал о чем-то давно прошедшем. И в числе этих исчезающих вещей и слабейших воспоминаний было воспоминание об Александре Вольфе и его рассказе «Приключение в степи». Его книга по-прежнему стояла на моей полке, но я очень давно не раскрывал ее.

* * *

Однажды, войдя в квартиру, — у меня был от нее собственный ключ, — я услышал, что Елена Николаевна поет. Я остановился. Она пела вполголоса какой-то испанский романс. Это был один из тех мотивов, которые могли возникнуть только на юге и возможность возникновения которых нельзя было себе представить вне солнечного света. Эта мелодия непостижимым образом заключала в себе свет, как другие могли бы заключить в себе снег, как некоторые, в которых чувствовалась ночь. Когда я вошел в комнату, она улыбнулась и сказала мне:

— Самое смешное — это, что я никогда не подзревала, что знаю эту песенку. Я ее слышала года четыре тому назад на концерте, потом как-то раз в граммофоне — и вот вдруг выяснилось, что я ее помню.

— И, может быть, действительно, — сказал я, отвечая, как мне казалось, на ее мысль, — все, в конце концов, не так печально, и все положительные вещи не всегда и не непременно малы; зорны.

¹ В тексте сохраняются некоторые особенности авторской орфографии и пунктуации.

— Ты вообще теплый и мохнатый, — сказала она без всякой связи с началом разговора, — и когда ты не иронизируешь, то мысли у тебя тоже теплые и мохнатые. И тебе очень мешает способность думать, потому что без нее ты был бы, конечно, счастлив.

Меня больше всего интересовал прежний вопрос о том, что было с ней до ее приезда в Париж. Что именно, какое чувство так надолго застыло в ее глазах и откуда был этот душевный ее холод? Я был убежден, что на известный период существования Елены Николаевны легла какая-то тень, и я хотел знать, чьи глаза нашли свое неподвижное отражение в ее глазах, чей холод так глубоко проник в ее тело — и, главное, как и почему это произошло.

Но как ни сильно было мое желание узнать это, я не торопился, я надеялся, что у меня для этого еще будет время. Я впервые почувствовал возможность душевного доверия со стороны Елены Николаевны, когда однажды, сидя рядом со мной на диване, она вдруг положила мне руку на плечо каким-то неуверенным и точно непривычным движением, и этот жест, совершенно для нее не характерный, был более показателен, чем любые слова. Я посмотрел на ее лицо; но ее глаза еще не посмели за ее телом и сохраняли свое спокойное выражение. И я подумал, что она уже не такая, какой была некоторое время тому назад, — и может быть, больше никогда не будет такой.

Я встал и подошел к окну. Небо было звездное и чистое.

— Мне иногда жаль тебя, — сказал я. — У меня такое впечатление, что тебя неоднократно обманывали, и каждый раз, после того, как ты говорила что-либо, о чем лучше было молчать, тебе впоследствии приходилось рассказывать в этом. Я боюсь, что в числе твоих поклонников были люди, которых нельзя назвать джентльменами — и вот теперь, обжегшись на молоке, ты дуешь на воду.

Я обернулся. Она молчала, у нее было рассеянное и далекое выражение лица.

— А может быть, — продолжал я, — у тебя нечто вроде душевного пневмоторакса. Но у какого доктора хватило жестокости это сделать?

— Два года тому назад, в Лондоне, — сказала она своим спокойным и ленивым голосом, — я познакомилась с одним человеком.

И какая-то почти неуловимая ее интонация заставила меня сразу настроиться. Я продолжал стоять у окна. Мне казалось, что если я подойду к ней или сяду в кресло рядом с диваном или вообще сделаю несколько шагов по комнате, то первое же мое движение вдруг нарушит ее настроение, и я так и не узнаю, что она хотела мне сказать. Я даже не повернул головы — и в такой напряженной неподвижности я стал слушать ее рассказ. Она говорила на этот раз с полной и беззащитной откровенностью, — произошло то, чего я так давно и упорно ждал.

Это началось на вечеру у ее знакомых. Хозяин дома был человек пятидесяти лет, его жена была на двадцать лет моложе, чем он.

Мне хотелось спросить, какое значение для дальнейшего имеют подробности о возрасте хозяев, но я промолчал.

После очень плотного обеда были импровизированные выступления. Один из гостей недурно пел, другой читал стихи; какая-то дама очень мило

танцевала. Последним выступил высокий мужчина, который играл на рояли вещи Скрябина. На Елену Николаевну эта музыка произвела крайне тягостное впечатление, которое невольно связывалось с ее исполнителем. Когда, в середине вечера, он пригласил ее танцевать, ей нужно было сделать усилие над собой, чтобы не отказать ему. Но танцевала он прекрасно и оказался, как она сказала, самым занимательным собеседником, какого она когда-либо встречала. У него было бледное лицо и очень блестящие глаза. То, что он говорил, было умно и верно и как-то всегда попадало в ритм музыки, под которую они танцевали. Этот человек был другом хозяина дома и любовником его жены: Елена Николаевна видела пристальный взгляд ее синих глаз, не покидавший ее партнера все время.

Когда вечер кончился и он подошел к ней попрощаться, она с удивлением в первый раз заметила, что он не слишком молод; в его лице за эти несколько минут произошла, казалось, какая-то странная перемена. Но она вспомнила об этом впечатлении только значительно позже.

Прошла неделя, она встретилась с ним — он позвонил ей по телефону — в ресторане, где они ужинали. Он опять был таким же, как в вечер их первого знакомства. Играл оркестр венгерских цыган — с плачущими звуками скрипок, с неизменными и тягостно-сблизнительными удлинениями мелодии, которые внезапно обрывались, и вслед за которыми начинался быстрый ритм, похожий на звуковое изображение скачки лошадей по какой-то воображаемой и огромной равнине. Он слушал внимательно и потом сказал:

— В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство: это Россия. Но вы, может быть, не любите географии, особенно в ресторане? Вам не кажется, что все происходящее, в сущности, чудесно?

— Я так часто слышала именно эту фразу, что она потеряла для меня убедительность.

— А между тем это именно так, и ваши бедные собеседники были правы.

— Нет ничего скучнее — иногда, — чем быть правым.

— Конечно. Но если вы дадите себе труд проследить последовательность событий какой-нибудь одной человеческой жизни, то вы должны будете согласиться, что это почти всегда чудесно.

— Очень часто это просто неинтересно. И во многих случаях бывает непонятно, зачем, собственно, так ненужно и бессмысленно прожил такой-то или такой-то человек.

— Я знаю одну биографию, — сказал он, — биографию бедного европейского юноши из Польши, который родился в семье бакалейщика, но мечтал о карьере портного. Он участвовал в войне, был в плену, сражался, был ранен и после долгих мытарств попал в Англию, где ему удалось стать портным, как он надеялся на это всегда. Он мечтал об этом в сырых окопах, под звуки стрельбы, в госпитале, в плену. И после того, как он получил свой первый заказ, он заболел воспалением легких и умер через десять дней. Посмотрите — какая исключительная последовательность, какой замечательный конец!

— Вы видите в этом проявление какого-то высшего смысла?

Его лицо стало серьезным, блестящие его гла-

за смрели на это чрезвычайно пристально.

— Разве вам это не кажется очевидным? Это был бег к смерти. Он мечтал сделаться портным, как другие мечтают о славе или богатстве. Судьба хранила его, казалось бы, именно для того, чтобы он мог достигнуть этой цели. Он не был убит на фронте, не погиб в плену, не умер от гангрены или заражения крови в госпитале. И, наконец, когда его мечта осуществилась, оказалось, что ее осуществление несло в себе его смерть, к которой он так упорно стремился все время. Всякая жизнь становится ясна — я хочу сказать ее движение, ее особенности, — только тогда, в последние минуты. Вы знаете персидскую легенду о садовнике и смерти?

— Нет.

— К шаху пришел однажды его садовник, чрезвычайно взволнованный, и сказал ему: дай мне самую быструю твою лошадь, я уеду как можно дальше, в Исфгани. Только что, работая в саду, я видел свою смерть. Шах дал ему лошадь, и садовник ускакал в Исфгани. Шах вышел в сад; там стояла смерть. Он сказал ей: зачем ты так испугала моего садовника, зачем ты появилась перед ним? Смерть ответила шаху: я не хотела этого делать. Я была удивлена, увидя твоего садовника здесь. В моей книге написано, что я встречу его сегодня ночью далеко отсюда, в Исфгани.

Потом он прибавил:

— Я знаю много случаев, в которых смысл такого движения представляется особенно ясным. Я вам говорил о портном. Вот вам другой пример: русский офицер, участник великой, потом гражданской войн в России. Он провёл на передовых позициях шесть лет. Почти все его товарищи погибли. Он был несколько раз ранен, однажды пропал под обстрелом, с двумя пулями в теле четыре километра. Много раз он спасался от смерти просто чудом. Но он остался жив. Потом война кончилась, и он приехал в мирную Грецию, где уже ничто, казалось бы, не могло ему угрожать. Через день после своего приезда он шел ночью по окраине маленького азиатского городка, упал в колодезь и утонул. Подумайте — стоило ли тогда ползти под обстрелом, теряя сознание от слабости, с таким страшным усилием, стоило тратить столько несокрушимого мужества и героизма, чтобы однажды ночью утонуть в колодезе, после того, как все опасности остались позади?

— И вы думаете, что смысл всего существующего сводится к этому смертельному фатализму?

— Это не фатализм, это направление жизни, это смысл всякого движения. Вернее, даже не смысла, а значение.

— Вы посвятили, по-видимому, много времени обсуждению этого вопроса. Вам, наверное, приходилось думать о том, в какой степени ваша собственная жизнь...

Он вдруг еще больше побледнел. Скрипки играли с особенной пронзительностью.

— Много лет тому назад, — сказал он, — я встретил свою смерть, я видел ее так же ясно, как этот персидский садовник. Но в силу необыкновенной случайности она пропустила меня. Elle m'a raté¹, не знаю, как это сказать иначе. Я был очень молод, я летел ей навстречу сломя голову,

но вот эта случайность, о которой я говорил, спасла меня. Теперь я медленно иду по направлению к ней — и в сущности, я должен быть ей благодарен за то, что она, по-видимому, ошиблась страницей, так как это дает мне счастье смотреть в ваши глаза и излагать вам эти полуфилософские обрывки.

— Мне казалось, что все тогда было против меня, — сказала Елена Николаевна, — вечер, музыка, это лицо с блестящими глазами. Но у меня еще были силы сопротивляться этому. Их, однако, хватило ненадолго.

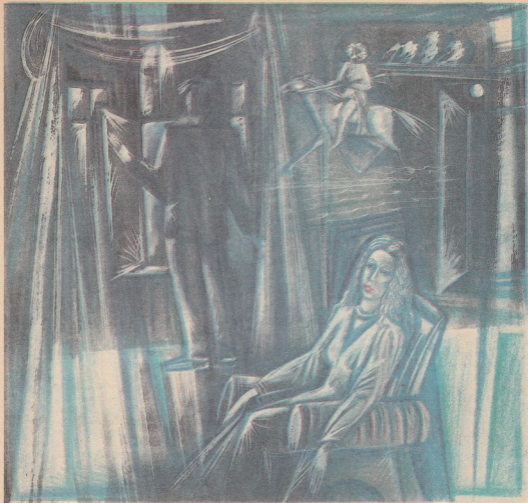
Она встречалась с ним примерно раз в неделю. После первого свидания в ресторане он на время изменил своей тогдашней, философской, как она сказала, манере, — он говорил о скачках, о фильмах, о книгах, и чем больше она его узнавала, тем очевиднее для нее становилось, что он был головой выше всех, с кем ей до сих пор приходилось встречаться. И все-таки, несмотря на умные и верные вещи, несмотря на то, что перед ней открывался целый мир, которого она не знала, — на всем этом был налет холодного и спокойного отчаяния. Она никогда не переставала внутренне сопротивляться этому. Она не могла противопоставить его рассуждениям что-то другое, это был бы слишком неравный и заранее проигранный спор. Но все же существо протестовало против этого, она знала, что это неправильно, или если это правильно, то нужно — и стоит — сделать нечеловеческое усилие, чтобы это сразу забыть и никогда к нему не возвращаться.

Она ставила себе вопрос: что давало этому человеку силу жить? То, во что верили другие, для него не существовало; даже самые лучшие, самые прекрасные вещи теряли свою прелесть, как только он касался их. Но его притягательность была непреодолима. Елена Николаевна знала, что это неизбежно, и когда она стала его любовницей, ей казалось, что она вспоминает нечто случившееся уже давно. И еще несколько позже она поняла, как этот человек мог существовать, и что поддерживало его в этом длительном путешествии навстречу смерти: он был морфинианом. Она однажды спросила его, как могло случиться, что он, с его умом и способностями, он, который был, несомненно, выше всех, кого она знала, мог дойти до такого безнадежного состояния?

— Это потому, что я пропустила свою смерть, — ответил он.

Ее роман с ним был омрачен еще одним трагическим событием. Прежняя его любовница, хозяйка того дома, где Елена Николаевна впервые услышала музыку Скрябина, не могла примириться с новым положением. Она писала угрожающие письма, грозила разоблачениями, сторожила часами у подъезда его дома. Это была вздорная женщина, которая, как он выразился, прожила свою жизнь, задумавшись раз навсегда о какой-то ерунде, затем влюбившись в него, и это заплодило все ее существование. Любила ли ее он? Нет, это было затянущееся недоразумение. Но кончилось оно трагически: она отравилась, оставив мужу подробное письмо, в котором рассказывала историю своего романа и объясняла, что лишает себя жизни, так как этот человек не хочет больше с ней жить. С наивной жестокостью она прибавила: ты, который меня так любил, ты должен понять, что это такое.

¹ Она меня не достигла (фр.).

Он пытался приучить Елену Николаевну к морфию, — и, в сущности, это было единственное, что ему не удалось. После первого опыта она ощутила, как она сказала, ледяную, не постижимую до тех пор, прозрачность, но потом ей было дурно, и она никогда больше не повторяла этой попытки. Во всем остальном она чувствовала, что сдает и в конце концов гибнет. Ей казалось, что ее отделяли от встречи с ним уже целые годы утомительной жизни и что в ней не осталось ничего от прежней Леночки, какой она была как будто бы так недавно. Изменился даже ее характер, ее движения стали медлительнее, ее реакции на происходящее теряли свою силу, словом, все было так, точно она была погружена в глубокий душевный недуг. Она чувствовала, что если это будет еще продолжаться, то кончится небытием или падением в какую-то холодную пропасть. Те попытки, которые она делала, чтобы изменить его жизнь, — потому что она, несомненно, любила его — ни к чему не привели. И та теплота, которая в ней была, постепенно слабела и уходила.

И вот, как у человека, наполовину отравленного газом и почти терявшего сознание, хватает силы доползти до окна и открыть его, так у нее хватило сил, проснувшись однажды утром, уложить свои вещи и уехать на вокзал, а оттуда в Париж. Но до этого она сделала все, что могла, пытаясь вернуть его к сколько-нибудь нормальной жизни. Она рассказала мне о своем последнем разговоре с ним. Это было вечером, в его квартире. Он сидел в кресле, у него было усталое лицо и потухшие глаза. Она сказала ему:

— Все как-то так чудовищно в твоей жизни, что у меня опускаются руки. Ты говоришь, что любишь меня?

Он кивнул головой.

— Ты себе представляешь, что у меня может быть ребенок?

— Нет.

— Мне кажется, что я так же имею право быть матерью, как всякая другая женщина.

Он пожал плечами.

— Я могла бы выйти за тебя замуж. Вместе с тем ясно, что это абсурд. Ни то, ни другое не-

возможно. Почему? Ты считаешь себя осужденным на смерть. Но мы все осуждены на смерть.

— Иначе.

— Почему?

— Потому что все понимают это только теоретически, а я знаю, что это такое. Почему? Не могу объяснить. В некоторых тюрьмах арестантов отпускают в город, под честное слово, на день или на два. Они так же одеты, как все остальные, так же могут обедать в ресторане или сидеть в театре. Но они все-таки непохожи на других — не так ли? Меня отпустили на некоторое время: я не могу ни думать, ни жить так, как все, потому что я знаю, что меня ждут.

— Это одна из форм сумасшествия.

— Может быть. Кстати, что такое сумасшествие?

— Ты понимаешь, во всяком случае, что это не может так продолжаться. Я не могу так жить.

— Всякая другая жизнь показалась бы тебе теперь неинтересной и лишенной привлекательности. Ты никогда не станешь такой, какой была раньше.

— Почему?

— Во-первых, потому, что это маловероятно.

— А во-вторых?

— Во-вторых, потому, что я этого не допущу.

— Ты хочешь сказать, что ты остановишь меня?

— Да.

— Каким путем?

— Это неважно, каким угодно.

Если бы этого разговора не было, она, вероятно, осталась бы с ним еще на некоторое время. Но мысли, что ее можно к чему-то принудить или удержать какой-то угрозой, она не могла перенести.

И уехав от него, она убедилась, что в его словах была значительная часть истины. Она была отравлена его близостью, может быть, надолго, может быть, навсегда. И вот, как будто только теперь, впервые за все эти месяцы и годы, она почувствовала, что, может быть, это не безвозвратно. Она буквально сказала эту фразу:

— И вот только теперь я начинаю думать, что это может быть не безвозвратно.

Я отошел от окна и сел рядом с ней на диване.

— Какой ты теплый, — сказала она.

— Он, конечно, не знает, где ты?

— Нет, он знает только, что я уехала. Я не думаю, чтобы он мог найти меня. Можно, я лягу? Я устала оттого, что рассказала тебе это. И вместе с тем я всегда знала, что когда-нибудь я буду кому-то рассказывать о моей жизни, потому что он будет меня спрашивать об этом, и потому, что в эти минуты я буду его любить. Ты видишь, как давно я знала о тебе?

— Да, конечно. А потом ты кому-то будешь рассказывать обо мне. И ты скажешь: он писал некрологи и спортивные отчеты и статьи о женщине, разрезанной на куски, — и что еще, Леночка?

— Еще — что ты больше понимал, чем умел сказать, и что твои интонации были выразительнее, чем слова, которые ты говорил. Но, может быть, я этого никому не скажу.

* * *

Я снова возвращался домой по пустынным ночным улицам, и, несмотря на то, что мне хоте-

лось заснуть и не думать ни о чем, я все же не мог избавиться от размышлений по поводу этого человека, о котором рассказывала Елена Николаевна. Что могло случиться с ним, что вызвало в нем этот странный вид душевной болезни? Я знал, что поиски какого-то отправного момента, с которого начинается всякий душевный недуг, всегда мучительно трудны и чаще всего совершенно бесплодны. Кроме того, даже если бы я нашел абсолютное правильное решение этого вопроса, у меня не было никакой возможности его проверить. И затем — какое мне, в сущности, было дело до этого человека? Я только лишний раз убеждаюсь в том, что в силу неизменно повторяющейся случайности, может быть, в силу каких-то других причин, которых я не знал, в каждом моем романе всегда был ненужно-трагический элемент, и это почти никогда не было по моей личной вине. Обычно это бывала вина одного из моих предшественников, за которую невольно приходилось расплачиваться мне.

И мне начало казаться, что вообще моя роль заключается в том, что я появляюсь после катастрофы и все, с кем мне суждена душевная близость, непременно перед этим становятся жертвами какого-то несчастья. Я всегда искал причин, вызвавших ту или иную катастрофу, — и вот теперь я думал о моем лондонском предшественнике, об этом человеке с таким непонятным тяготением ко всему, что заключало в себе идею смерти. Я знал по собственному опыту и по примеру многих моих товарищей, то непоправимо разрушительное действие, которое оказывает почти на каждого человека участие в войне. Я знал, что постоянная близость смерти, вид убитых, раненых, умирающих, повешенных и расстрелянных, огромное красное пламя в ледяном воздухе зимней ночи, над зажженными деревьями, труп своей лошади и эти звуковые впечатления — набат, разрывы снарядов, свист пуль, отчаянные, неизвестно чьи крики, — все это никогда не проходит безнаказанно. Я знал, что безмолвное, почти бессознательное воспоминание о войне преследует большинство людей, которые прошли через нее, и в них всех есть что-то сломанное раз навсегда. Я знал по себе, что нормальные человеческие представления о ценности жизни, о необходимости основных нравственных законов — не убивать, не грабить, не насиловать, жалеть, — все это медленно восстанавливалось во мне после войны, но потеряло прежнюю убедительность и стало только системой теоретической морали, с относительной правильностью и необходимостью которой я не мог, в принципе, не согласиться. И те чувства, которые должны были во мне существовать и которые обусловили возникновение этих законов, были выжжены войной, их больше не было, и их ничто не заменило.

Он не мог, конечно, не знать об этом всего, что знал я. Но, с другой стороны, сотни тысяч людей прошли сквозь это и не стали сумасшедшими. Нет, конечно, естественное было предположить, что в его жизни произошли какие-нибудь особенные события, о которых ничего не знала даже Елена Николаевна и которые предопределили его теперешнее состояние.

Я прошел подороги, затем остановил проезжавшее такси и, вернувшись домой, заснул мертвым сном.

Я помню, что на следующий день была прекрасная погода, солнце и синее небо с белыми, перистыми облаками. Мне очень легко работалось, я за несколько часов написал большую статью, на этот раз не о преступлении и не о банкротстве, а о некоторых особенностях Мопассана. И в половине десятого вечера пошел в русский ресторан. Приближаясь к нему, я вспомнил о цыганских романах и о Вознесенском. Я вошел и сразу увидел его. Он был не один: за его столиком спиной ко мне сидел человек в светло-сером костюме; белокурые волосы не совсем прикрывали начинавшуюся лысину. Вознесенский замахал мне рукой и поднялся со своего места, приглашая меня подойти. Когда я приблизился, он сказал:

— Искренне рад вас видеть, милый друг. Вот, разрешите вас познакомиться: Саша Вольф собственной персоной, Александр Андреевич, только что приехавший из Лондона. Еще, пожалуйста, графинчик, красавица, — сказал он, обращаясь к кельнерше, которая подошла к столику одновременно со мной, — вы уж, миленькая, нас не обижайте.

Александр Вольф повернул голову, и я увидел его лицо. Он был еще красив, на вид ему было лет сорок. Может быть, если бы я не знал, что это он, я не обратил бы на него особенного внимания. Но оттого, что я это знал, мне показалось несомненным, что я вижу перед собой именно то, давно и страшно знакомое лицо, воспоминание о котором столько лет преследовало меня. У него была очень белая кожа и неподвижные серые глаза.

— Я ему говорил о вас, — сказал Вознесенский. — Ведь если бы не он, Саша, я бы так и не узнал, что ты написал в твоей книге. Садитесь, милый друг, выпьем рюмочку, мы, слава Богу, люди православные.

Я не находил слов, чтобы заговорить с Вольфом. Зато Вознесенский не умолкал. Как только я сел за стол, он выпил очередную рюмку и с пьяной пристальностью посмотрел на Вольфа.

— Саша, друг мой, — сказал он с необыкновенной выразительностью, — ведь ты подумай только, какой ты для меня человек, у меня нет большего друга. Ведь мы тебя, сукиного сына, мертвого было подняли, доктор тебя в больнице выходя, верно это или нет? А если верно, так к кому от меня Марина ушла? А? А какая была девочка, Саша! Ты лучше знала когда-нибудь?

— Знал, — с неожиданной твердостью сказал Вольф.

— Врешь, не может быть, Саша. А я не знал и не узнаю. Почему ты о ней не напишешь, хотя бы даже по-английски? Она на всех языках хороша. Напиши, Саша, будь другом.

Вольф, не улыбаясь, взглянул на него, потом перевел взгляд на меня.

— Меня заинтересовал ваш рассказ «The Adventure in the Steppe», — сказал я, — по некоторым причинам, которые я вам изложу, если вы позволите, в более подходящей обстановке. Мне бы вообще хотелось поговорить с вами о некоторых важных, с моей точки зрения, вещах.

— Я к вашим услугам, — ответил он. — Если хотите, встретимся здесь же послезавтра, часов в пять. Мне Владимир Петрович рассказывал о своих разговорах с вами.

— Очень хорошо, — сказал я, — тогда, значит, послезавтра, в пять часов, здесь же.

Я ушел не сразу. Каждый раз, когда это было возможно, я смотрел на Вольфа с той жадной и пристающей напряженностью, которая была характерна для всего моего отношения к нему и которая только в последнее время ослабела, потому что другие, более сильные чувства владели мной.

В лице Вольфа было, мне казалось, что-то, резко отличающее его от других лиц, которые я видел. Это было трудно определяемое выражение, нечто похожее на мертвую значительность, — выражение, казавшееся совершенно невероятным на лице живого человека. Для того, кто, как я, так внимательно читал его книгу, представлялось чрезвычайно странным, что именно этот человек, с неподвижным взглядом и этим непередаваемым выражением, мог писать такой быстрой и гибкой прозой и видеть этими же остановившимися глазами столько вещей.

«Beneath me lay my corpse with the arrow in my temple», — я вдруг вспомнил этот эпиграф к «The Adventure in the Steppe». Вот что в нем было главным — он был действительно похож на призрака. Как я мог этого не понять с самого начала? Мне вдруг стало холодно на несколько секунд.

* * *

Уходя от Елены Николаевны следующей ночью, я сказал ей:

— Я не знаю, в котором часу я приду завтра и даже приду ли я вообще. Я позвоню тебе по телефону.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но у меня очень важное свидание.

— С мужчиной или с женщиной?

— С призраком, — сказала я. — Я потом расскажу тебе это.

В ресторане не было никого, когда я пришел туда, кроме какого-то подвыпившего шофера такси, который беспрестанно целовал руку подававшей ему кельнерше и рассказывал ей о своих переживаниях. Я явился без десяти пять. Вольфа еще не было, и поэтому я успел услышать, что именно говорил шофер. Это был очень галантный, именно галантный человек, бывший кавалерист, чрезвычайно любезный — по крайней мере, в пьяном виде, — и по-узловому, обескураживающе великосветский.

Я сидел и пил кофе, до меня доходили его слова:

— И тогда я написал ей письмо. Я ей написал — что делать, моя дорогая, наши пути разошлись. Но я прибавил фразу, которую она, наверно, никогда не забудет.

— Какая же это фраза? — спросила кельнерша.

— Я написал буквально так: я тебя поставил на такой высокий пьедестал — и ты сама с него слезла.

Он в это время в ресторан вошел Вольф. Он был в другом костюме, темно-синего цвета. Я пожал ему руку. Он заказал себе кофе и спокойно-выжидательно посмотрел на меня.

— Несколько месяцев тому назад, — сказал я, — за этим самым столиком, Владимир Петрович рассказывал мне о своем знакомстве с вами.

РЯДОМ С НАМИ

Восхождение к Храму

«...Село Дубровицы находится близ города Подольска, в трех верстах 220 сажнях от него, на горе, при слиянии реки Десны с Пахрою. Имение это в настоящее время принадлежит Действительному Статскому Советнику Князю Сергею Михайловичу Голицыну. Дубровицы состоят из барской усадьбы с церковью. Храм представляет верх зодчества и относится к так называемому стилю периода Высокого возрождения искусства в Италии. Храм Знамения Пресвятой Богородицы был основан в 1690 году, а в 1704 освящен в присутствии храмоздателя Государа Царя и Великого Князя Петра Алексеевича.

Рождение Храма произошло в то время, когда людям, не потерявшим веры, еще являлись знаменья, и верующие во имя укрепления души и почитания святых знаков божиих создавали церкви, величии которых не было равных... Искуснейшие мастера

«человек до 100» были специально для данной цели — построения святой обители — выписаны из Италии и в течение 14 лет, включая и зимнее время, изготовляли резьбу, толкли алебастр и стекла, подле южных ворот писали образ святых Апо-

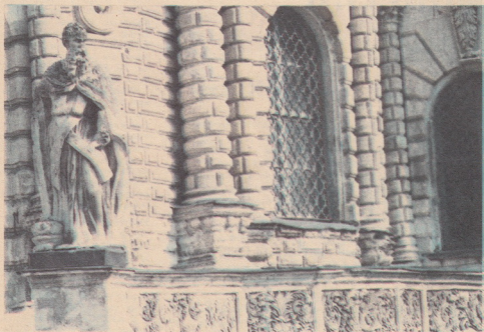
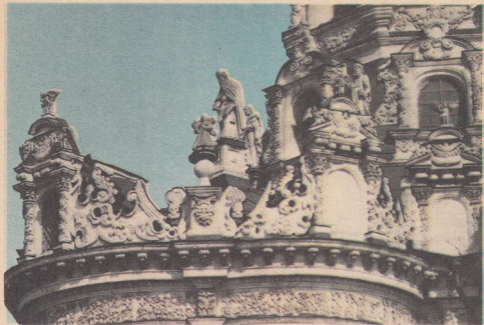
столов Петра и Павла, а подле северных — святых Благочерных Князей Бориса и Глеба. В течение 14 лет Храм был построен. А в наше время его реставрируют уже... лет 30. Правда, в количестве пяти человек.

Описывать сей великолепный памятник архитектуры я считаю кощунством. Это — каменная музыка. Он действительно уникален, потому что, будучи православным, Храм соединил, вобрал в себя и многие черты церковной архитектуры католицизма. Так, стены церкви покрыты латинскими стихами:

Иисус в девятый час,
Когда уже все соделаа,
Простерши великий глас,
Отчу дух в руце предал.

Но, быть может, «время пришло для возобновления в православном храме латинских надписей и стихов?»

В ЮНЕСКО действует международная организация «Добровольный труд». Много лет молодые люди из разных стран работают на восстановлении уникальных памятников истории Земли. Храм Знамения Пресвятой Богородицы

Смотришь и не веришь...
Такое чудо вблизи
Подольска?

Представьте себе Христианский центр, объединяющий действующий Храм прихода из «23 деревень», церковно-приходскую школу, богадельню, духовную гимназию, Большой церковный хор и церковный архив... Представьте себе ежегодные паломничества к месту, где некогда свершилось Знамение, к месту, связанному с именами Петра Первого, Екатерины II, родом Голицыных. Церкви живут вечно, но только в том случае, если они кому-нибудь нужны. И только молодые руки смогут вдохнуть новую жизнь в старые стены. А в 1990 году у церкви Знамения Пресвятой Богородицы юбилей — трехсотлетие со времени заложения Храма царственным зодчим.

Дорога уже заросла лопухами и еле видна, но она все еще ведет к Храму. Неужели мы ее потеряем? Не должны!

«Путеводитель по Знатным селам» 1890 года, типографии Нейбюргера, и Наталия Бекетова, год 1990

От редакции. Рубрика «Рядом с нами» стала постоянной на страницах журнала. Мы пытаемся помочь вам лучше познать совершенно, к сожалению, нам незнакомый мир. Мир веры, религии, церкви. Вы уже узнали о молодежном экуменическом движении, об Адвентистах седьмого дня, о буднях семинаристов Загорска, о том, что «Синдесмос» — это всемирное братство молодежных православных организаций. А также о том, что думают ваши верующие сверстники, как они пришли в религию... Но это только начало. И возможно, не во всем удачное. Что вы думаете по этому поводу? Нравится ли вам наша рубрика? Что бы еще вам хотелось узнать?

долго ждал своего часа, но есть опасение, что еще одно «обязательное», но ни к чему не обязывающее мероприятие может попросту уничтожить его.

В 1850 году было написано «Дело об обновлении Храма». Но чем же оно закончилось? «Мы думали: какое святотатство совершили наши «возобновители», искалечив памятник Петра Первого... Какое варварство совершили наши «любители», вырвав литографический рисунок храма из «Дела об обновлении». Отдельные латинские надписи заменили русскими... Но особенно мы краснели за того «посетите-

ля главного дома», который дерзнул нарисовать усы прекрасной женской статуе...» Да, русский народ не отличался особым почтением к святыням древности, особенно тем, за которые некому было заступиться. И если такой след оставили после себя «восстановители» сто лет назад, то не дай Бог нам подобной реставрации сегодня.

Поэтому взяться за реставрацию должны только истинно верующие люди, и ими могут стать молодые реставраторы-христиане «Русской Америки» и их российские «братья по духу».

Есть ли будущее у этой церкви? Безусловно, есть!

Гайто Газданов

Роман

Продолжение. Начало на стр. 23

Это было после того, как моя попытка узнать что-либо о вас — о ней я скажу позже, если позволите, — потерпела очень неожиданное фиаско.

— Что, собственно, вызвало с вашей стороны такой интерес к моей особе? — спросил он. Я опять не мог не обратить внимания на его голос, очень ровный, невыразительный, без резкого изменения интонаций.

Я вынул из своего портфеля его книгу, развернул ее на той странице, где начинался рассказ «Приключение в степи», и сказал:

— Как вы помните, ваш рассказ начинается с упоминания о белом жеребце апокалиптической красоты, на котором герой ехал навстречу смерти. После событий, которые потом описываются, герой спрашивает себя, что стало с человеком, стрелявшим в него, и который продолжал скачку к смерти на этом же коне, в то время, как он, герой, с пульей, застрявшей чуть выше сердца, умирал, лежа поперек дороги. Не так ли?

Вольф смотрел на меня с напряженным вниманием, чуть прищурив свои неподвижные глаза.

— Да. И что же?

— Я вам могу ответить на этот вопрос, — сказал я.

Его лицо не изменилось, только глаза стали шире.

— Вы можете ответить на этот вопрос?

Мне было трудно дышать, я чувствовал необыкновенное стеснение в груди.

— Я помню это так, как будто это было вчера, — сказал я. — Это я стрелял в вас.

Он вдруг встал со стула и секунду остался стоять, точно собираясь что-то сделать. Мне показалось, что он сразу вырос на целую голову. И тогда я увидел его глаза, такие же расширенные и такие же неподвижные, в которых появилось и исчезло что-то действительно страшное — и я понял в эту секунду, что в авторе «J'll Come Tomorrow» все-таки оставалось нечто почти забытое, почти умершее, но именно то, что хорошо знал в свое время Вознесенский и что я оставил тогда — только потому, что у меня был револьвер, и только потому, что и я был способен стать убийцей. Но Вольф тотчас же сел опять и сказал:

— Извините меня, пожалуйста. Я слушаю.

— Это мое лицо вы видели над собой после того, как вы упали с лошади. Вы не ошиблись в вашем описании: мне было тогда шестнадцать лет. У меня, наверное, было сонное выражение, я не спал перед тем около тридцати часов. Это я уехал на вашем жеребце, потому что вы убили нашим первым выстрелом мою вороную кобылу. Это я стоял, наклонившись над вами. Я поспешил уехать потому, что ветер донес до меня далекий звук копыт. Как я выяснил недавно, в разговоре с Владимиром Петровичем, это был топот тех лошадей, на которых он и двое его товарищей ехали вас разыскивать.

Вольф молчал. Совершенно опьяневший шофер опять рассказывал о своем письме, но уже другой кельнер.

— ...такой высокий пьедестал, — и ты сама с него слезла...

— Значит, это вы, — сказал Вольф с утвердительной интонацией.

— К несчастью, — ответил я. — Все эти годы воспоминание об этом никогда не покидало меня. Я очень дорого заплатил за свой выстрел. Во всех чувствах, даже самых лучших, которые я испытывал, всегда оставалось какое-то темное и пустое пространство, в котором было неизменно одно и то же смертельное сожаление о том, что я вас убил. И, я думаю, вы поймете, как я был рад, когда я прочел ваш рассказ и узнал, что вы остались живы. И вы извините теперь, я надеюсь, мою нескромность по отношению к автору «J'll Come Tomorrow».

Я ждал его ответа. Он молчал. Потом он перевел дыхание, и тогда я заметил, что он, по-видимому, был взволнован не меньше, чем я, и сказал:

— Это так неожиданно, я настолько иначе представлял себе вас, и я настолько привык к мысли о том, что вас давно нет в живых...

Он был интересным собеседником; много знал, видел все очень своеобразно — и я понял, почему именно этот человек мог написать такую книгу. Его философия отличалась отсутствием иллюзий: личная участь неважна, мы всегда носим с собой нашу смерть, то есть прекращение привычного ритма, чаще всего мгновенное: каждый день рождаются десятки одних миров и умирают десятки других, и мы проходим через эти незримые космические катастрофы, ошибочно полагая, что тот небольшой кусочек пространства, который мы видим, есть какое-то воспроизведение мира вообще. Он верил все-таки в какую-то трудноопределимую систему общих законов, далекую, однако, от всякой идеалистической гармоничности: то, что нам кажется слепой случайностью, есть чаще всего неизбежность. Он полагал, что логики не существует вне условных и произвольных построений, почти математических; что смерть и счастье суть понятия одного и того же порядка, так как и то и другое заключает в себе идею неподвижности.

— А тысячи счастливых существований?

— Да, людей, которые живут, как слепые цыгане.

— Не непременно; может быть, иначе.

— Если у вас есть то свирепое и печальное мужество, которое заставляет человека жить с открытыми глазами, разве вы можете быть счастливы? Нельзя даже представить себе, чтобы

те, кого мы считаем самыми замечательными людьми, были счастливы. Шекспир не мог быть счастлив. Микеланджело не мог быть счастлив.

— А Франциск Ассизский?

— Он любил мир, как люди любят маленьких детей, — сказал Вольф. — Но я не уверен, что он был счастлив. Вспомните, что Христос был неизменно печален, и вне этой печали христианство немислимо вообще.

Потом он прибавил другим тоном:

— Мне всегда казалось, что жизнь чем-то похожа на путешествие в поезде, — это медленность личного существования, заключенная в стремительном внешнем движении, эта кажущаяся безопасность, эта иллюзия продолжительности. И потом, в одну неожиданную секунду — рухнувший мост или развинченная рельса и то самое прекращение ритма, которое мы называем смертью.

— Вы представляете себе ее именно так?

— А вы видите ее иначе?

— Не знаю. Но если нет этого насильственного прекращения ритма, как вы это называете, то это может быть по-другому: медленный уход, постепенное охлаждение и почти незаметное, почти безболезненное скольжение туда, где слово «ритм» уже, наверное, не имеет смысла.

— Каждому человеку свойственна, конечно, его собственная, личная смерть, хотя его представление о ней может быть ошибочно. Я, например, уверен, что умру именно так — насильственно и мгновенно, почти так, как тогда, во время нашего первого знакомства. Я почти в этом убежден, хотя в мирных и благополучных условиях моей теперешней жизни это представляется, казалось бы, маловероятным.

Я рассказал ему историю моей неудачной попытки узнать о нем то, что меня интересовало, и, в частности, мой визит к директору лондонского издательства. Я не мог ему не сказать, что меня поразили последние слова этого человека.

— Я должен признаться, — ответил Вольф, — что у него были некоторые основания так говорить. Он считал меня виновником одной очень трагической истории, которую он пережил. Я, к сожалению, не могу вас посвятить в ее подробности, я не имею права это делать. Его суждение обо мне было в общем ошибочно, но я его понимаю.

— Одна сторона этого вопроса не давала мне покоя, — сказала я, — трудно объяснимая чисто психологически, если хотите. Я не сомневалась, что то описание Саши Вольфа, которое сделал Владимир Петрович, соответствовало действительности. И вот, как этот же самый Саша Вольф, партизан и авантюрист, мог написать «J'll Come Tomorrow»?

Он очень невесело улыбнулся, одними губами.

— Саша Вольф, конечно, не написал бы «J'll Come Tomorrow», я думаю, что он вообще ничего бы не написал. Но его давно не существует, а книгу эту написал другой человек. Я полагаю, что следует верить в судьбу. И если так, то нужно считать, — с такой же классической наивностью, — что вы были ее орудием. Тогда совпадает все: случайность, выстрел, ваши шестнадцать лет, ваш юношеский глазомер и вот эта самая — он тронул меня ниже плеча — недогнущая рука.

Я невольно подумал о том, как дико звучат его слова: мы сидели в русском ресторане и из кухни слышался шум посуды и раздраженный голос повара:

— Я ей говорил — шницель главное, на шницель упор.

— Вы говорите, что помните все, как будто это было вчера. Я тоже помню все. Я думаю, когда вы подыались после вашего падения и стояли так неподвижно, что вы оцепенели от страха. Вы не испугались тогда?

— Кажется, нет. Сперва я был огулушен, потом я вообще не очень отчетливо понимал то, что происходило, мне смертельно хотелось спать, и все мои силы уходили на борьбу с этим желанием. Я, кроме того, вообще не боюсь смерти, вернее, жизнь никогда не казалась мне особенно ценной.

— Между тем это единственная ценность, которую нам дано знать.

Я с удивлением посмотрел на него. В его устах такая фраза звучала особенно неожиданно.

— Я понял это, когда умирая, лежа на дороге. В те минуты это было ясно для меня, ясно до ослепительности. Но потом я никогда не мог восстановить этого чувства — и оттого, что я его не восстановил, я превратился в автора этой книги. Я всегда ждал, всю жизнь, что вдруг случится нечто совершенно непредвиденное, какое-то невероятное потрясение, и я вновь увижу то, что я так любил раньше, этот теплый и чувственный мир, который я потерял. Почему я его потерял, я не знаю. Но это произошло именно тогда. Я не могу вам сказать, как это было страшно, это исчезновение всего, в чем я жил, — эта дорога, это солнце, и ваши сонные глаза надо мной. Я думал, что вы давно погибли. Если бы вы знали, сколько раз я вспоминал о вас! Мне хотелось вернуть время назад. Мне хотелось, чтобы на моей совести не было вашей смерти и чтобы я не сделал вас убийцей в свою очередь.

— И я тоже вспомнил об этом, — сказала я. — Я дорого дал бы за то, чтобы все эти годы меня не преследовал ваш прирак.

— Как все условно! — сказал Вольф. — Вы были убеждены, что убили меня, я был уверен, что вы погибли по моей, в конце концов, вине, и мы оба были неправы.

Вольф молчал некоторое время, опустив голову и подперев ее обеими руками, как ученик над трудной задачей. Когда он поднял на меня свои глаза, в них опять стояло то почти страшное выражение, которое появилось в первый раз после того, как я ему сказал, что это я стрелял в него. Но то, как он обратился ко мне, странно не вязалось с ним.

— Милый друг, — сказал он, — знаете, зачем я приехал в Париж?

Какое признание мог еще сделать этот человек?

— От моего пребывания здесь зависит решение одной сложной психологической проблемы, имеющей двойной интерес: личный, что важнее всего, и отвальный, что тоже не лишено значения.

— Извините меня за нескромность: в какой степени это решение зависит от вас лично?

— Всецело.

— Тогда это не проблема.

— Un cas de conscience¹, если хотите. Но нет большего соблазна, чем соблазн заставить события идти так, как вы хотите, не останавливаясь для этого ни перед чем.

— И если это оказывается невозможным?..

— Тогда остается уничтожить причину, которая вызывает эти события. Это одна из форм решения, правда, наименее желательная.

Я вышел из ресторана тотчас же вслед за ним. Я видел, как он остановил такси, видел, как он садился в автомобиль, и слышал, как мягко, со всхлипывающим звуком хлопнула дверца. Мне было искренне жаль Вольфа. «Тот мир, который я потерял, не знаю почему». Да, и потом эта утешительная философия: мы проходим каждый день через космические катастрофы, но несчастье в том, что космические катастрофы оставляют нас равнодушными, а малейшее изменение в нашей собственной, такой незначительной, жизни вызывает боль или сожаление, и с этим ничего нельзя поделать. Я чувствовал себя бесконечно виноватым перед ним. Да, несомненно. Но все-таки я два раза заметил в его глазах это страшное выражение: сначала, когда он узнал, что это я стрелял в него, и поднялся из-за стола; и потом, когда он сказал мне «милый друг». В конце концов, тогда, в России, это он скакал за мной на своем белом жеребце, и, собственно, я должен был оказаться жертвой, а не он. И затем недаром он возвращался в своих разговорах к этому мгновенному и насильственному прекращению ритма, непременно мгновенному и насильственному.

Да, конечно. Именно он был носителем все той же, неистребимой и непобедимой идеи. Английский писатель, автор «той книги», призрак Александра Вольфа, этот всадник на апокалипсическом белом коне, человек, лежавший тогда, после моего выстрела, на дороге, — этот человек был убийцей. Он, может быть, этого не хотел, он был, казалось бы, слишком умен и слишком культурен, чтобы этого хотеть. Но он не мог не знать эту безличную притягательность убийства, которую так отдаленно и теоретически знал и я и с которой началась история мира — в тот день, когда Каин убил своего брата. Любовь, ненависть, страх, сожаление, раскаяние, воля, страсть — любое чувство и любая совокупность чувств, любой закон и любая совокупность законов — все бессильно перед этой минутной властью убийства. Мне принадлежит эта власть, и я тоже могу стать ее жертвой, и если я испытал ее притягательность, то все остальное, находящееся вне пределов этого представления, мне кажется призрачным, несущественным и неважным, и я не могу уже разделять того интереса ко множеству незначительных вещей, которые составляют смысл жизни для миллионов людей. С той минуты, что я знаю это, мир для меня становится другим, и я не могу жить как те, остальные, у которых нет ни этой власти, ни этого понимания, ни этого сознания необыкновенной хрупкости всего, ни этого ледяного и постоянного соседства смерти.

Это было простым логическим выводом из той своеобразной философии, отрывки которой мне излагал Вольф, проявление той идеи неподвижности, совершенно для меня неприемлемой, но против которой можно было бороться только

ее же оружием; и применение этого способа борьбы невольно приближало ко мне злосчастия и мертвый мир, призрак которого преследовал меня так давно. Что можно было еще противопоставить этой философии и почему каждое ее слово вызывало у меня внутренний и неизменный протест? Я тоже знал и чувствовал всю хрупкость так называемых положительных концепций, и я тоже знал, что такое смерть, но я не испытывал ни страха перед ней, ни ее притяжения. Было нечто трудно определяемое, что не позволяло мне дойти до конца в этой тягостной области понимания последних истин. Я так напряженно думал об этом, что мне даже начало казаться, будто я слышу какой-то приближающийся шум, так, точно он должен был, усиливаясь, дойти до меня. Мне казалось, что я знаю ответ на этот вопрос и знал его всегда, и он был настолько естествен и очевиден, что у меня никогда — в последнюю минуту — не могло бы возникнуть сомнение в том, каким именно он должен был быть. Но сейчас, сегодня, в эту минуту я не мог его найти.

Я вынул папиросу и зажег спичку, которая вспыхнула и моментально погасла, оставив после себя запах недоговоренного фосфора. И тогда я ясно увидел перед собой густые деревья сада в медном свете луны и седые волосы моего учителя гимназии, который сидел рядом со мной на изогнутой деревянной скамье. Была ранняя осень и ночь. Утром следующего дня начинались мои выпускные экзамены. Я работал весь вечер и потом вышел в сад. Когда я проходил по длинному гимназическому коридору, товарищи, которых я встретил, сказали мне, что час тому назад одна из наших учительниц, молодая женщина двадцати четырех лет, покончила с собой. В саду я увидел учителя, сидевшего на скамейке. Ясел рядом с ним, достал папиросу, зажег спичку, — и вот тогда, как теперь, она сразу потухла, и я почувствовал тот же самый запах.

Он сказал мне тогда, между прочим:

— Нет, конечно, ни одной заповеди, справедливость которой можно было бы доказать неопровержимым образом, как нет ни одного нравственного закона, который был бы непогрешимо обязателен. И этика вообще существует лишь постольку, поскольку мы согласны ее принять. Вы спрашиваете меня о смерти. Я бы сказал — о смерти и всех ее бесчисленных проявлениях. Я беру смерть и жизнь условно, как два противоположных начала, охватывающих, в сущности, почти все, что мы видим, чувствуем и постигаем. Вы знаете, что закон такого противопоставления есть нечто вроде категорического императива: вне обобщения и противопоставления мы почти не умеем мыслить.

Это было непохоже на то, что он говорил нам в классе. Я слушал его, не пропуская ни одного слова.

— Я устал сегодня, — сказал он, — надо идти спать. А вы занимались, готовились к экзамену? Я бы хотел быть на вашем месте.

Он поднялся со скамейки; я встаю тоже. Листья были неподвижны, в саду стояла тишина.

— У Диккенса где-то есть одна замечательная фраза, — сказал он. — Запомните ее, она стоит этого. Я не помню, как это сказано буквально, но смысл ее такой: нам дана жизнь с неизменным условием храбро защищать ее до последнего дыхания. Спокойной ночи.

¹ Вопрос совести (фр.).

И вот теперь я так же встал с кресла, как тогда со скамьи, на которой сидел рядом с ним, и повторил эти слова, которые как-то особенно значительно звучали сейчас:

— Нам дана жизнь: с непременным условием храбро защищать ее до последнего дыхания.

* * *

И в эту минуту затрещал телефон. Я снял трубку. Голос Елены Николаевны спросил:

— Куда ты пропал? Я по тебе соскучилась. Что ты сейчас делаешь?

И после того, как я услышал первый звук этого голоса, привычно измененный телефоном, я сразу забыла все, о чем только что думал, — так мгновенно и глубоко, точно этого никогда не существовало.

— Я встаю с кресла, — сказал я. — В левой руке я держу телефонную трубку. Правой рукой я кладу в карман пиджака папиросы и спички. Затем я смотрю на часы: теперь без пяти шесть. В четверть седьмого я буду у тебя.

Я предложил ей поехать за город на несколько дней: она тотчас же согласилась. Утром следующего дня мы выехали на автомобиле из Парижа, и в течение целой недели, без определенного назначения, мы путешествовали на расстоянии ста или ста пятидесяти километров от города. Однажды, когда неожиданно оказалось, что в резервуаре больше не оставалось бензина, мы вынуждены были ночевать в лесу, в автомобиле. Была гроза с сильным дождем, и при свете молнии я видел сквозь забрызганные стекла машины деревья, обступавшие нас со всех сторон. Елена Николаевна спала, скорчившись на сиденье и положив мне на колени свою теплую и тяжелую голову. Я сидел и курил; и когда я опустил на секунду оконное стекло, чтобы стряхнуть пепел с папиросы, в мои уши врывался трепещущий звук бесчисленных капель по листьям; пахло землей и мокрыми стволами деревьев. Где-то недалеко от влажным хрустом ломались маленькие ветки, потом дождь стихал на минуту, затем снова блестела молния, гремел гром, и опять струи воды с прежней силой начинали стучать по крыше автомобиля. Я боялся двинуться, чтобы не разбудить Елену Николаевну, мои глаза смыкались, и голова откидывалась назад, и я думал, засыпая и тотчас же просыпаясь, о многих вещах одновременно и прежде всего о том, что, как бы ни сложилась в дальнейшем моя жизнь и какие бы события ни случились, я запомню навсегда эту ночь, голову женщины на моих коленях, этот дождь и то состояние полусонного счастья, которое я ощущал тогда. Этот ровный шум дождя, это ощущение головы, лежавшей на моих коленях, и мои мускулы уже начали привыкать к отпечатку этой круглой и нежной тяжести, которую они испытывали, — это лицо, на которое я смотрел в темноте, точно наклоняясь над своей собственной судьбой, и это незабываемое ощущение блаженной полноты, — как, в конце концов, это было возможно?

Я никогда не ощущал этого с такой ясностью, как в ту ночь; я не мог не отдавать себе отчета в том, что этой особенной чистоты ощущений в моей жизни не было никогда. Все было сосредоточено — в этот промежуток времени — на одной-единственной мысли; и хотя она заклю-

чала в себе все, что я знал и думал, и все, что предшествовало именно этому промежутку времени, в ней, конечно, был тот элемент неподвижности, о котором говорил Вольф. В конце концов, он, может быть, был прав: если бы мы не знали о смерти, мы не знали бы и о счастье, так как, если бы мы не знали о смерти, мы не имели бы представления о ценности лучших наших чувств, мы бы не знали, что некоторые из них никогда не повторяются и что только теперь мы можем их понять во всей полноте. До сих пор это не было нам суждено, потом будет слишком поздно.

Это, в частности, было одной из причин, которые побуждали меня не рассказывать Елене Николаевне историю Вольфа. Я вовсе не собирался ее скрывать, наоборот, я неоднократно думал, как именно я ее расскажу. Но в эти дни мне не хотелось, чтобы в тот мир, в котором мы жили, вошло нечто чуждое и враждебное ему. Я полагаю, что Елена Николаевна думала так же, как я, потому что за всю неделю она не вспоминала о «свидании с призраком», о котором я ей говорил.

Мы вернулись в Париж ровно через неделю. Меня ждала спешная работа, в которой Елена Николаевна, по обыкновению, приняла деятельное участие. Первый день прошел как всегда. Но когда она разбудила меня на следующее утро, меня поразило выражение тревоги, которое, как мне показалось, промелькнуло несколько раз в ее глазах. Затем она ответила мне невпопад, чего с ней никогда не случалось до сих пор.

— Что с тобой?

— Ничего, — сказала она. — Это может быть глупо, но мне хотелось спросить тебя одну вещь.

— Да?

— Ты меня действительно любишь?

— Мне так казалось.

— Мне это хотелось выяснить.

— Сколько тебе лет?

— Нет, правда, это важно знать.

Я расстался с ней, как обычно, поздно ночью, она жаловалась, что устала, и сказала, что завтра придет ко мне только в четыре часа дня.

— Хорошо, — сказала я, — тебе будет полезно отдохнуть.

* * *

Я сразу заснул крепким сном, но очень скоро проснулся. Затем я задремал опять — и через час снова открыл глаза. Я не мог понять, что со мной, я даже подумал, не отравился ли я чем-нибудь. Я испытывал нечто похожее на беспричинную тревогу, тем более непонятную, что для нее действительно не было, казалось бы, никаких оснований. Но сон решительно бежал от меня, и в шестом часу утра я встал. Таких вещей со мной не случалось много лет.

Убедившись окончательно в том, что я больше не засну, я выпил чашку черного кофе, принял ванну и начал бриться.

Я только что кончил одеваться и собирался сесть за работу, как вдруг в моей комнате раздался телефонный звонок. Я с удивлением посмотрел на часы: было без двадцати шесть. Я не понимал, кто мне мог звонить так рано. После некоторого колебания я снял трубку. Совершенно пьяный голос, в котором, однако, я уловил какие-то знакомые интонации, сказал:

— Доброе утро, моя дорогая.

Это был мужчина, которому хотелось, чтобы его приняли за женщину, — и тогда я действительно узнал этот голос. Он принадлежал одному из моих товарищей по газетной работе, очень милому и очень беспутному человеку.

— Как ты, наверное, догадался, — продолжал он более или менее связано, — я встретил товарища, который меня пригласил... Одэт, не дергай меня, пожалуйста, я вполне трезв.

Одэт была его жена, очень спокойная и неглупая женщина. Через секунду я услышал ее голос — она, по-видимому, отобрала у него трубку.

— Здравствуйте, — сказала она, — этот пьяный дурак звонил вам по делу.

— Скажи ему, это замечательный материал.

— Это дело в том, что ваш протеже, курчавый Пьеро, будет вот-вот арестован. Филин на допросе сказал все, что мог. Андрей, — это был ее муж, — настолько пьян, что не способен ни к чему. Материал для статьи действительно замечательный. Я знаю, что вы не любите гангстерских историй и мелодрам. Вы говорите, что это плохая литература? Я бы вас не беспокоила, но речь идет о вашем хорошем знакомом. Поезжайте к Жану: я бы на вашем месте захватила револьвер.

— Спасибо, Одэт, — сказала я, — считайте, что я перед вами в долгу. Я еду.

Жан, к которому я должен был ехать, был инспектор полиции, я его знал довольно давно, и у меня с ним были хорошие отношения. Надо было полагать, что это именно он допрашивал Филипа, который был правой рукой курчавого Пьеро. Судя по всему, через некоторое время полицейский автомобиль должен был выехать в Севр, где скрывался Пьеро, и на этот раз ему вряд ли удастся уйти. Я задумался на минуту — потом снял трубку и позвонил. Я помнил, что телефон стоял у постели Пьеро. Через секунду раздраженный женский голос спросил:

— В чем дело?

— Позовите Пьеро, — ответил я. — Скажите ему, что звонят с улицы Лафайет.

Это было условное название.

— Его нет, он еще не вернулся. Филин пропал с позавчерашнего утра, я не знаю, что думать.

— Филин выдал все, — сказал я. — Постарайтесь найти Пьеро где бы то ни было и во что бы то ни стало и предупредите его. Скажите ему, чтобы он не возвращался домой. Через час будет поздно.

Затем я повесил трубку, достал из письменного стола револьвер, проверил, заряжен ли он, — он был заряжен — положил его в карман пиджака и вышел из дому. Взял такси и поехал к Жану. Все это отвлекло меня от той душевной тревоги, которую я испытывал, и, сидя в автомобиле, я думал теперь об участии «курчавого Пьеро», «Pierrot le frisé», которого я хорошо знал и которого мне было жалко, хотя, с точки зрения классического правосудия, он, казалось бы, не заслуживал никакого сожаления: он был профессиональным грабителем, и на его совести было несколько человеческих жизней. Я познакомился с ним лет шесть тому назад, после того как он застрелил первую свою жертву, бывшего боксера Альберта. Я тогда случайно попал в кафе — это было часа в четыре утра, — где находился его негласный штаб, о чем я не имел ни малейшего представления. Я сидел за столиком и писал.

Я услышал шаги, приближавшиеся к моему столику, поднял глаза и увидел человека среднего роста, очень плотно сложенного, с бритым, мрачным лицом, он был в светло-сером костюме и синей рубашке с ярко-желтым галстуком. Меня удивило жалобное выражение его глаз, объяснявшееся, по-видимому, тем, что он был пьян. Он встретил мой взгляд и спросил без всякой подготовки:

— Что ты здесь делаешь?

— Пишу.

— А? Что же ты пишешь?

— Статью.

Это его, казалось, удивило.

— Ты, значит, не из полиции?

— Нет, я журналист.

— Ты меня знаешь?

— Нет.

— Меня зовут «курчавый Пьеро».

Тогда я вспомнил, что несколько дней тому назад в двух газетах были заметки о смерти боксера Альберта, судившегося четырнадцать раз и многократно сидевшего в разных тюрьмах. Заметки были озаглавлены: «Драма среди преступников» и «Сведение счетов»; там упоминалось еще о какой-то женщине, из-за которой будто бы все это произошло. «Полиция почти не сомневается, что виновник этого преступления — Пьер Дёдонне», по прозвищу «курчавый Пьеро», который сейчас усиленно разыскивается. По последним сведениям, он успел покинуть Париж и находится, вероятнее всего, на Ривьере».

И вот этот самый Пьеро стоял передо мной, в кафе на бульваре St.-Denis.

— Ты, значит, не уехал на Ривьеру?

— Нет.

Мы разговаривали с ним так, точно нас давно связывали дружеские отношения. Он спросил, как моя фамилия и в каких газетах я работаю. Потом сказал, что при случае может мне рассказать много интересного, пригласил как-нибудь зайти в это же кафе, и мы с ним расстались.

Потом я встретился с ним еще много раз, и он действительно рассказал мне интересные вещи. Нередко случалось, что благодаря его откровенности я располагал сведениями, которыми не располагала полиция, так как его осведомленность в определенной области была исключительной. Он был, несомненно, человек незаурядный, у него был природный ум, и этим он резко выделялся среди своих «коллег», которые чаще всего отличались столь же несомненной глупостью.

Мне всегда казалось, что он плохо кончит — не только потому, что его ремесло было само по себе чрезвычайно опасным, но и по иной причине; его все тянуло к каким-то для него незаконным, в сущности, вещам, и он понимал разницу между теми интересами, которыми он жил, и теми, которыми жили другие, бесконечно от него далекие люди.

Он как-то приехал на «бюгати» красного цвета; он был в новом светло-коричневом костюме, со своим любимым желтым галстуком, и все те же колюча блестели на его пальцах.

— Как ты все это находишь? — спросил он меня. — В таком виде я могу ехать на прием в посольство, как те типы, о которых пишут в газетах. А? «Мы заметили»...

Окончание на стр. 40

ЭПОХА НЛО

«Летающие тарелки» из Бронкса

Ведущий рубрики Павел Губанов

Давно замечено, что многие идеи, рождаясь, как правило, вызывают у читателей или слушателей реакцию, сводимую к трем фразам: этого вообще не может быть, нет, в этом что-то есть, и, наконец, кто же этого не знает.

Позиция официальной советской науки в отношении тайн НЛО впервые была сформулирована, как это ни парадоксально, незадолго до полета в космос Юрия Гагарина. 8 января 1961 года в «Правде» появилась статья, подписанная академиком Л. А. Арцимовичем. Называлась она «Миф о летающих тарелках» и содержала следующий приговор очередной «продажной буржуазной теории»: «Нет ни одного факта, который указывал бы на то, что над нами летают таинственные материальные объекты. Все разговоры по этому поводу... имеют один и тот же первоисточник — недобросовестную и антинаучную

информацию... Пора покончить с распространением этих сказок, какими бы захватывающими они ни казались. Тарелки... существуют... только как игра света в атмосфере. Все остальное есть либо самообман, либо сознательная фальсификация фактов». К сожалению, с того момента, когда, кстати, были названы точные сроки победы коммунизма в нашей стране, взгляд нашей официальной, увенчанной наградами науки мало изменился на сей предмет.

Ну да ладно. Перенесемся в 1910 год. В Нью-Йорке жил человек, которого звали Чарльз Гой Форт. Он никуда не выходил, кроме муниципальной библиотеки, где наводил справки во множестве газет, журналов и ежегодников всех стран и всех эпох. До 34 лет Чарльз Форт, сын бакалейщика, кое-как перебивался благодаря скромным способностям журналиста и некоторой ловкости в засушивании бабочек. После смерти его родителей бакалейная лавка была продана, и он сумел получить маленькую ренту, позволившую ему целиком отдаться своей страсти — собиранию заметок о невероятных событиях и явлениях.

Красный дождь над Бланкенберге 2 ноября 1819 года. Грязевой дождь над Тасманией 14 ноября 1902 года. Хлопья снега величиной с блюдце в Нэшвилле 24 января 1891 года. Дождь лягушек над Вирмингемом 30 июля 1892 года. Огненные шары, летающие диски, сети на небе, странные исчезновения, необъяснимые катастрофы, надписи на метеоритах, черный снег и синие ауны, кровавые ливни и прочее. Форт собрал двадцать пять тысяч заметок. Все это факты, от которых отрекались, о которых не хотели говорить. Чарльз Форт был охвачен своего рода нежностью к этим неприкаzanным реалиям, изгнанным из области науки или просто научных наблюдений, которые он приютил в своем кабинете.

Однажды Чарльзу Гой Форту пришла мысль, что его колоссальный труд ничем не занят, а маньяком. Он начал понимать, что лишь топтался на месте, на пороге того, что ощущать искал, и бросил в огонь все свои карточки и вырезки.

Теперь речь шла о том, чтобы создать настоящее, то есть революционное произведение. Охваченный энциклопедической лихорадкой, Форт впрягся в эту гигантскую работу, состоявшую не только в том, чтобы изучать, но и в том, чтобы осознать в единой системе совокупность всего сущего. Сорок тысяч заметок, распределенных на 1300 разделов, записанных карандашом на крохотных карточках стенографическим письмом собственного изобретения — таков промежуточный результат этой работы. В то же время он возобновляет поиски отброшенных фактов, но теперь уже систематично и стараясь проверить каждый из них. Он подчинил свою затею плану, охватившему астрономию, социологию, психологию, морфологию, химию, магнетизм. Чарльз Форт больше не собирал коллекцию, а пытался разрешить загадку миров.

Его глаза стали уставать, и он начал слепнуть. Форт остановился и размышлял много месяцев, питаясь ситным хлебом и сыром. Зрение вернулось к нему, и он отважился изложить свое личное мироощущение и с большим умо-

ром открыть свое понимание другим. По мере того, как он продвигался вперед в изучении различных наук, все больше обнаруживал их недостаточность. Форт считал, что нужно вновь ввести в науку исключенные факты, затем объяснить их, если возможно.

Убеденный в важности своей миссии, он собрал на трехстах страницах лучшие из своих сенсационных материалов. В 1919 году вышла его первая работа в Нью-Йорке под названием «Книга проклятых». Она произвела революцию в интеллектуальных кругах.

Чарльз Форту после выхода книги называли и оценивали по-разному: апостолом исключения и жрецом-мистификатором невероятного. Джон В. Кэмпбелл уверял, что в этом произведении есть зародыши по меньшей мере шести новых наук, а Теодор Драйзер видел в нем «самую крупную литературную фигуру после Эдгара По».

В 1923 году Форт опубликовал книгу «Новые земли», а в 1931 году вышла его книга «Лод» и, наконец, в 1932 году — «Дикие таланты». Эти произведения получили широкую изве-

тность в США, Англии и Австралии.

В этих книгах Форт утвердительно говорит о «существовании летающих предметов». Причем это не простое описание ряда случаев, а попытка их анализа и осмысления. «Я коллекционирую заметки обо всех предметах, обладающих известным разнообразием: таковы, например, летающие предметы, стационарные метеоры или неожиданный рост волос на лысой голове мумии. Однако самый большой интерес проявляется не к фактам, а к их взаимосвязи. Я долго размышляла над теми фактами, которые объясняются простым совпадением. А что, если совпадений нет?» — пишет Форт.

Тысячи заметок о дождях всякого рода, выпавших то здесь, то там, подтолкнули Чарльза Форты к тому, чтобы опубликовать гипотезу: большая их часть — внезапного происхождения. «Я предлагаю допустить мысль о том, что вне нашего мира есть другие континенты, откуда падают предметы — так же, как обломки из Америки доплывают до самой Европы». Скажем сразу: Форт вовсе не наивный человек. Он не верит всему. Он только восстает против привычки отрицать априори. Мы не одни, Земля не одна, считает Форт. «Когда-то, задолго до того, как сложился существующий порядок вещей, обитатели других миров приземлялись, прыгали по земле, летали, плавали под парусом или по течению, притягиваемые к нашим берегам поодиночке или группами, посещая нас при случае или периодически — для охоты, обмена или разведки, а может быть, и для пополнения своих гаремов. Они основали у нас свои колонии, потом погибали или должны были вернуться обратно. Цивилизованные или примитивные народы, существа или предметы, белые, черные или желтые».

Идеи этого человека увлекли группу американских писателей, которые решили продолжать атаку, начатую им против всемогущих жрецов ортодоксальной науки — и против всех форм догматизма. С этой целью 26 ноября 1931 года было основано «Общество Чарльза Форты». Среди его основателей были Теодор Драй-

зер, Бен Гехт, Гарри Леон Уилсон.

Форт умер незадолго до выхода в свет своей четвертой книги «Дикие таланты» в 1932 году. Собранные им в библиотеках всего мира бесчисленные заметки были завещаны «Обществу» и составили ядро его архивов, которые сразу же начали пополняться благодаря содействию членов из 49 стран, не считая США и Гавайских островов.

Общество стало публиковать ежеквартальный журнал «Сомнение», который являлся своеобразной декомпрессионной камерой для всех фактов, отвергнутых наукой, например — летающих тарелок. Сведения и статистика, накопленные Обществом по этому вопросу, представляют собой самое первое, самое полное и самое обширное собрание.

Специалистами подсчитана вероятная возможность встречи с НЛО за одну жизнь человека (примерно 70 лет). Она составляет 0,05 процента. Заметим, что эта цифра подсчитана для всего человечества, поэтому не исключена теоретическая возможность встречи каждого из нас с НЛО.

От редакции. Продолжение публикаций из серии «Эпоха НЛО» вы найдете в № 1 за 1991 год. Павел Губанов расскажет об истории многовековых описаний встреч с неизвестными летающими объектами, познакомит с международными авантюристами, прославившимися бойкими повествованиями о контактах с гуманоидами. Узнаете вы и о том, что «тарелки», оказывается, появлялись уже на горизонте средневековой Московии.

Однако для успешной работы над сериалом группа специалистов-энтузиастов должна постоянно ощущать реакцию и уровень интереса своей аудитории. Поэтому напишите нам, насколько затрагиваемая тема вас волнует, попытайтесь сравнить публикации «Ст. М.» с аналогичными статьями, появившимися в других изданиях. Наконец, нам было бы крайне полезно получить информацию о реальных наблюдениях НЛО или сравнимых с ними предметов. Ждем ваших писем!

АНОНС

К нам, пришельцы из иных миров!

Некогда ироничный застойно-застойный вопрос — есть ли жизнь на Марсе (на Венере, в созвездии Пса)? — все более приобретает историческую интонацию. Но страх и смещение — следствия незнания, а иногда кажется, что «тарелки», «апельсины», «шары» и «гантели», именуемые в научном просторечии НЛО, лишь в эпоху перестройки и гласности привяли распухать автомобилистов на Волоколамском шоссе, мять хлеба в Англии.

В отличие от весьма благополучных у нас генетики и кибернетики отечественная уфология — наука, фиксирующая пересечения воздушной границы безвозвными пришельцами, отстала от мирового уровня на многие световые годы. Что же делать?

Начная с этого номера «Ст. М.» приступает к публикации «Антологии уфологии». Наши постоянные читатели, а такую возможность даст только подписка, смогут познакомиться в этом и следующем году с историей развития и отцами-основателями этой экзотической науки, прочитать отрывки из фундаментальных и всемирно известных трудов ведущих зарубежных уфологов, самостоятельно сопоставить различные гипотезы происхождения жизни на Земле, поразмыслить о вероятности существования параллельных цивилизаций в иных измерениях, провести ночь в так называемой «Пермской зоне», предполагаемой базе инопланетян на нашей планете, поприсутствовать за кулисами международных конгрессов специалистов по НЛО, критически осмыслить свидетельства очевидцев за многие сотни лет, увидеть необъяснимые, с точки зрения обычного сознания, но проверенные экспертами фотографии.

Итак, в 1991 году вас ждет сериал «Антология уфологии».

Гайто Газданов

Роман

Окончание. Начало на стр. 23

Я никогда не думал, что моя отрицательная оценка его манеры одеваться способна так его огорчить. Он сел против меня и сказал:

— Объясни мне, почему ты находишь, что я одет не так, как нужно?

Я объяснил ему как мог.

— Меня перепорачивает, когда ты так говоришь, — сказал он. — Я начинаю понимать то, что не нужно понимать. Ты говоришь, что книги, которые мне нравятся, плохие книги. Ты в этом знаешь больше, чем я. Я не могу разговаривать с тобой как равный, потому что у меня нет образования. Я низший человек, je suis un interieur, вот в чем дело. И кроме этого, я бандит. И другие люди выше меня.

Я пожал плечами. Он внимательно на меня посмотрел и спросил:

— Скажи мне откровенно: ты думаешь так же?

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Ты, конечно, бандит, — сказал я, — ты не так одеваешься, как, может быть, следовало бы, и тебе не хватает известного образования. Все это верно. Но если ты думаешь, что какой-нибудь известный человек, о котором ты читаешь в газетах, банкир, министр, сенатор лучше тебя, — это ошибка. Он работает и прежде всего меньше рискует. Ему говорят «господин председатель» или «господин министр». Он иначе — и лучше — одет, и у него, конечно, есть некоторые образования, хотя тоже далеко не всегда. Но как человек он не лучше тебя, так что ты можешь не волноваться. Не знаю, утешает ли это тебя.

Пьеро очень любил женщин, и большинство его «счетов», которые так трагически кончались, бывало именно из-за женщин.

— Может быть, из-за них-то ты когда-нибудь и погибнешь peut-être bien, tu mourras par les femmes, — сказал я ему. — И главное — из-за таких, которые этого не стоят.

Это было нетрудно предвидеть. И то, что теперь, когда я подвезжал в такси к конторе Жана, местопребывание Пьеро стало известно тем, от кого его было нужнее всего скрыть, — этим он был тоже обязан женщине.

Его положение было безвыходным. За последнее

время его деятельность стала особенно бурной, грабежи следовали за грабежами, и в полиции наконец подняли на ноги всех, от кого можно было ожидать какой-нибудь помощи в его деле. Женщина, из-за которой все это произошло, была женой Филипа, помощника Пьеро. Филип был огромный мужчина, совершенный Геркулес, не боявшийся, по его собственным словам, ничего и никого на свете, кроме своего патрона, который был знаменит тем, что стрелял без промаха.

Эту женщину, которая недавно стала любовницей Пьеро, — я думаю, что инспектор Жан именно поэтому и добился признания Филипа, — я видел несколько раз. С тем неизменным дурным вкусом, который отличал всю среду, в которой она жила, ее прозвали Пантерой. И вот она бросила Филипа и ушла к Пьеро — и это она ответила мне по телефону, когда я позвонил в Севр, перед тем как ехать к инспектору Жану.

Когда я вошел к нему, он сидел на стуле, в своей сдвинутой шляпе. Против него, поставив локти на колени, сидел Филип в наручниках. У него было бледное и грязное лицо со следами засохших струй пота. Жан говорил ему:

— На этот раз довольно. Ты хорошо сделал, что был откровенным. Если бы ты молчал, я бы недорого дал за твою шкуру. Теперь ты посидишь немного в тюрьме, и больше ничего. Для человека с таким здоровьем это пустяки.

Я посмотрел на Филипа, он опустил глаза. Двое полицейских его вывели.

— Я предполагаю, — сказал Жан, обращаясь ко мне, — я льщу себя надеждой, что вы разделяете мое предположение... Я предполагаю, что Пьеро спит сейчас сном праведных. Насколько ходячие выражения бывают иногда условны! Наши общие друзья мне звонили, что вы хотели бы поехать с нами. Не так ли?

— Да, — сказал я, — меня ждет такси.

— Мы выезжаем через пять минут.

Было около семи часов утра, когда полицейский автомобиль остановился в нескольких метрах от маленького особняка, в котором жил Пьеро. Створы его были затворены. Утреннее солнце, уже горячее, освещало широкую улицу. В этот ранний час было очень тихо.

Я остановил такси позади полицейской машины и вышел, хлопнув дверцей. Меня давила вялая и тяжелая тоска. Я представил себе Пьеро, одного, потому что на помощь своей любовницы он не должен был, конечно, рассчитывать, в этом закрытом и темном доме, из которого он не мог уйти. Из невывсокого бокового окна можно было, правда, выпрыгнуть в маленький садик, примыкавший к дому, но вдоль его решетки стояли полицейские. Никакое бегство в этих условиях не было возможным.

Полицейских было шесть человек. На всех лицах было одно и то же смешанное выражение мрачности и отвращения. Я чувствовал, как мне казалось, что мое лицо выражало то же самое.

Один из полицейских постучал в дверь и крикнул, чтобы отворили.

— Отойдите в сторону, — сказал Жан, — он может выстрелить.

Но выстрела не последовало. Я начал надеяться, что Пьеро, может быть, успел предупредить.

После слов инспектора наступила напряженная тишина, за которой чувствовалось в тесном доме присутствие притаившегося человека с его страшным револьвером в руке. Его репутация стрелка знала все полицейские.

— Пьеро, — сказал Жан, — предлагаю тебе сдаться. Ты нас избавишь от тяжелой работы. Ты знаешь, что ты не можешь уйти.

Ответа не было. Прошла еще минута томительного молчания.

— Я повторяю, Пьеро, — сказал Жан, — сдавайся.

И тогда из этой тишины раздался голос, при первых звуках которого я почувствовал холод в спине. Это был тот же непостижимо спокойный и человечески-выразительный голос Пьеро, который я так хорошо знал и который сейчас казался мне особенно страшен, потому что через несколько минут — если бы не произошло чуда — он должен был замолкнуть навсегда. И то, что в этом голосе слышалась свежая сила молодого и здорового человека, казалось невыносимо тягостно.

— Все равно, — сказал он. — Если я сдамся, меня ждет гильотина. Я бы хотел умереть иначе, je voudrais mourir utrement.

То, что последовало за этим, произошло с неправдоподобной быстротой. Я услышал, как затрещали ветки в саду, затем раздался выстрел, и один из полицейских, стоявших у решетки, грузно рухнул на землю. Я видел, как Пьеро вскарабкался на эту решетку — ему мешал револьвер, который он держал в руке, — потом прыгнул с нее уже на улицу, и в эту секунду выстрелы затрещали со всех сторон. Никто из полицейских, кроме того, который был убит возле решетки, не был ранен, это казалось мне удивительным. Они все бросились к тому месту, где упал Пьеро. Я понял потом, почему ни один из них не пострадал: первая же пуля попала Пьеро в руку, в которой он держал револьвер, и разозлила ему пальцы. Он лежал буквально в луже крови, я никогда не думал, что у человека столько крови. Но он еще хрипел. Полицейские стояли вокруг меня. Я подошел вплотную. Что-то булькало не то в горле, не то в легких Пьеро. Потом это бульканье прекратилось. Глаза Пьеро встретили мой взгляд, и тогда раздался его хрип:

— Спасибо. Было слишком поздно.

Я стоял неподвижно и слышал, как стучат мои зубы от бессильного волнения, бешенства и внутреннего, нестерпимого холода.

— Вы предупредили его? — спросил меня Жан.

Я молчал несколько секунд. Пьеро дернулся в последний раз и умер. Тогда я сказал:

— Я думаю, что он бредил.

* * *

Труп Пьеро был увезен. Полицейские уехали. Двое мужчин в рабочей одежде пришли с тачкой песка и засыпали лужу крови на мостовой. Солнце уже стояло высоко. Я расплатился с шофером такси и пошел пешком по направлению к Парижу.

Я не переставал ощущать душевную тошноту и тупую печаль; по временам мне становилось

холодно, хотя день был почти жаркий. На следующее утро статья о Пьеро должна была появиться в газете.

Как я это делал очень часто, я вошел в первое сравнительно приличное кафе, потребовал бумаги и кофе и, курая папиросу за папиросой, начал статью о Пьеро.

Когда я кончил статью и отвел ее в редакцию, было уже около двенадцати часов дня.

Был жаркий день, улицы были полны народа. Я шел как пьяный, безрезультатно стараясь избавиться от невыносимого ощущения тоски и какого-то чувственного тумана, через который я все не мог пройти. Я думал, что хорошо было бы сейчас лечь и заснуть — и проснуться уже по ту сторону этих событий и этих чувств, которые мне не давали покоя.

И вдруг я вспомнил, что в четыре часа Елена Николаевна должна была прийти ко мне. Она была единственным человеком, которого я хотел бы видеть сейчас. И я решил не ждать ее и просто поехать к ней. Но даже тогда, когда я поднимался по ее лестнице, эта тупая и тяжелая тоска не оставляла меня. Я наконец подошел к ее квартире, достал ключи и с беспокойством отворил дверь. Я не отдавал себе отчета в причине этого особенного беспокойства, но я понял ее, едва распахнув дверь: из комнаты Елены Николаевны слышались очень повышенные голоса. Я испытывал чувство вялого ужаса, не успев подумать о том, чем это могло быть вызвано. Но времени думать у меня уже не было. До меня донесся отчаянный крик Елены Николаевны: неузнаваемый, страшный ее голос кричал:

— Никогда, ты слышишь, никогда!

Я бежал как во сне по коридору, который вел к ее комнате. В углу я увидела серое от страха лицо Анни, но я вспомнил об этом только позже. Я не знал, я думаю, в ту минуту, что я давно держу в руке револьвер. Вдруг я услышал грохот и звон разбитого стекла; за ним последовал выстрел и второй крик, в котором не было слов и который был похож на судорожно втягиваемый звук: a!... a!... a!... Но я был уже у полуотворенной стеклянной двери, с порога которой я увидел Елену Николаевну, стоявшую у окна и, в полуоборот к ней, силуэт мужчины, который, так же, как и я, держал револьвер. Не поднимая руки, почти не целясь, — на таком расстоянии нельзя было промахнуться, — я выстрелил в него два раза подряд. Он повернулся на месте, потом выпрямился и тяжело рухнул на пол.

Несколько секунд я стоял неподвижно, и все мутно качалось передо мною. Я заметил, однако, кровь на белом платье Елены Николаевны: она была ранена в левое плечо. Как я узнал потом, она, защищаясь, бросила в стрелявшего стеклянную вазу почти одновременно с тем, как он нажал на курок, и этим объяснялось отклонение его пули.

Он лежал теперь во всю длину своего тела, разбросав руки; голова его была почти у се ног. Я сделал шаг вперед, наклонился над ним, и вдруг мне показалось, что время застудилось и исчезло, унося в этом непостижимо стремительном движении долгие годы моей жизни.

С серого ковра, покрывавшего пол этой комнаты, на меня смотрели мертвые глаза Александра Вольфа.

Candlelight Vigils

in observance of

World Summit for Children

СВЕЧА НАДЕЖДЫ

Международная организация «Результаты», чтобы привлечь внимание общественности всех стран к проблемам детства, объявила 23 сентября — Днем защиты интересов детей. В Австралии, Великобритании, Канаде, СССР, США, ФРГ, Японии в этот день на улицы городов выйдут активисты организации с зажженными свечками (или фонариками), чтобы еще раз напомнить о том, что дети — будущее, что дети нуждаются в защите, что дети не должны умирать от голода.

Призыв «Результатов» услышан и поддержан в ЮНИСЕФ. Хочется верить, что эта акция станет важным политическим волеизъявлением накануне встречи глав правительств ведущих стран мира по проблемам детства.

Ольга Чистенкова, «Результаты» (Москва)

Контактный телефон: 285-88-86.

1991 ГОД —
АНОНС

Жизнь Иисуса Христа

Этот цикл представляет собой краткое жизнеописание Иисуса Христа в максимально доступной форме и иллюстрированный соответствующими цветными рисунками (в виде комикса).

Рассказ строится по Новому Завету. Читатель узнает все главные события из жизни Иисуса Христа. Наглядность подачи материала послужит обогащению познаний юной и девушек в области Священной Истории.

В иллюстрированном повествовании о жизни и деяниях Иисуса Христа выделены следующие истины:

1. Иисус Христос — действительная историческая личность, жизнь Которого повлияла на всю историю человечества.
2. Учение Иисуса Христа является образцом для всех людей: оно открывает нам цель и значение жизни.
3. Учение Иисуса Христа рассчитано для всех народов, племен и языков. Оно направляет всех людей к Богу.
4. Смерть и Воскресение Иисуса Христа сделали возможным для человека получить прощение грехов, мир для ума и сердца, блаженное общение с Богом, Который спасает душу и дает жизнь вечную.

Публикация цикла начинается с № 1 за 1991 год. Он будет печататься таким образом, что каждый желающий сможет переплести его в виде книжки.

1991 ГОД — АНОНС

Михаил Булгаков — путеводитель

Михаил Булгаков. Одно из светлейших явлений отечественной культуры. Это имя многие из нас произносят не просто с любовью, а буквально с благоговением. Мы сострадаем и ему самому, и булгаковским героям, как самым своим сокровенным людям.

В его судьбе — личной и творческой — наша почти художественное воплощение драма века, драма русского человека.

Вот почему — почти по-пушкински — для нас существуют мельчайшие подробности и свидетельства его подвижнической жизни.

В нескольких материалах серии «Михаил Булгаков — путеводитель» мы расскажем вам о творческом пути писателя. Побываем в доме на Андреевском спуске в Киеве, где 15 мая 1891 года он родился.

Вместе с молодым врачом Булгаковым прогуляемся по старой Вязьме, а с начинающим драматургом Булгаковым укатим во Владикавказ.

Фельетонист Г. П. Ухов (такое имя один из его псевдонимов) познакомит нас с Москвой начала 20-х годов и впоследствии знаменитой и нехорошей квартирой № 50 в доме 302-бис по Садовой.

Кстати, вы сможете прочитать фельетоны Михаила Булгакова, которые несколько лет назад бдительные руки вырвали из верстки готового «Студенческого меридиана».

Зайдет речь и о главной книге М. А. Булгакова, его романе «Мастер и Маргарита».

Эту серию публикаций мы адресуем самому широкому читателю.

В 1991 году
читайте на страницах
«Ст. М.»:

Сергея Аверинцева, Виктора Астафьева, Василия Белова, Анатолия Кима, Николая Коляева, Юрия Кузнецова, Алексея Лосева (из лит. наследия), Валентина Пихуля, Валентина Распутина, Владимира Солоухина.

Как и в прежние годы, любителей детектива и фантастики ждут встречи с Агатой Кристи, Жоржем Сименоном, Станиславом Лемом и другими классиками этого жанра.

Ури Геллер — телепат, экстрасенс, лозоискатель из Лондона — поделится с вами своими секретами.

Мак-Иов-Риго продолжит курс «Болит? — Помоги себе сам» (инфаркт и сердечные проблемы, студенческий гастрит, зрение, диагностируем себя сами, половые проблемы).

В рамках серии «Интеллектуальные биографии» продолжится ваше знакомство с философской мыслью Запада (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Б. Рассел) и России. Мы предоставим вам возможность самим судить о сборнике «Вехи» (1909), напечатав его без изъятий.

Игорь Акимов, Виктор Клименко продолжат цикл о таланте — «О мальчике, который умел летать...».

И, естественно, будет продолжен цикл «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы».

В «Спортподвале» «Ст. М.» вами займется «Геркулес» — тренажерная фирма, с которой сотрудничают лучшие советские культуристы.

Любителей рок-музыки ждет сериал «История рока».

Рубрика «Азбука для двоих» познакомит вас с историей эротического искусства.

Следите за рекламными колонками этого номера, и у вас сложится более четкое представление о публикациях следующего года.

Сергей Литвинов

Секса у нас нет!

Уважаемый тов. директор!

Довожу до Вашего сведения, что с начала нынешнего учебного года мною в 5-м «А» классе, в котором я являюсь классным руководителем, проводилась целенаправленная работа, направленная против мутного потока вседозволенности, захлестнувшего наши кино-, теле- и видеоздании, а также радиоточки. Мною был прочитан курс «Введение в невинность», в ходе которого мы с учащимися читали по ролям и осуждали поэмы Баркова, с отвращением посмотрели кинофильм «Маленькая Вера» и, содрогаясь, посетили кооперативные киоски по продаже «обнаженных открыток и брелоков».

По окончании курса учащимся были предложены сочинения на темы: «Спасибо партии любимой, что мы появились на свет», «Маленькая Вера — тургеневская девушка нашего времени» и «Торговать собою — значит продавать Родину». Несмотря на то, что в сочинениях были забавные описки типа: «Она была в бюстгальтере на голое тело» и «Даже в постели они думали о своей дальнейшей судьбе», учащиеся в целом продемонстрировали умение работать с первоисточниками и непримиримость к сексу. После этого они разучили реценки: Кто уткнул в порнуху взгляд — Тот позорит наш отряд!

и:
Кто на правом фланге спит — Тот получит завтра СПИД!

На символическом пионерском костре был сожжен журнал «Плейбой». Возле гостиницы «Националь» учащимся был установлен «пионерский пост против распутства». Советским девушкам учащимся вручалась повесть Тургенева И. С. «Первая любовь» и Устав ВЛКСМ. Налицо определенные успехи. Так, девушка по клич-

ке Зеленая Холера, прорывав всю ночь над Уставом, приобрела на всю валютную выручку 10 000 тысяч индийских одноразовых противозачаточных средств и передала их в дар в фонд родной школы.

Затем мои учащиеся собрали теплые вещи в пользу пострадавших от демографического взрыва в Бангладеш.

В связи с тем, что в будущую субботу намечено мероприятие в виде посещения моими учащимися Вашего, товарищ директор, музея, прошу Вас во избежание актов благородного вандализма изъять из экспозиции отвратительные порнографические скульптуры Родена «Вечная весна» и ей подобные и заменить их на картину «Опять двойка», которую мы будем с удовольствием проходить как в Вашем музее, так и по учебной программе.

С уважением
Ханженская Э. М.,
заслуженный учитель
4001-й ленинградской школы

Александр Кондратьев

Так и живем

Так и живем. Плохо работающая промышленность снабжает товарами плохо работающее сельское хозяйство через плохо работающий транспорт под аккомпанемент плохо работающей культуры, павшей жертвой плохо работающего образования, при плохо работающем здравоохранении.

Главное, чтобы человек был хорошим.

Михаил Горшман

Многая лета

Терапевт Щекин любил кричать. Не то чтобы он любил скандалить или там устраивать неприятные сцены. Вовсе нет.

В быту и на работе он был кроток и незлобив. Щекин любил кричать один. Дождется, бывало, окончания приема, запрет кабинет и давай орать:

— А-ва-ва-ва! Уам-уам! Ый-яй-яй! А-ва-ва-ва-ва!!!

Минут двадцать покричит, потом снимает халат, надевает плащ — и домой. По дороге терапевт обычно вел себя тихо. Смотрел под ноги и на прохожих. Гулял. Но только дверь за собой закроет — так шаст в ванную и давай шуметь! Воду пускает и орет:

— О-го-го-го-го! Эй-хей-хей-хей! А!

Потом дух переведет, глотнет из-под крана и опять:

— Ва-ва-ва-ва! А-да-да-да! Га-га-га-га!

Не то чтобы жилось ему плохо. Или горе какое было в его незапятнанном прошлом, нет. Просто любил он это дело. Всем сердцем, всеми легкими, всеми голосовыми связками. И вот так жил себе один, кричал, и никто ему был не нужен.

Однажды в четверг, как всегда, закончив прием и отпустив сестру, терапевт Щекин прошел в процедурную и стал голосить:

— А-ва-ва-ва! А-да-да-да! Га-га-га-га!

Вдруг дверь неожиданно распахнулась (запереть забыл), и видит Щекин — стоит его медсестра Галя. В глазах слезы, губы шевелятся. Прислушался: — Я, — говорит, — сумочку оставила. Извините меня.

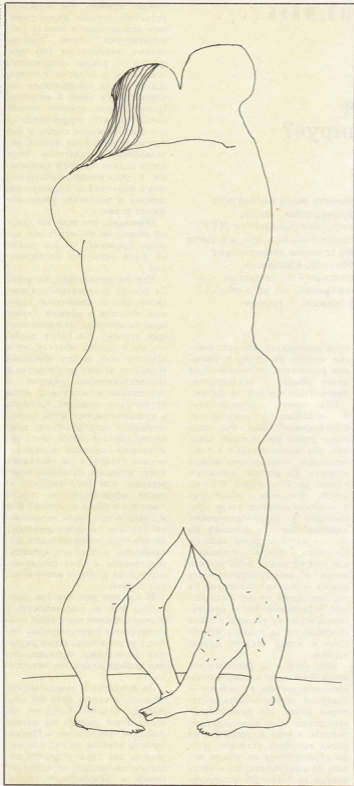
И вдруг как прыгнет ему на шею! Целует и шепчет:

— Милый, милый Щекин... Наконец-то я тебя нашла. Я-то думала, я одна такая дура!.. Что ж ты раньше молчал-то, милый...

Щекин сначала оторопел, а потом успокоился. Понял. В общем, покричали они вдвоем с четверть часа, и к Щекину пошла. А там сразу в ванную — и опять за свое.

— О-го-го-го! — кричит Щекин.

— Ай-яй-яй-яй! — тоненьким голосом вторит Галя.

Так вот кричат они и смотрят друг на друга счастливыми глазами.

Тут и почувствовал Щекин, что кончилось его одиночество.

Пожились они через месяц. Пронирливые соседи, проходя мимо их квартиры, прислушаются обычно и давай друг дружку локтями двигать, кивать да подмигивать: дескать, дело молодое, медовый месяц и все такое прочее. Только ничего такого не было. Нет. Где им, соседям, понять настоящую любовь людей и общность душ человеческих? Слышите:

— Ох-ах-ах-а! Ох-ох-ох-о!

Это терапевт Щекин кричит.

— Ай-йй-йй-йй! Ай-ня-ня-ня-няй!

А это Галя, медсестра, жена его молодая.

Счастья им и многая-многая лета.

*Григорий
Семенов-Жуков*

Мысли, диалоги, ситуации

— Папа, а откуда дети берутся?

— Эх, сынок, если б я это знал тогда...

Что такое порнография? Когда думаешь, что знаешь все, но вдруг — та-ко-е!..

Жена офицера — мужу:

— Почему ты на мне женился, дорогой?

— Ты так стреляла глазами, что я был обязан подавить эту огневую точку.

Я могу ошибаться, но если социализм — это: «Кто не работает — тот не ест», то коммунизм, наверное:

— Ешь!!!

— Не хочу-у-у...

Я-то знаю, что мой начальник дурак. Но как бы сделать так, чтобы и он об этом догадался?.. Или пусть это будет моей маленькой тайной?..

Помогать ли «третьему миру»?

Елена Арефьева,
кандидат экономических наук

Как-то довольно давно друзья позвали меня посмотреть спектакль «Лысая певица» на французском языке, поставленный студентами философского факультета МГУ. Французский я не знаю, но было любопытно, что же такое театр абсурда — а именно к этому течению принадлежит драматургия автора пьесы Э. Ионеску. Оказалось, что реплики были в основном понятны — по аналогии с английским и из конкретных ситуаций, но зато общий смысл действия давался, прямо скажем, с трудом.

Этот эпизод всегда возникает в моей памяти, как только речь заходит о нашей помощи развивающимся странам. Первая проблема — разобраться с потоками денег и товаров — сначала кажется неразрешимой, но, как и французский диалог, в конце концов раскрывает свои тайны. Понять же общий замысел помощи, ее задачи и результаты, как мне кажется, в принципе нельзя, ибо это и есть настоящий театр абсурда. Точнее — нормальный театр зрелый, который, как и драматургия абсурда, не рассчитан на анализ и логическое понимание.

Итак, каковы официальные задачи помощи? Любой школьник ответит — выполнение интернационального долга. Великая держава, мощная страна победившего социализма должна оказывать братскую помощь освободившимся государствам, борющимся с неокOLONIALИЗМом и страдающим от экономических трудностей и нищеты. Нужно поддержать ростки социализма в далеких странах, а заодно обеспечить защиту нашей Родины от агрессивного блока НАТО с помощью заграничных военных баз.

Да... Пожалуй, многие автоматически скажут так или примерно так. Между тем, я возь-

мусь утверждать, что практически ничего из этого, в прошлом расхожого, определения не имеет общего с реальностью. Рассмотрим его шаг за шагом.

Шаг первый — мощная страна победившего социализма. Споткнулись? Еще бы, ведь мощь давно уже больше военная, чем экономическая, а о победившем социализме можно спорить до потери сознания, только уровень жизни и отношение «человек — общество» от этого не изменятся и не приближаются к социалистическим идеалам. Но эта заминка на первом же шаге очень важная. Ее смысл в том, что сегодня у нас уже не может быть уверенности в «интернациональном долге» — мы не претендуем на то, что знаем секрет социальной справедливости и процветания, и уже не уверены в своей способности (и праве!) приобщать к этому секрету другие народы.

Шаг второй — братская помощь. Что такое вообще экономическая помощь, а тем более — братская, можно сказать достаточно точно. По международным стандартам, помощью признается передача ресурсов на таких льготных условиях, чтобы страна-донор не только ничего не выигрывала, но и несла потери не ниже 25 процентов

суммы помощи. На практике развитые страны «проигрывают» сознательно в пользу развивающихся стран гораздо больше, нередко до 100 процентов — такова современная тенденция в области помощи, долгое время презрительно заключавшейся нами в кавычки. Целью такой помощи может быть только эффективность для принимающих стран, и она планируется в виде вполне определенных показателей. Чаще всего задачи помощи связывают с ускорением экономического развития и структурных сдвигов в хозяйстве развивающихся стран.

Очевидно, что если мы делаем заявку на то, что наша помощь братская, то она должна быть особенно бескорыстной.

Что же происходит на деле? За основу предоставления кредитов, подчас непомерно крупных, берется в лучшем случае просьба руководства принимающей страны. Из таких зигзагов то к одному объекту, то к другому или между обменами визитами нашего руководства и соответствующих лидеров и складываются объемы и даже «стратегия» помощи. Конечно, к нуждам той или иной развивающейся страны все это привязано гораздо слабее, чем к пожеланиям лидеров «дружественных стран», а уж последние могут исходить из любых неизвестных нам соображений. О какой эффективности можно говорить в таких условиях? Вот и судят о ней наши экономисты (точнее — пропагандисты) по объемам в натуральных показателях — штуках, кубометрах, тоннах и доле созданных мощностей в общих возможностях этой страны.

И это при том, что как мощности, так и возможности в развивающемся мире вещи исключительно теоретические, отнюдь не гарантирующие реальных результатов производства или вообще отдачи на инвестиции.

За примерами далеко ходить не надо, возьмем хотя бы подготовку кадров. Когда-то, во время моей работы на нашем «объекте содействия» в Индии, пришлось задание из Москвы объяснить, как трудоустроены индийцы, прошедшие обучение рабочим и инженерным специ-

альностям непосредственно на заводе или в Союзе. Оказалось, что никто такого учета не ведет и, видно, не хочет вести, потому что результаты никак не соответствуют планам. Бывшие наши ученики либо перемещаются в других странах или на родине и потом покидают госсектор, работают на частных фирмах, либо... уходят туда сразу. И фактически бесплатное обучение, вроде бы задуманное для того, чтобы на наших объектах было кому работать, становится подарком отнюдь не бедным компаниям. На «наши» же заводы местные власти набирают людей с квалификацией второе ниже, чем надо, но зато числом вдвое больше, чем требуется. Добавьте к этому общеизвестный факт разочарования в социализме студентов из «третьего мира», погостивших у нас, и получите в общем-то естественную картину бесплатного образования.

Но вот тут-то и ошибетесь: это мы знаем, что оно бесплатное, а если взять стоимость подготовки студента в США и умножить на наши «поставки» кадров в частные фирмы развивающихся стран, то получится замечательный весомый приварок к общей сумме нашей помощи. Только не спрашивайте, зачем. Таковы законы жанра! Именно здесь достигается полнота абсурда: несмотря на то, что эффективность мы рассчитываем не для принимающих стран, а для себя (точнее — для бюджета или ведомства), несмотря на все усилия доказать собственным гражданам, как выгодно оказывать помощь и стремление приуменьшить ее размеры в прессе («для внутреннего употребления»), на международной арене мы гордо заявляем о баснословных объемах содействия и прямом бескорыстии.

Эта показуха призвана убедить мир, что мы передаем развивающимся странам на льготных условиях такую долю своего продукта, которая в 3—5 раз выше доли помощи в продукте развитых стран, крупнейших доноров мира. Мол, последнюю рубашку... и так далее. А для своих — доказываем, как «выгодно» производить с высокими издержками то, что никто не купит подобно-поздорову, сбывать это, скажем, на Кубу

(еще и оплатив перевозку) и так покрывать стоимость сахара, в четыре раза превышающую мировую цену. Приводят еще и расчеты капиталовложений, которые нужны были бы для соответствующего урожая сахарной свеклы и которых удается избежать, переплачивая за импорт. Правда, никто не подсчитал, что дали бы прекращение производства для такого «экспорта», а также ежегодные (а не сразу вдруг все в один год) инвестиции в современную агротехнологию.

Получается, что свое бескорыстие мы можем доказать лишь тем, насколько велики наши потери. Только трудно убедить принимающую сторону, что в результате ускоряется ее экономический рост, равно как нелегко найти подтверждение тому, что потери предусмотрены с самого начала.

Но, может быть, мы плохо ищем эффективность для развивающихся стран, слишком конкретизировали? Может, дело не в экономическом росте, а в моральной поддержке, мы же всегда были выше всего материального? Что ж, делаем по нашему определению шаг третий и читаем: «Освободившиеся государства, борющиеся с неокOLONIALИЗМом и страдающие от нищеты». Увы, здесь не просто все — и неокOLONIALИЗМ, и нищета. Что касается первого, то действительно некоторые виды отношений развитых и развивающихся стран относятся к неокOLONIALИЗМу, то есть современному варианту колониальной эксплуатации — внеэкономической, внерыночной, основанной на несправедливом изначальном соотношении условий производства, выкачке продукта из стран «третьего мира». Но подавляющая часть движения товаров, капитала и услуг в мировом хозяйстве происходит на базе не этих мифических законов «эксплуатации», а нормальных законов рынка. Неблагоприятны для «третьего мира» рыночные отношения в тех случаях, когда они связаны с естественным, к сожалению, разрывом в хозяйственных возможностях этих стран и других, развитых. Иначе говоря, миф о всевластии неокOLONIALИЗМа — это ответвление от большого мифа о загнивании капитализма, которое только и

удается приостановить с помощью ограбления бывших колоний.

На самом деле развитые страны давно уже осознали взаимосвязь многих процессов на нашей планете, поняли, например, зависимость экологии на своих территориях от экономики в «третьем мире» и изменили всю этику отношений с ним. Здесь уже отстаем и ведем себя неразумно и немилосердно скорее мы, чем они. Что стоить только политика военной помощи бедным странам! Туда бы поставить на ту же сумму одежду, продовольствие и простейших предметов потребления!

И все же «третий мир» очень разный, часть его стран развивается быстро и успешно, так что о тотальной нищете говорить нельзя. Мы действуем снова неадекватно: дешевую государственную помощь в огромных размерах предоставляем одной из наиболее развитых стран этой части планеты — Индии. Ей бы позволить овладеть нашим емким рынком потребительской электроники, создать действительно привлекательные условия для прихода к нам ее частного капитала — мы же все держимся за «братскую» помощь. Потому и долги нам с ее стороны немалые — не от нищеты, а от того, что вся схема связей устарела и не стимулирует Индию.

Шаг четвертый — ростки социализма. Здесь вообще конфуз: набор стран социалистической ориентации постоянно меняется, хотя их лидеры мы щедро одариваем кредитами при первых звуках идеологически родных лозунгов с их стороны. Загнав в тупик свою экономику, они отказываются от нашей модели хозяйства и (нередко даже не меняя фразеологии лозунгов) переходят на практике к противоположным приемам — к децентрализованной частнохозяйственной системе с привлечением иностранного капитала и открытым торговым режимам. Только такие изменения и только за 1986—1988 годы произошли в Алжире, Анголе, Бенине, Бирме, Гане, Конго, Танзании и Эфиопии.

Шаг пятый — военные базы в «третьем мире» и поставки оружия. Честно говоря, хочется просто развернуться и уйти

подавшие от такой помощи. Теперь постепенно становится понятным, что причин для нашей славы крупнейшей поставщицы оружия в «третий мир» было две, и обе недостойные. Первая — стремление привязать к себе идеологического союзника в любой точке земного шара, пусть временного, ненадежного и главное — объективно нуждающегося отнюдь не в танках, а в хозяйственной поддержке. Вторая причина — нам было выгодно торговать оружием, за него хорошо и в срок платили. Теперь, кстати, мы наказаны, как дети за опасные игры: плата за оружие поступает со скрипом, долги растут как снежный ком.

Ну а базы, ремонтные доки и тому подобное — нужны ли нам они? Вообще нужны ли нам военные объекты вдали от наших берегов? Если для паритета с НАТО или США, то это странно: ведь и НАТО меняет кардинальные подходы, признает снижение угрозы с нашей стороны, и США начинают сокращать военное присутствие в «третьем мире». Важно еще и то, что для нас конверсия военной помощи в экономическую — один из самых удобных выходов: чисто хозяйственная поддержка «третьему миру» была бы очень кстати. Сейчас же она соотносится с военной как 1,0:1,8, и до отношения США (1,0:0,6) еще далеко.

Так что же это за помощь, каково ее настоящее назначение? Приходится признать, что, как и многое из созданного у нас в прошлом, это явление лишь формально отвечает названию. На деле главной его функцией была всегда идеологическая — сначала решение внешних идеологических задач (в борьбе двух мировых систем, экспорте революции) в последние годы — уже внутренних пропагандистских. Реальной же отдачи, кроме случайной коммерческой, помощь давно уже не приносит, или, скажем мягче — если и приносит, то непомерно дорогой ценой.

Более того, отказавшись от идеологизированного экономического содействия, мы получили бы возможность направлять часть средств на внутренние нужды и при этом помочь

наименее развитым странам, действительно терпящим голод и стихийные бедствия. Например, вряд ли многие решились бы отказать в помощи Афганистану. Даже если бы не были недавно опубликованы соображения полковника запаса А. Катинаса, служившего в 1978—1980 годах военным советником в Афганистане (см.: АиФ, 1990, № 7) и уверенного в том, что своей помощью мы продали войну в этой стране. И без того всем ясно, что ответственность за восстановление афганской экономики лежит и на нас. Кроме всего прочего, нельзя не подумать и вот о чем: признание вины перед Афганистаном идет рука об руку с признанием тяжелейшего обмана и вины перед нашими «афганцами». Наверно, реальный интернациональный долг еще впереди — это будет максимально льготное содействие в хозяйственном строительстве.

В заключение вернемся к «коммерческой» стороне проблемы помощи. Это упоминавшаяся возможность получить от нее косвенные экономические выгоды. В современном мире такой подход достаточно распространен, хотя его признают и не все государства-доноры.

Но для того чтобы нам дойти до такой степени рациональности, надо прежде всего выбрать страны, где сосредоточены наши хозяйственные, военные и политические интересы. Или вести разграничения — здесь мы на первый план ставим помощь, и лишь ради дальнейшей перспективы начинаем коммерцию, а там ограничимся неэгоистичным, обычным обменом и даже будем его стимулировать. Тогда в первой группе уменьшится доля Кубы, Монголии, Вьетнама, останутся там наименее развитые страны. Во второй группе, куда перейдет Индия, появятся новые партнеры — Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Таиланд, Малайзия, Турция, латиноамериканские государства. И тогда при словах «с третьим миром» будет возникать ассоциация не с фарцовкой в студенческих общежитиях, а с официальным импортом современной электроники, одежды и обуви, компьютеров и качественного оборудования.

Конкурс комиксов

Многие из вас, дорогие наши читатели, набрали хороший творческий потенциал, выдумывая и оформляя стенгазеты.

Мы предлагаем ваш накопленный опыт использовать для создания комиксов. Темы по вашему усмотрению, хотя нам хотелось бы, чтобы были не только сугубо развлекательные, но и с полезным содержанием (хорошие, например, возможности дают такие сюжеты — «студент и компьютер», «студент и картошка», «военная кафедра», «вузовский КВН» и т. п.).

Эти сюжеты вовсе не обязывают вас к их воплощению. Нам хотелось только показать, что содержательная ценность ваших комиксов тоже будет учитываться.

«Ст. М.» учреждает следующие премии:

«Гран-при» — 5000 рублей (публикация комикса);
первое место — 3000 рублей (публикация комикса);
второе место — 1000 рублей;
три третьих места — по 500 рублей (за каждое).

Срок проведения конкурса: с 1 ноября 1990 года по 1 марта 1991 года.

Работы присылайте по адресу: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, «Ст. М.» — «Комиксы».

А пока — разминка. Следующий за этой колонкой комикс состоит на самом деле из трех полос. Мы же публикуем только 1-ю и 3-ю. Попробуйте, во-первых, написать к нему диалоги, которые вышлите персонажам.

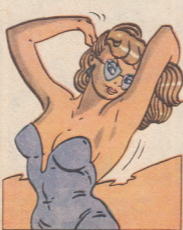
2-е задание: попробуйте нарисовать пропущенную страницу.

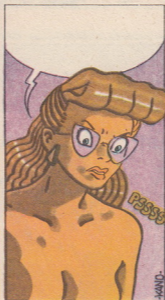
Таким образом, вы должны прислать в редакцию вырезанный лист (с. 49—50) с вписанными диалогами и нарисовать в таком же размере пропущенную страницу комикса.

Срок для отправки работ конкурса-разминки до 1 ноября с. г.

10 авторов лучших комиксов будут отмечены альбомами, а самые лучшие тексты и рисунки опубликованы.

Пометка на конверте: «Комикс-разминка».

Итак, первое задание: впишите персонажам
возможный диалог; нарисуйте пропущенную нами
страницу.

Дейл Карнеги

Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей

Глава 7. Как добиться сотрудничества

Не правда ли, вы питаете больше доверия к своим собственным идеям, чем к тем, которые преподносятся вам на серебряном блюде? А если это так, разумно ли пытаться навязывать свои мнения другим? Не лучше ли наводить на мысль — и пусть ваш собеседник сам сделает выводы.

В качестве иллюстрации: мистер Адольф Зельц из Филаделфии, мой бывший студент, столкнулся однажды с необходимостью поднять дух у обескураженной и дезорганизованной группы агентов по продаже автомобилей. Организовав встречу с агентами, он попросил их четко изложить, что они ожидают от него самого. Выслушав выступления, он записывал вносимые предложения на доске. Затем он сказал: «Я выполняю все, что вы от меня ожидаете. Теперь прошу сказать мне, на что могу рассчитывать с вашей стороны». Последовали быстрые и четкие ответы: добросовестность, честность, инициатива, оптимизм, коллективная работа; работа с энтузиазмом все восемь часов в день. Один агент даже выразил намерение работать четырнадцать часов в день. Встреча закончилась подъемом и воодушевлением и привела, как рассказывал мне потом мистер Зельц, к феноменальному росту числа проданных машин.

«Люди заключили со мной нечто вроде моральной сделки, — говорил мистер Зельц, — и в той мере, в какой я выполнял свои обязательства, они были полны решимости выполнять свои. Выяснение их потребностей и желаний было

как раз тем стимулом, в котором они нуждались».

Никто не любит сознавать, что его вынудили сделать или купить что-нибудь. Мы предпочитаем чувствовать, что мы купили по собственному желанию или поступили в соответствии с нашими собственными соображениями. Мы любим, чтобы интересовались нашими желаниями, нуждами и мыслями.

Рассмотрим, например, случай с Юджином Вессоном. Он понес несчетные убытки прежде, чем постиг истину. Мистер Вессон делает эскизы для студий, поставляющих рисунки декораторам и фабрикантам тканей. На протяжении трех лет мистер Вессон еженедельно — раз в неделю — наносил визит одному из ведущих модельеров Нью-Йорка. «Он никогда не отказывался принять меня, — рассказывал мистер Вессон, — но он никогда не приобретал моих эскизов. Он всегда очень тщательно рассматривал их, а затем говорил: «Нет, Вессон, я думаю, что сегодня у нас ничего не выйдет».

После ста пятидесяти неудач Вессон понял, что необходимо сойти с проторенной дороги. Поэтому он решил посвятить один вечер в неделю изучению методов влияния на людей и выработке новых идей.

В конце концов он попытался применить новый подход. Захватив с собой подюжники неоконченных эскизов, над которыми работали художники, он устремился в контору своего модельера. «Не согласитесь ли вы оказать мне небольшое одолжение, — сказал он, — вот несколько неоконченных эскизов. Не скажете ли вы, как следует их завершить, чтобы они могли пригодиться вам?»

Заказчик некоторое время рассматривал наброски, не говоря ни слова, а затем произнес: «Оставьте их у меня на несколько дней, Вессон, а потом зайдите».

Вессон вернулся через три

дня, получив указания, забрал эскизы в свою студию и закончил их в соответствии с идеями модельера. Результат? Все эскизы были приняты.

Это произошло девять месяцев назад. С тех пор этот модельер заказала десятки других эскизов, выполненных по его идеям — и в результате Вессон получил более тысячи шестисот долларов комиссионных чистоганом. «Понимаю теперь, почему все эти годы терпел неудачи с этим заказчиком, — сказал мистер Вессон, — я старался его убедить приобрести то, что считал для него нужным. Теперь поступаю наоборот. Я побуждаю его давать мне свои идеи. Он чувствует теперь, что эскизы создает он сам. Теперь не я продаю, а он покупает».

Когда Теодор Рузвельт был губернатором Нью-Йорка, он проявил необычайное искусство. Ему удалось сохранить хорошие отношения с политическими боссами, несмотря на то, что он провел реформы, против которых боссы были резко настроены.

Вот как это произошло.

Когда понадобилось найти кандидата на высокий пост, Рузвельт обратился к политическим боссам за рекомендациями. «Сначала, — рассказывал Рузвельт, — они предложили опустившемуся партийному клычу, человека, о котором «нужно было позаботиться». Я сказал им, что назначать этого человека неразумно, так как это не встретит общественного одобрения.

Тогда они назвали имя другого партийного деятеля, все достоинства которого сводились к тому, что он всегда занимал какие-нибудь посты. Я сказал им, что и это лицо не оправдает общественных ожиданий, и попросил выяснить, нельзя ли найти кого-нибудь более подходящего для этой должности.

Третья кандидатура была уже хороша, но не вполне. Я побла-

Продолжение. Начало в № 2—7, 10, 12 за 1989 год и в № 2, 3, 5, 7 за 1990 год

годария и попросил попытаться еще раз. Четвертое предложение оказалось вполне приемлемым; они назвали имя человека, которого я бы и сам выбрал. Выразил свою благодарность, я назначил это лицо и таким образом дал им возможность приписать заслугу этого назначения себе... Я сказал, что сделал это для них и теперь их очередь сделать кое-что для меня».

И они сделали. Сделали, поддерживая такие радикальные формы, как билль о гражданской службе и билль о доходах лиц, участвующих в выборах.

Запомните, Рузвельт посвятил много времени консультациям и проявил уважение к советам других. Он назначил подходящее лицо на высокий пост, оставив, однако, у боссов ощущение, что именно они выбрали кандидата, что идея принадлежит им...

С учетом этой же психологии действовал один изготовитель рентгеновской аппаратуры, желая продать свое оборудование одной из крупнейших больниц в Бруклине. В этой больнице была сделана пристройка, в которой намеревались создать лучшее в Соединенных Штатах рентгеновское отделение. Заведующего этим отделением, доктора А. осаждали агенты по продаже, и каждый пел хвалу своему товару.

Один фабрикант, однако, поступил более искусно. Он знал значительно лучше других, как подходить к людям. Он отправил письмо примерно следующего содержания.

Наша фабрика только что закончила изготовление новой линии рентгеновской аппаратуры. Первая партия этого оборудования только что поступила к нам. Аппаратура не совершенна... Мы знаем это и хотели бы сделать улучшения. Мы были бы весьма обязаны вам, если бы вы смогли уделить время на ознакомление с созданными аппаратами и посоветовать нам, как их лучше приспособить для использования в больницах. Зная, как вы заняты, я был бы счастлив послать свою машину за вами в назначенное вами время.

«Я был удивлен, получив это письмо, — сказал доктор А., когда рассказывал в одном из наших классов об этом случае, —

был одновременно удивлен и польщен. До этого фабриканты рентгеновской аппаратуры никогда не обращались ко мне за советом. Я почувствовала себя значительной персоной; несмотря на то, что в это время был очень занят все вечера, я отменил одну деловую встречу для того, чтобы познакомиться с оборудованием. Чем больше я изучал его, тем больше оно мне нравилось. Никто не пытался продать мне это оборудование. Я чувствовал, что мысль приобрести его для больницы моя собственная. Убедившись в превосходных качествах аппаратуры, распорядился приобрести ее».

Полковник Эвард М. Хауз во время президентства Вудро Вильсона пользовался колоссальным влиянием на внутренние и внешние дела страны. Вильсон скорее обращался за секретными советами и рекомендациями к полковнику Хаузу, чем к членам собственного кабинета.

Каким методом пользовался полковник, чтобы влиять на президента? К счастью, мы это знаем от самого Хауза. Свой секрет Хауз открыл Артуру Д. Смиту, опубликовавшему рассказ Хауза на страницах «Сэтердей Ивнинг Пост».

«После того как я хорошо познакомился с президентом, понял, что лучший способ привлечь его внимание к какой-нибудь идее — это заронить ее мимоходом, небрежно, но так, чтобы она его заинтересовала и он ухватился за нее, как за свою собственную. В первый раз это случилось случайно. Во время посещения президента в Белом Доме я предложил ему определенную политическую линию, восторженную президентом, как мне показалось, с неодобрением. Однако спустя несколько дней, за обедом у президента, с удивлением обнаружил, что он преподносит мою идею, как свою собственную».

Вы думаете, Хауз преврал его и сказал: «Это не ваша идея, а моя»? Конечно, нет. Кто угодно это сделал бы, но не Хауз. Он был слишком умен. Его не беспокоило, что не ему будет приписана честь авторства. Ему нужны были результаты. Поэтому он оставил Вильсона в убеждении, что идея принадлежит ему — Вильсону. Хауз сделал

даже больше: он публично похвалил идею Вильсона.

Не будем забывать, что люди, с которыми мы будем иметь дело завтра, обладают в точности такими же человеческими чертами, как Вудро Вильсон. Итак, мы будем пользоваться методом полковника Хауза.

Один делец из Нью-Брансуика поступил аналогично по отношению ко мне и добился своей цели. Мне захотелось как-то поудить рыбу и поплавать на байдарке вблизи Нью-Брансуика. Я обратился за информацией в туристическое бюро. По-видимому, мое имя и адрес были опубликованы в каком-то списке, и я был немедленно засыпан десятками писем, брошюр и рекламных листовок из лагерей и от гидов. Я был ошеломлен, не знал, что мне выбрать. Но тут владелец одного лагеря сделал очень разумную вещь. Он прислал мне телефоны и адреса нескольких нью-йоркских жителей, пользовавшихся его услугами, с предложением самому осведомиться о том, что я могу ожидать от его лагеря.

К своему удивлению, обнаружил, что в присланном списке мне знаком один человек. Я позвонил ему, спросил о лагере и протелеграфировал туда дату своего приезда.

Таким образом, если вы хотите убедить в своей точке зрения, пользуйтесь Правилом 7:

Пусть ваш собеседник почувствует, что идея принадлежит ему самому.

Двадцать пять веков назад китайский мудрец Лао-Цзы сказал слова, которыми читатели данной книги могут пользоваться и сегодня:

«Причина, что в реки и моря вливаются сотни горных потоков, в том, что реки и моря расположены ниже гор. Поэтому они в состоянии властвовать над всеми горными потоками. Так и мудрец, желая быть над людьми, становится ниже их; желая быть впереди, становится позади. Поэтому, хотя его место над людьми, они не чувствуют его тяжести; хотя его место перед ними, они не считают это несправедливым».

Продолжение следует

Пятый матч — последний?..

Позвольте начать с банальности: сколь стремительно движение общества, в котором мы живем! А теперь по существу: когда «Ст. М.» опубликовал в 1987 году (№ 1—3) очерк Игоря Акимова «Осень на Каменном острове», на редакцию обрушилась лавина писем; телефоны раскалялись от звонков; главного редактора после каждого номера выдергивали вверх — на «ковер», — практически работа редакции была парализована возмущением, протестом, негодованием, недовольством: как вы смели критиковать? Как вы можете так писать о нашей национальной гордости — о великом Гарри Кимовиче? Даже сам Каспаров в какой-то момент смалодушничал — и позвонил главному редактору, и говорил долго и горько, и голос его срывался — в нем держала томительную ноту скупая мужская слеза.

И вот прошло три с половиной года. Всего! — а как переменялись нравы. Что хочешь и о ком угодно пишешь — адресат и не почешется. Сегодня скандал стал практически вселенским — и потому вызывает не возмущение, а любопытство, и чаще всего на него просто не обращают внимания. Теперь людям (и нашему читателю, в частности) подавай новую мысль, истинный смысл, точные ответы на конкретные вопросы. И вот теперь, перечитывая тот давний очерк с позиций нынешнего дня, видим, что скандала в нем никакого и не было. Была собственная точка зрения (для многих непривычная), была правда (для кого-то неудобная), были мысли, которые и сегодня столь же свежи и актуальны, что и тогда. Значит, они были истинными, значит, в них действительно было нечто непреходящее, если этот очерк читается почти с тем же интересом.

Мы вспомнили об этом вот

почему: вдруг стало известно, что Игорь Акимов собирается в Нью-Йорк. Не просто в Нью-Йорк (ведь сейчас только ленивый в Нью-Йорк не летает), а именно на очередной матч на первенство мира по шахматам. Естественно, мы решили не упустить свое.

— Что вас туда несет? — поинтересовались мы с напускным простодушием.

— Профессиональный интерес.

— Будете писать?

— Даже получите.

— Даже так?!

— А что бы вы хотели от меня услышать? Мол, поеду и непременно напишу? Так я из этого возраста давно вышел. Теперь пишу, когда хочу от чего-то освободиться. Или — разобраться в чем-то. Иначе говоря — закрыть тему.

— Так ведь это ж идеализм!

— В том-то и беда. Думаешь: поставил точку, а завтра, оказывается, все сначала...

— А почему вы не поехали на предыдущий матч — в Севилью?

— Не было потребности.

— А теперь — есть?

— Теперь — есть.

— Может быть, предчувствие, что Карпов победит?

— Предчувствия — прерогатива гадалок и любителей. А я — профессионал. Как сказал поэт, человек, называющий все по имени. Основываюсь на имеющихся фактах, я могу сказать только, что 1) в этом матче борьба будет невероятно высокого напряжения — несравненно выше, чем в Севилье, и 2) скорей всего этот матч между Карповым и Каспаровым окажется последним.

— Из-за Карпова?

— Нет. Из-за Каспарова.

— Вы говорите загадками...

— Не будем заглядывать в конец задачника. Когда жизнь откроет ответ, вы убедитесь, что он гораздо проще наших умозрительных построений.

— Мы вас понимаем, colega, но и вы нас поймите: мы не можем оставлять своих читателей совсем без ничего. Сейчас

они ждут от нас если не фактов, то хотя бы намек, хотя бы подсказки...

— Вы меня подталкиваете к банальности...

— А что — слабо?

— Попробуем... Во-первых, обращаю ваше внимание, что если прежде основным аргументом комментаторов была изрядная разница в возрасте наших поединщиков, то теперь об этом никто не вспоминает.

Во-вторых, напомним результаты. Свое звание чемпиона Карпов потерял при счете «минус 2». Следующий матч он проиграл уже «минус 1». В Севилье была ничья. Если тенденция не изменится, то для Карпова напрашивается положительный исход.

В-третьих, Каспаров сейчас находится в полосе неудач; на предстоящий матч — судя по всему — он ставит как на шанс переломить судьбу. Ну а вдруг не переломится? Варуж серая полоска продлится до конца года?..

— Замечательное наблюдение. Какой чудесный желтый цвет. И запах подходящий. А вы прибеднялись: «не смогу».

— Стараюсь.

— Кстати, а как же с «Мальчиком, который умел летать...»? Ваша поездка на нем не отразится?

— Мы с Клименко уже завершаем подготовку рукописей к изданию отдельной книги. О выходе которой, надеюсь, вы поставите в известность читателей. А до тех пор ваш журнал — ее единственный владелец. Только печатайте! — готового текста более чем достаточно...

На этом мы простились с нашим любимым автором. Надеемся, он не передумает (с ним такое случалось!) — и поедет на матч. Надеемся, там посетят его мысли, из которых он наудит как всегда глубокий и — как бы поделкатней выразиться! — как всегда своеобразный текст. А уж за нами дело не станет: ложку мы не проносим мимо рта.

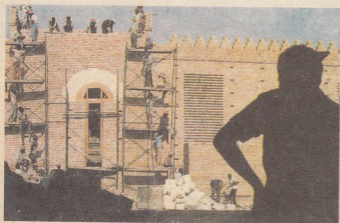

Прав, видимо, Остап Бендер, вопрос не в том, похож ли на своего отца. Главное — «какой отец». Двадцатилетняя исключительно пластичная актриса с экзотическим именем Мэй-Мэй Али вся в своего отца, знаменитого боксера, умевшего на ринге так же «порхать, как бабочка, и жалить, как оса». Недавно Мэй-Мэй дебютировала в престижном музыкальном шоу «Комедийная история», в котором до нее в разное время участвовали легендарные Шаде и Тина Тернер. Сама же актриса, опасаясь, как бы не прослыть прежде всего дочкой некогда непобедимого Мохаммеда Али, подчеркивает, что пробилась на сцену из низов исключительно собственными усилиями.

Воистину, иногда лучше семь раз увидеть, чем, не дай Бог, один раз испытать на себе. Французские «гаишники» не случайно позируют на фоне бетонного монолита с автомобильными вкраплениями. Такая «стена плача» должна лишний раз напомнить автолюбителям о бессмысленности уголовно на-

казуемой гонки со смертью по национальным шоссе-ным дорогам. Ко всему прочему, это сооружение имеет не только воспитательную, но и самостоятельную эстетическую ценность, поскольку является авторской скульптурной композицией.

Пока в Москве обсуждают возможность и целесообразность восстановления Храма Христа Спасителя, в Ираке полным ходом идет реконструкция некогда славного Вавилона. Уже в 1994 году Вавилон-II будет окончательно открыт для посещения туристов. Правда, многие специалисты сравнивают осуществляемый проект со строительством очередного Диснейленда, поскольку подрядчики не утруждают себя следованием историческим и археологическим данным. Однако, как и во времена почти мифических правителей, путников будет поражать вид висячих садов Семирамиды.

ЗАГАДКА ОСТАЕТСЯ ЗАГАДКОЙ

Ури Геллер: «Моя история»

Об Ури Геллере рассказывать невероятно сложно — уж больно неправдоподобными выглядят многие факты его биографии. Ну, как, скажите, поверить в то, что, пролетая в самолете над какой-то местностью, он может почти безошибочно указать месторождения золота и алмазов, нефти и угля...

Как-то не укладывается в голове и то, что Ури приходилось стрелять из незаряженного пулемета, останавливать на полном ходу океанский лайнер, вмешиваться в рабочий ритм могучего знаменитого Биг Бена...

Да, даже самое, с его точки зрения, элементарное дело, которым он занимается едва ли не с такой же регулярностью, как мы моем руки или чистим зубы, — гнуть металлические вилки и ложки — и то заставляет все же усомниться, не сон ли это, не обман ли зрения...

Кто он — Ури Геллер, — новый барон Мюнхгаузен, великий фокусник, супермен или человек будущего? Оставим этот вопрос открытым и послушаем самого Ури, ведь что бы там ни было, все его истории остаются интересными и увлекательными. Никто, наверное, не поведает их лучше, чем это сделал сам Геллер в книге «Моя история», отрывки из которой он любезно предоставил «Студенческому меридиану», а основная часть будет опубликована в следующем году.

Прекрасно понимаю, что читателю и в самом деле нелегко поверить в то, о чем я рассказываю, до тех пор, пока он не испытает все это на себе. Я просто иногда забываю, что для многих мои слова звучат странно и неправдоподобно. Сам-то давню привык и полностью принял все, что происходит в моей жизни. И если бы можно было войти в дом каждого человека, рассказать и показать ему силу своей энергии, это был бы, наверное, самый простой способ добиться того, чтобы люди мне поверили.

Речь идет о феномене, и для меня он бесспорен. Поэтому мне кажется очень важным подробно описать его с точки зрения науки, в условиях строжайшего контроля, где какие бы то ни было фокусы исключаются. Необходимо доказать, что в каждом человеке заложена сильная энергия, которая может взаимодействовать с энергией вне нас, и мы эти энергии пока еще просто не познали. Людям очень важно в этом разобраться. Долгое время у меня самого было очень смутное представление о природе моего дара.

Но шло время. Мои взгляды утвердились, развились, хотя я все равно не мог добраться до самых корней. Правда, к тому времени, когда писал эту книгу, я уже твердо верил, что истоки моих необычных способностей наверняка связаны с каким-то фантастическим разумом. Я не знал, как все это называется — до Бога ведь нельзя дотронуться. Но во Вселенной такие разумы, безусловно, существуют. Их миллионы и миллионы. И может быть, один из них, или два, или пять, никто не знает, сколько — пытаются пойти на контакт с человечеством. Кто знает, может, я

и ошибаюсь, но все-таки человеческий разум пока просто не готов принять все это, потому что мы привыкли к одномерному, простому временному измерению и не пытаемся расширять свои познания в этом направлении.

Пока я еще, разумеется, не достиг никаких успехов в объяснении своего феномена. Мне открылась только маленькая верхушка огромного айсберга. Предстоит очень много работы. Но в одном я уверен, что эти энергии действительно работают через меня, и я не могу их игнорировать. Мне даже кажется, что шумиха вокруг моего имени — это хорошо, потому что благодаря ей все большее число людей узнает о существовании сверхъестественных сил. Убежден — придет время, и человечество вынуждено будет поверить в них.

Сперва силы эти будут восприниматься как феномен, потом как теория, а потом, возможно, даже как физические законы науки.

Появление странных энергетических сил уходит далеко в мое детство. Иногда я мысленно прокручиваю свою жизнь как кино и тогда вижу себя маленьким ребенком. Обычно первый и один из самых прекрасных кадров, который приходит мне на память, — это арабский сад недалеко от моего дома в Тель-Авиве. Прекрасные ветвистые деревья, высокий металлический забор и небольшое озеро рядом со старым домом. Никто уже много лет не подстригал траву в саду. Мне в этот момент года три или четыре. Некоторые уголки сада темные, потому что могучие деревья не пропускают свет. И я вижу себя там. Вдур словно из этой тенистости сада вырастает Вселенная — темная, глубокая. Я передвигаюсь по этой Вселенной, передо мной мириады звезд, Млечный Путь. Вокруг какие-то странные голоса и яркие краски.

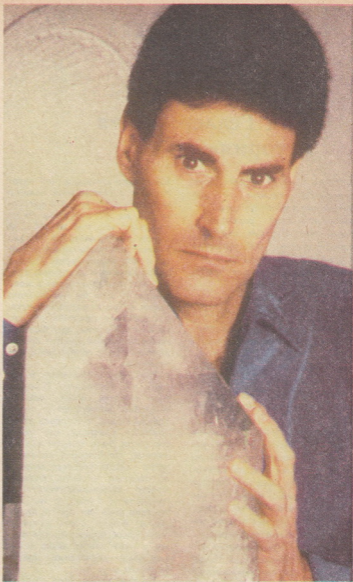
И снова возвращение в детство. Я вижу свою любимую собаку, родителей, школу. Я вижу себя играющим в свои потайные, известные только мне, игры. Один крошечный листочек становится в моем воображении огромным деревом, трава — сказочным лесом. А цветы здесь слишком большие, и

поэтому я придумывал, что они — диковинные деревья с какой-то другой планеты.

Однажды со мной произошел очень странный случай. Перед тем как описать его, признаюсь, что прекрасно понимаю, что прозвучит он как фантазия маленького четырехлетнего ребенка, нечто вроде фрагмента из «Алисы в стране чудес». И тем не менее это правда. И даже больше, чем правда. Да, я был действительно очень мал, но моя память сохранила мельчайшие подробности этого события. Я, конечно, не осознавал тогда, что именно произошло со мной. Мне просто пришлось принять все так, как случилось. Тогда я еще не задавал себе те вопросы, которые задаю сейчас. Но все это мне кажется важным, потому что, может быть, здесь заключена тайна моего феномена.

День клонился к вечеру, но было еще светло. Я в полном одиночестве играл в своем садике, иногда ненадолго засыпая, как это часто бывает с маленькими детьми. И вдруг почувствовал очень сильный, пронзительный звон в ушах, заглушивший все остальные звуки. Состояние было очень странным. Как будто бы время вдруг остановилось. Даже деревья перестали качаться от ветра. Что-то заставило меня посмотреть на небо — я очень хорошо это помню, — все оно было залито серебристым светом. И первая мысль, которая пришла мне в голову: «Что случилось с солнцем?» Оно явно было не то, к которому я привык. Яркий свет словно бы накрывал меня, опускаясь все ниже и ниже. Наконец он приблизился ко мне вплотную. Я вдруг почувствовал сильный толчок и упал на спину. Голова моя, казалось, вот-вот расколется от нестерпимой боли во лбу, и тут я потерял сознание. Сколько пролежал так — не знаю. Но когда пришел в себя, то сразу же побежал домой и рассказал все маме. Она почему-то рассердилась. А я как-то инстинктивно понял, что случилось что-то очень важное.

После я часто возвращался в сад в надежде увидеть яркий серебристый свет. Но это больше никогда не повторялось. Моя мама, конечно, ни во что не поверила, посчитала детской фан-

тазией. А я всю жизнь держал эти мысли при себе. Но сегодня, когда столько происходит в мире с различными энергетическими силами, я часто думаю о том удивительном происшествии.

Трудно сейчас сказать точно, когда впервые начал наблюдать за собой какие-то странные способности.

Мне было всего шесть лет, когда отец купил мне первые часы. Я очень ими гордился. Хочу сказать, что с самого начала я ненавидел школу. И каждый урок мучительно ждал,

когда наступит время перемен. В принципе это вполне нормально. Но все-таки я не любил школу больше, чем в общем-то можно считать нормальным. И вот когда у меня появились часы, я почти непрерывно смотрел на них, ожидая, когда раздастся звонок на перемену. В некоторых классных комнатах были часы на стенах. Как-то раз, помню, я сидел и смотрел на свои часы, по которым урок уже должен был закончиться, но звонок все не звенел. Тогда я взглянула на часы, висевшие на стене, и увидела,

Spring Court, Spring on Hamm, Birkdale, Hill Side, England
 Telephone: (0734) 696766 Telex: 848021 UGA Fax: (0734) 699479

To the Student
 Meridian
 reader:
 I wish you all happen and
 very good luck for your wonderful
 future! and I hope to see
 some of you when I come
 to the Soviet Union
 Love!
 Uri Geller
 1990

Читателям «Студенческого меридиана»
 Желаю счастья и успехов в Вашем замечательном будущем!
 Надеюсь увидеть кого-нибудь из Вас, когда я приеду в
 Советский Союз.
 С любовью!
 Ури Геллер
 1990 г.

что по ним еще осталось целых полчаса до перемены. Огорчившись, я перевел часы на полчаса назад.

Но на следующий день произошло то же самое — мои часы вдруг убежали вперед, опережая школьные. В конце концов, я рассказал об этом маме. И мы решили, что часы забарахлили, и их пришлось оставить дома. Мама проверяла каждый день — ничего особенного не происходило, часы шли совершенно нормально. Так продолжалось несколько недель, и я пошел с ними в школу. Мне очень хотелось поймать часы в тот момент, когда они начнут двигаться необычно.

В этот раз я снял часы с руки, положил их перед собой и внимательно смотрел на них. Потом, конечно, забыл об этом и вдруг случайно взглянул на них. И тут увидел, что стрелки

крутятся все быстрее и быстрее, как будто часы сошли с ума. Я закричал учителю: «Посмотрите на мои часы!», подняв их над головой, чтобы все увидели, но весь класс начал смеяться надо мной. Я готов был провалиться сквозь землю.

Спустя некоторое время произошла еще одна странная вещь. Однажды, во время завтрака в школе, одноклассник, сидевший рядом со мной, посмотрел на свои часы и сказал: «Ой, мои часы убежали на час вперед!» Неожиданно для себя, осмелев, я повернулся к нему и сказал: «Я это сделал». Он заспорил, утверждая, что это невозможно, и тогда я попросил его снять часы. Он согласился. Я взял часы в руки, посмотрел на циферблат и сказал: «Двигайтесь». И стоило мне произнести это два или три раза — стрелки часов вдруг перепрыг-

нули еще на несколько делений. Вокруг собралась целая толпа, все говорили, что это величайший фокус во всем мире. Я почувствовал себя веселее. Но вскоре столкнулся с тем, с чем мне впоследствии придется сталкиваться всю жизнь. Все были уверены, что это только ловкий фокус, я не мог доказать, что нет никакого обмана.

Странные энергетические силы продолжали время от времени появляться и после того, как я переехал вместе с мамой и отчимом на Кипр. Но я никак не использовал их и никому о них не рассказывал, помня о том, как меня дразнили в Тель-Авиве. Время от времени у меня, надо признаться, возникали проблемы с учебой. Я не был плохим учеником, но и хорошим назвать меня было трудно. Во время экзаменов, когда я затруднялся ответить на тот или иной вопрос, то смотрел на класс, и мне всегда казалось, что у всех, кроме меня, все получается. Однажды, на контрольной по математике, я сосредоточенно посмотрел в затылок Гюнтеру, одному из лучших учеников в классе, и вдруг увидел все ответы на своем внутреннем умственном экране.

В голове как бы сам собою возник телевизионный экран, и я отчетливо видел все ответы Гюнтера. Неправильно было бы сказать, что я чувствую эти вещи, они просто вырисовываются у меня в голове. Как бы проявляются вдруг на таком сероватом экране. Если кто-то загадает мысленно рисунок, номер или слово, я могу их угадать.

Разумеется, я начал пользоваться этим удобным способом. Выбирал самого умного парня, концентрировал свое внимание на его затылке и получал необходимые ответы и решения, делая те же самые ошибки, которые были и у других.

Учителя стали подозревать меня в списывании. Я пытался убедить их, что это неправда, потому что и в самом деле считал, что ничего ни у кого не переписываю. Учителя, понятное дело, не верили. Во время экзаменов меня посадили за отдельный стол, стоявший в самом дальнем уголке комнаты, откуда я уж точно не мог видеть тетради других учеников. Больше того, они меня персональ-

но охраняли, стояли рядом.

Но для меня никакой разницы не было. Я просто по-прежнему направлял свой взгляд на самого лучшего ученика в классе и видел все его ответы. Учителя были потрясены. Они не могли понять, в чем дело, потому что я записывал как правильные, так и неправильные ответы. Они не знали, что со мной делать. А у меня не хватало смелости рассказать им, что происходит...

Как бы я ни пытался рассказывать эту историю, она все равно имеет какой-то оттенок научной фантастики. Поверьте, мне самому трудно свихнуться с мыслью, что случившееся произошло на самом деле. Я очень долго думал, есть ли вообще смысл рассказывать этот эпизод. Но что было, то было. Время и место, о которых пойдет речь, настоящие. Беда лишь в физической невозможности произошедшего. Законы физики, в том виде, в котором мы их знаем, отказываются объяснять эти события с точки зрения простого времени и пространства. В конце концов, я решил, что пока есть очевидцы, которые знают всю правду и могут ее подтвердить, нужно постараться изложить все подробно.

Итак, в пятницу 9 ноября 1973 года, примерно в 16 часов я вышел из квартиры, которую снимал на Ист-сайде в Манхэттене, чтобы купить бинокль моему приятелю доктору Луису Шенкману. Я довольно быстро нашел бинокль, который мне понравился, купил его и пошел к Марии и Байрону Джанис, жившим по соседству. У Марии своя мастерская в подвале дома, и там она с моим лучшим другом Шипи Штрангом занималась подготовкой ее картин к выставке. Я пришел в мастерскую около половины пятого. Мы втроем немного поболтали, и после этого я с Марией отправился наверх поприпевствовать Байрону. Шипи остался в подвале, он продолжал вставлять картины в рамки. Байрон, Мария и я часто затевали долгие, обстоятельные беседы, вот и сейчас незаметно углубились в какую-то интересную дискуссию, но я вовремя вспомнил, что у меня назначено свидание с девушкой в 18.30. До назначенного времени оставался все-

го час, а мне еще нужно было купить подарок, быстренько забежать домой, принять душ и переодеться.

Я разглядывал витрины магазина, а потом, взглянув на часы, увидел, что скоро уже шесть. Мне не хотелось опаздывать, я легкой трусцой, как это вообще часто делаю вместо физкультуры, побежал в сторону дома, который находился примерно в квартале от этого места. Часы показывали пять минут седьмого.

Профессор Андрия Пухарич в это время был в Оссининге, пригороде Нью-Йорка, находящемся на расстоянии около 30 миль — или приблизительно на поезде или на машине. В часы «пик» иногда на дорогу уходило и больше времени. Как мы установили позже, он лежал в постели, смотрел вечерние новости по телевизору и собирался ехать на станцию, чтобы встретить свою помощницу Сольвейг Кларк, поезд которой прибывал в 19.04.

Итак, в 18.05 я побежал в сторону дома, Андрия смотрел телевизор в Оссининге, находясь на расстоянии часа пути от Нью-Йорка. Сольвейг садилась в поезд на Оссининг, где она должна была объявиться через час. Яша и Вернер ждали нас с Шипи в своем офисе. Мария и Байрон оставались дома после того, как Шипи, закончив работу в мастерской, ушел.

Я очень четко помню тот момент, когда подходил к козырьку соседнего с нашим домом здания. Вдруг мне показалось, что я бегу не вперед, а как бы назад. Может быть, так оно и было. А потом почувствовал, что меня неудержимо тянет куда-то вверх. Я перестал ощущать вес своего тела. Закрыв от неожиданности глаза, почти тут же снова открыл их и обнаружил, что нахожусь в воздухе, стремительно приближаюсь к окнам какой-то веранды, одно из которых было затянуто сеткой от комаров. Пытаясь избежать столкновения с этой сеткой, я развернулся плечом вперед и прикрывал лицо руками. Пробив сетку насквозь, я пролетел в комнату и грохнулся на круглый столик из толстого стекла. Он перевернулся, а я приземлился на пол веранды. Я не те-

ря сознания, но был, естественно, потрясен всем этим. У меня здорово бодела нога. Но больше всего меня поразило то, что я находился на веранде Андрия в Оссининге. Только что был в Манхэттене, а через несколько коротких мгновений неизвестно каким образом очутился здесь. Я ничего не чувствовал, кроме боли от удара и бесконечного недоумения. Я кричал что было сил, звал Андрия, но поначалу мне никто не ответил. Помню, что мне было холодно и очень хотелось пить.

Андрия позже дополнил мой рассказ. Он успел просмотреть, наверное, половину выпуска новостей и где-то в 18.15 услышал непонятный шум и резкий удар, как будто бы что-то обрушилось на дом. Он тут же выскочил из постели. Он бегал из комнаты в комнату по всем трем этажам, но ничего не мог найти. Потом подошел к входной двери, ведущей на веранду, и хотя ничего не видел в темноте, но явно услышал мой крик. Он включил свет, и каково же было его изумление, когда увидел меня, лежащего в куче обломков стола и битого стекла. На окне была огромная дыра в сетке. Его особенно удивило то, что я держу в руках какую-то коробку, в которой оказался бинокль.

К этому времени я уже кое-как начал соображать. Андрия быстро меня осмотрел: никаких серьезных ранений, по счастью, не было. Страх я никакого не чувствовал. Просто ничего не мог понять.

Мария Джанис, как вы помните, была в своей квартире в Нью-Йорке и где-то в 18.15 позвонила Андрии. Андрия поднял трубку, но говорить не мог, потому что находился в шоке. Он сказал что-то типа того, что у него тут рядом сидит один приятель, который хочет с ней поговорить. Он передал телефон мне, и я сказал: «Я здесь». Теперь уже Мария была в шоке. Она видела меня в Нью-Йорке меньше часа назад, когда я выходил из ее квартиры в 17.30. Я ей сказал, что и сам не понимаю, как очутился в Оссининге. Андрия, немного оправившись от потрясения, снова взял трубку и описал зрелище на веранде, когда он нашел меня там. Я все еще чувствовал какую-то слабость в теле, но нашел в се-

Как стать бизнесменом?

Внимание, подписчики! Только «Ст. М.» предоставит вам шанс овладеть искусством често заработать... миллион. Да-да, превзойти самого Остапа Бендера. Стать — нет, не великим комбинатором, — а вполне уважаемым деловым и предприимчивым человеком, уверенно чувствующим себя в лабиринтах рыночной экономики.

Впервые, и только на страницах нашего журнала, с 1991 года открывает свой семинар-практикум «Технологическая школа бизнеса» («ТБС»), эффективно действующая при Ассоциации внешнеэкономических организаций коммерческих организаций СССР — АСКО.

Семинар «ТБС» — АСКО — это теоретические и практические уроки в сфере международной экономики и маркетинга, психологии, социологии и этики делового человека, это азбука внешнеэкономического права и навыки управления новыми технологиями.

Семинар «ТБС» — АСКО поможет всем: старшеклассникам — будущим абитуриентам — точно определиться в собственной перспективе (и подготовиться к ней!); студентам — параллельно с основным поучить еще один «диплом» менеджера и предпринимателя; молодым специалистам — эффективнее реализовать свои знания, энергию, смекалку.

Для самых усердных и образовательных читателей (журнальный практикум будет сопровождаться вопросами, домашними заданиями, тестами) «ТБС» бронирует места в четырехмесячном стационаре. А это, кроме углубленного обучения, предоставит вам шанс познакомиться в филиале Бостонского университета либо на предприятиях Греции.

бе силы позвонить Яше и Вернеру. Они потом сказали, что голос мой непривычно дрожал. Часы в этот момент показывали 18.20. Шипи еще не успел прийти из мастерской Марии. Я сказал Яше, что хочу, чтобы они хорошенько запомнили, что и когда случилось, а я немного приду в себя и перезвоню им.

Шипи объявился в офисе сразу же после моего звонка. Он нашел Яшу и Вернера в каком-то очень испуганном и взволнованном состоянии. Когда они сказали ему, что я только что звонил из Оссининга, он заявил им, что это абсолютно невозможно. А спустя какое-то время Шипи произнес: «Когда чудеса только начинаются, здорово пугаешься, а потом привыкаешь».

Конечно, мы с Андрия, придя в себя, тоже так подумали. Да и все остальные тоже. Но это был, безусловно, самый драматический феномен из всех, которые когда-либо со мной случались. Было совершенно очевидно, что никакой транспорт не мог меня доставить с Манхэттена к дому Андрия в Оссининге за те пять минут между 18.10 и 18.15.

Я постоянно спрашивал себя: «Как же так? Почему я ничего не чувствовал, никакого ощущения полета. Слово вообще не было в Нью-Йорке, а просто сразу же возник в воздухе, возле этой зловещей сетки, в 36 милях от Манхэттена. Что происходило с моим телом? Был ли я действительно разорван на молекулы или, быть может, прошел через какое-то неизвестное измерение. Что со мной случилось?» Я не знал. И каким образом через все это вместе со мной прошел бинокль? Чем больше я думаю об этом, тем больше вижу, какие мы все маленькие, сколько всего еще не знаем, сколько нам предстоит познать. Если радиоприемник подкачичит к слишком мощному источнику тока, он перегорит. Точно так же обстоит дело и с нашими мозгами. Если мы вдруг сразу узнаем слишком много, то можем сойти с ума. Поэтому я, может быть, даже не хочу ничего знать. Пусть лучше все идет своим чередом.

А тем временем загадочные явления продолжают. И пока не находят разумного объяснения. Но все, что происходит

со мной, я стараюсь строго и четко документировать и подтверждать показаниями очевидцев для того, чтобы самые неисправимые скептики не могли опровергнуть их достоверность. Когда все будет суммировано, может быть, мы и получим ответы на какие-то свои вопросы. А пока знаю только то, что эти вещи регулярно напоминают мне о существовании высших разумов, как бы осуществляя связь с ними. Моя теория заключается в том, что энергии, проходящие через меня, исходят от какого-то высшего космического разума. Здесь я не говорю о Боге, а имею в виду какие-то мощные силы, которые существуют под Богом. Хотя все это, конечно, звучит весьма туманно и расплывчато, и, честно говоря, сам не всегда понимаю, как все эти вещи происходят со мной или через меня. Мне кажется, что очень важно всему миру узнать про эти разумы, потому что они существуют и еще не раз проявят себя, даже если на это уйдет очень много времени. Есть, конечно, и другой подход — скрывать все непонятное, стараясь держать в большом секрете. Но этот путь не по мне. Я хочу все выложить на стол, потому что убежден в том, что эти силы будут работать только на благо человечества, а не во вред ему.

Я чувствую, что мои мысли все чаще возвращаются в тот арабский садик в Тель-Авиве, к тому, что произошло со мной много лет назад.

Я не сомневаюсь в существовании Бога и в его могуществе.

Я чувствую, что под Божьей волей существуют неизвестные разумы, которые бесконечно величественнее, чем наши.

Я уверен в том, что здесь, на земле, есть люди, обладающие потрясающей силой, которые просто о ней не догадываются.

И еще, я считаю, что у каждого из нас есть шанс получить какое-то удивительное послание. То, что произошло и происходит со мной, может произойти и с вами.

*Перевод с английского
Владимира Галстога*

Главы из книги Ури Геллера «Секреты успеха» начинаем публиковать с № 1 будущего года.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ

СПИД: что о нем думает профессор Мак-Иов Риго

Как показывает почта, читателей все больше волнует проблема СПИДа. Специалисты предрекают, что в ближайшие 2—3 года нашему населению СПИДом будет нанесен колоссальной силы удар. Похоже, средства массовой информации смогли убедить, что так оно и случится. Поэтому в письмах все чаще встречается вопрос: «Что по этому поводу думает профессор Риго? Есть ли у него какие-либо рекомендации?» наших читателей можно понять — ведь уроки профессора пользуются огромным успехом. У каждого, кто точно выполняет его предписания, лечоба получается быстро и радикально. Естественно, что у его поклонников и заочных учеников сложилось убеждение, что для такого великого мастера (который даже рак не считает роковым) и СПИД должен быть не оборимым противником, а просто болезнью — обычной в ряду других. Ну, может, не совсем обычной, и все-таки...

Вопрос нам понравился. Мы живо вспомнили, что еще пару лет назад он вызывал у большинства из нас разве что досужее любопытство. Мы знали, что это болезнь наркоманов и гомосексов; так пусть они и беспокоятся; а нам-то что? — мы не колемся, и проблемы секса (даже неловко такую простую вещь возводить в разряд проблем; написали по привычке — и менять не хочется; ведь и для вас этот стереотип означает ту же гамму, что и для нас, значит, вы нас сразу и правильно поймете) успешно решаем в обоюдном интересе и согласии с особами противоположного пола.

Но в последнее время без видимых причин ситуация вдруг резко обострилась. Не в нашей жизни (мы не стали другими), но в нашем сознании: мы все затрепетали перед СПИДом. И если прежде нас запугивали случайными связями, затем — случайным равнодушием, безграмотностью и ничтожной нашей медициной, то теперь вдруг выяснилось, что против дома нет приема, и от СПИДа практически не застрахован никто. Нигде. Пото-

му что он в любой момент и в самой безобидной ситуации может настичь каждого из нас, как непорочное зачатие.

Признаемся: мы зашевелились задолго до того, как читатели стали доминать нас статьями, и, преодолев такой всем знакомый скепсис по отношению к официальной медицине, проштудировали годовые подшивки специализированных журналов, бюллетеней и вестников; изучили и все статьи специалистов. И пришли к неутешительному выводу: никто из них ничего толком не знает. Как же быть? Как жить под занесенным мечом судьбы, если он над головой, а ты понятия не имеешь, что может стать причиной удара?

Повод для звонка профессору искать не пришлось: мы получили дискету с очередным уроком — как лечить остеохондроз, — и позвонили в его парижский офис. Наше счастье, он оказался на месте. Несколько слов благодарности — и сразу вопрос:

— Профессор, что вы думаете о СПИДе?

— Ничего не думаю.

— Как же так? В мире — пандемия...

— Вселенские проблемы давайте оставим политикам и администраторам. Наша же работа — конкретный человек.

— Независимо от того, чем он болен?

— Разумеется.

— Значит, вы считаете, что СПИД излечим?

— Как и любая другая болезнь.

— А избежать его можно?

— Несомненно.

Только тут мы сообразили, что плохо подготовились к разговору. Зная профессора, его ответы мы могли бы и предвидеть.

Чего мы желали меньше всего, так это выглядеть в глазах Риго пошлыми. А дело шло к тому: наши вопросы не тянули глубже банальностей из вечерней газеты.

Нужно было срочно спасти свою репутацию. Счет шел на мгновения. Мы перегалялись. Нас было пятеро (гл. редактор и сотрудники отдела), мы знали друг друга много лет и понимали друг друга без слов.

— Если бы СПИД не пришел сам, его бы наслал на нас

Господь, — меланхолично сказал наш спиноза Сережа Панин.

— Великолепно! — с ходу подхватил наш главный редактор и повернулся к толмачу. — Переводи: считает ли профессор, что появление СПИДа закономерно? что просто человечество созрело до очередной смертоносной пандемии, и если бы не СПИД, нашлась бы еще какая-нибудь напасть, не менее зубастая?

— Вот именно! — темпераментно воскликнул на том конце провода Риго. — Дело не в СПИДе — дело в нас самих.

С тех пор, как существует медицина, человечество лишь тем и занято, что старается перехитрить или поправить природу. Долго такие штуки не могут сходить с рук. Мы уже договорились с вами: за все нужно платить. И лучше платить своевременно, а то набегут проценты — без штанов останемся.

Как вы догадались, друзья, я имею в виду три вещи: 1) плохую наследственность, 2) хромосомные нарушения, 3) энергетические нарушения, а если сказать точнее — катастрофические потери энергии, которые приводят данного конкретного человека к тяжелой форме хронического заболевания.

Природа спасает вид механизмом естественного отбора. Продолжать род должно самое энергичное, самое удачное, самое живучее. Любой дефект пресекается; если не сразу, то через поколение, через два или три, но веточка, содержащая дефект, засыхает. А что делает человек? Из-за гормональных нарушений данная женщина не может забеременеть (природа «знает», что она — как попытка — не удалась), — так всю науку ставят на уши, исколлит бедолагу, напицают химией, создадут в ней искусственную среду, но своего добьются — оплодотворят! А потом всеми правдами и неправдами поддерживают в ней хлипкое равновесие — пока не родит. Эти умельцы утверждают, что помогли произвести полноценного человека, а я вас хочу спросить: чем он отличается от гомункула из реторты? Он живой? Безусловно. Жизнеспособен? Ничуть. Но

женщина удовлетворила свой детородный инстинкт — и счастлива; в данный момент — счастлива, поскольку пока не подозревает, сколько физических и нравственных мук принесет ей это выстраданное, долгожданное и совершенно нежизнеспособное чудо. Мук — вместе с счастьем, которое несет с собой естественное, полноценное материнство...

И наука гордится собой: ишь, чего сумели! Ученые удовлетворили любопытство, а до последствий им дела мало. Если б они задумались и были бы честны, они бы признали, что помогли родить «нежить» и уroda, который будет мучить с помощью таких же, как они, новых «нежитей» и уродов...

— Момент, профессор, — вклинился наш редактор. — А какое отношение все это имеет к СПИДУ?

— Самое непосредственное. Мораль простая: поощрять деторождение нужно лишь у здоровых женщин. Если же об этом мечтает больная, сначала вылечите ее!

Та же самая история и с хромосомными нарушениями. К сожалению, наука перед нами пока бессильна. Но покажите мне того специалиста, который бы сказал человеку: не бери грех на душу, не вваливай на себя непосильный груз, который раздвиг твою жизнь, а спасись позволит только ценой безнравственных поступков.

Наконец, самый распространенный случай, когда зачатие происходит во время болезни или сразу после нее (о возбудителю алкогольного или наркотического дурмана уже столько говорилось, что и я их только упомяну). Например, почему опасен «обыкновенный», банальный грипп? Он настолько энергетически опустошает организм, что тот оказывается беспомощным перед любой инфекцией. Отсюда — тяжелейшие осложнения. Так неужто детородная функция при этом не ослабляется? И вы полагаете, что в яйцеклетку ослабленного организма будет вложен такой же энергетический заряд, как и в яйцеклетку здорового? То-то и оно! А это означает, что энергия генотипа и плода, и новорож-

денного будет заводом ниже, чем у его более счастливых на родителей сверстников. Представитель? — Он еще не родился, а его шансы уже значительно меньше, чем у них. Меньше во всем. Потому что он будет быстрее уставать, больше болеть, меньше видеть, чувствовать и понимать. Еще не родившись, он уже обречен хитрить, ловчить, обманывать — иначе ему не уйти со вторых ролей. И самое ужасное в этой ситуации, что она неисправима. Как бы мудро он ни жил, как бы громко ни действовал, пытаюсь исправить ситуацию, — ему ничто не поможет. Потому что толчок энергетики, заложенный в генотип, не в нашей власти поднять выше.

Не сомневайтесь, друзья, что теперь это рассуждение вам вполне по силам довести до конца.

— Если мы вас правильно поняли, профессор, СПИД — это не слепой меч, а как бы сито природы? Все, что соответствует норме, — задерживается в нем, все, что не соответствует, — проваливается...

— Образ удачный, — похвалил Риго. — В своих каждодневных трудах природа производит немало брака. Что-то гаснет и засыхает вроде бы само (а на самом деле — из-за того, что не поспевает за темпом жизни и спотыкается уже на малых препятствиях), а что-то оказывается живучим, цепким. Не настолько живучим, чтобы претендовать на первые роли, но достаточно — чтобы испортить звучание хора. Поэтому время от времени природа прибегает к сильнодействующим средствам. Прежде роль такого сита выполняла, скажем, чума. Потом — холера. Когда человек найдет противояс СПИДУ, природа достанет из своей кладовки очередное сито.

«Благословенная чума» — все одновременно вспомнили мы строку из классики.

— Благословенный СПИД — не слышком ли экстравагантно, профессор?

— А вы предпочитаете банальность?

Нам стало стыдно, но в демагогии любой из нас был докой — и мы попытались отвести удар:

— Мы полагали, профессор,

что есть вещи очевидные...

— Очевидность — это оправдание и аргумент для тех, кто не имеет энергии и мужества, чтобы увидеть предмет таким, каков он есть на самом деле. Как и любая болезнь — тот же грипп или рак — СПИД и не хорош и не плох. Он — объективная реальность, которая возникает в определенных обстоятельствах. Значит, нужно так построить свои личные обстоятельства, чтобы чудовище вас не заметило.

— Именно личные обстоятельства? Не общественные?

— Конечно. Ведь не все же болеют СПИДОМ — болеют отдельные люди. Далеко не каждый. Другое дело, что когда эти единички складываются, получают цифры, которые способны произвести впечатление на кого угодно. И все равно нужно помнить, что каждый случай — частный, личный. Встречаются данный человек — и СПИД. И кто сильнее, тот и берет верх.

— Следовательно, в одной и той же ситуации один человек заболит и неминуемо умрет, другой — переболеет более или менее тяжело, а третий даже не заметит атаки смертоносного вируса?

— Вы уже ориентируетесь в ситуации.

— Значит, жребий не слепой? И какую спичку — одну из трех — человек вытянет, — зависит только от его энергии?

— В конечном счете все сводится к этому.

— А как же дезинфекция? Одноразовые шприцы? Как же древнее правило «береженого Бог бережет»?

— Я не понимаю, молодые люди, вашего хода мыслей. — В голосе Риго мы явственно услышали досадную для нас смесь раздражения с разочарованием. — Я надеюсь, каждый из вас чистит зубы и моет руки с мылом несколько раз на день. Это само собой разумеется. Тем не менее некоторые из вас болеют, и болезни приходят именно этими путями. Значит ли это, что можно перестать мыть руки?

Мы поняли, что о проблеме одноразовых шприцев, которой живет наша страна, Риго даже не подозревает. Он даже не представляет, что можно поль-

зоваться какими-то иными, допотопными средствами.

— То есть, беречься все-таки нужно?

— А как же! Беречься хотя бы для того, чтобы выиграть время и собраться с силами, накопить энергию, и когда СПИД постучит в вашу дверь, ответить ему: проваливай-ка, братец, не теряй времени — эту дверь тебе не открыть.

— А чем вы объясните, что СПИД в первую очередь стал косить наркоманов?

— Да тем же! Ведь наркоманом становится не всякий. Наркотик — это средство, чтобы компенсировать нечто, недополученное у жизни. Нормальный, энергетически полноценный человек никогда не станет наркоманом: действуя, он вполне удовлетворяет все свои запросы, все свои потребности. Следовательно, тяга к наркотику — это клеймо: в организме что-то не так. И употребление наркотика — компенсация эту неполноценность — снимает потребность действовать, барахтаться, бороться. И тем усугубляет ситуацию: человек начинает терять даже те жалкие запасы энергии, что у него были. Его дверь открыта СПИДУ настежь, и как бы он ни берегся, ничто его не спасет. Посудите сами: если бы все дело было в дезинфекции — одноразовые шприцы стали бы для них панацеей. Ведь они же не сумасшедшие. Пусть в тумане, в мареве, но они же хотят еще пожить! Но уж как они ни ухитряются, СПИД бьет их без промаха.

— Вы хотите сказать, что все наркоманы обречены?

— Я не думал об этом. Но скорее всего так оно и будет.

— А как узнать, кто из нас уязвим? у кого есть дефекты?

— Те, кто регулярно болеет, тем более хроники, должны знать, что они находятся в зоне риска.

— И что же?

— Пусть переменяет образ жизни. Для них сегодня каждый день идет в счет.

— А кому можно не тревожиться о своей судьбе?

— «Береженого Бог бережет» — это ваши слова, молодые люди. Девиз правильный. Беречься должен каждый. Но в любой борьбе наилучшая за-

щита — это нападение. Ваше нападение — это накопление энергии, накопление здоровья. Тогда все ваши системы (в том числе и иммунная) будут в порядке, и СПИД обойдет ваш дом, даже не постучав.

— У меня есть для Риго вопрос на засыпку, — сказал Петр Плиев, и, когда наш редактор ему кивнул, он повернулся к толмачу: — Переводи. У нас в журнале публикуется исследование о таланте. Так вот, там утверждается, что наш энергопотенциал может быть трех качественных уровней: 1) эмоций, 2) чувств и 3) интуиции. Уровень эмоций — это диапазон, в котором находятся люди с неполноценным развитием, задушенные в детстве неправильным воспитанием и болезнями...

— Не продолжайте! — перебил Риго. — Все понял. Прекрасная идея. Уровень эмоций, уровень чувств, уровень интуиции... как бы ступени нарастания творческой потенции... Отлично! Чем выше качество энергии — тем выше творческий потенциал. То есть, творческая потенция является своеобразным мериллом здоровья...

— Нет, профессор, не потенция, — совсем осмелев Плиев. — Творческая активность. Потому что о потенции можно судить лишь тогда, когда она реализуется.

— Bravo! — ликовав в своем парижском офисе Риго. — Мне стыдно, что я не сообразил это сразу. Тем не менее это всего лишь следствие. А главная идея: чем выше творческая активность — тем выше защищенность организма от любой напасти. В том числе и от СПИДа. Гениальных людей — если они вели разумный образ жизни — всегда отличало удивительное здоровье. Не правда ли — вашим молодым читателям есть о чем подумать?..

Сколь много здесь истины — судить не нам. Мы оставляем на совести Риго его своеобразный взгляд на СПИД. Мы только выполнили пожелание читателей и постарались быть предельно точными в изложении мыслей знаменитого профессора.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАСПАДА «БИТЛЗ»

BEATLES

«Пусть будет так»

...Поу Маккартни с его фантастической преданностью битловским идеалам удалось уговорить коллег на еще один совместный проект. Весь июль и первые дни августа 1969 года битлы в последний раз были захвачены общим делом. Их обычные теперь размоковки на время отошли в тень, уступив место прежнему творческому энтузиазму. Итог работы, получивший название «Abbey Road», появился на музыкальном рынке через три месяца. Альбом украсила цветная фотография Джейна Макмиалана, ставшая впоследствии знаменитой: четверка музыкантов переходит улицу, направляясь к студии, откуда их песни уже седьмой год разлетались по всему миру.

Выход «Abbey Road» представляла мощная рекламная кампания нового менеджера «Битлз» Аллена Клейна, побившая все предыдущие рекорды. За первый же год продано пять миллионов экземпляров альбома. Имевшая до этого наибольший успех пластинка «Sergeant Pepper's Lonely Club Hearts Band» за то же время разошлась лишь трехмиллионным тиражом. По сей день «Abbey Road» остается самым популярным у «Битлз»; его тираж превысил 10 миллионов.

В этом альбоме «Битлз» в последний раз удивили поклонников неожиданной выходкой. Была ли это дань английской традиции, согласно которой музыкальные произведения, рассчитанные на публичное исполнение, завершаются гимном в честь королевы, или эта идея пришла им случайно — как бы то ни было, но после необычно долгой восемнадцатисекундной паузы (стандартная пауза между песнями на долгоиграющих дисках длится 5 секунд) слово вновь взяла Пол Маккартни. Под незатейливый

аккомпанемент гитары он выпалил, что Ее Величество — классная девчонка, и он давно собирался сказать, что от нее без ума. Таким весьма своеобразным, типично битловским способом члены группы засвидетельствовали свое почтение, на что королевский двор отреагировал учтивой письменной благодарностью.

Музыка, записанная на дорожках альбома, несомненно, еще долгие годы будет восхищать поклонников группы. Но радость самих музыкантов от отлично выполненной работы длилась не дольше того времени, которое они в последний раз провели в студии вместе. Сразу после этого Джон с голым ушел в проекты, связанные с созданием собственной группы «Plastic Ono Band». В сентябре 1969 года он представил ее — говорят, без единой репетиции — двадцатипятилетней толпе, собравшейся на стадионе «Весити» в Торонто на местном рок-фестивале.

Единственным, кто в то время связывал свою дальнейшую судьбу с «Битлз», был Маккартни. Он загорелся идеей возобновить совместные концертные выступления. По его планам, группа сначала могла бы дать несколько неанонсированных концертов в небольших клубах вне Лондона. После возвращения Леннона из Канады Джон встретился с партнерами в Сэвил Роу, где находилась фирма грамзаписи «Apple Corps». Харрисон, прежде отрицательно относившийся к этой идее, теперь колебался. Ринго Стару планы Пола пришлось по душе, и он согласился. Но Леннон оказался на удивление неговорчивым и отвергал все варианты один за другим: «Благодарю. Я в этом участвовать не намерен» или еще лаконичнее: «Это не интересно!» Рас-

тернейши Пол, желая напомнить Джону о прежних узак, когда-то связывавших четверку, задал ему риторический вопрос:

— Но ведь мы все-таки еще «Битлз». Разве не так?

— Иди ты к черту! — отрезал Джон, давно уже не разделявший битловской философии. — Я не битл.

Разумеется, столь бурные дебаты в Сэвил Роу до поры до времени оставались тайной для широкой публики. Маккартни надеялся, что Джон сам не принимает свои слова всерьез. Тем временем Леннон с Йоко Оно отправились в Грецию и почти две недели плавали по Средиземному морю на яхте, которую Джон нанял вместе с экипажем. В Лондон он вернулся лишь в октябре, чтобы вместе с музыкантами из Торонто сделать студийный вариант автобиографической песни «Gold Turkey». В песне говорилось об ощущениях, которые испытывает наркоман во время лечения, и Би-Би-Си запретила передавать ее в эфир. Раздосадованный Джон был убежден, что именно из-за этого запрета песня заняла лишь тринадцатое место в английском хит-параде «Поп-Твинти». Но и в США, в знаменитом списке журнала «Билборд» она не поднялась выше тридцатой позиции. Авторы книги о «Битлз» Питер Браун и Стивен Гейнс писали по этому поводу: «Парадокс в том, что, хотя «Gold Turkey», быть может, не слишком удачна в музыкальном отношении, а ее тема мало подходит для шлягера, эта песня стала еще одним свидетельством смелости и честности Леннона, стремления сделать творчество отражением собственной жизни, что присуще художнику или писателю».

Леннон и Йоко Оно в это время выражали свои убеждения не только в музыке, но, прежде всего, в ходе их продолжающейся кампании за мир. Над планетой еще витала страшная тень Вьетнама, когда газетные страницы стали заполняться репортажами из восточной Нигерии, где с 1967 года шла братоубийственная гражданская война. Сообщения о льющейся крови и миллионах голодающих укрепляли Леннона в мысли о том, что он дол-

жен публично заявить о несогласии с политикой британского правительства, поставлявшего оружие сепаратистам.

Если раньше газетные сообщения давали Леннону толчок для создания песен, то на этот раз он выразил свою позицию иным, весьма недвусмысленным способом: вернул в Букингемский дворец Орден Британской империи, полученный четыре года назад из рук королевы, приложив к нему письмо следующего содержания:

«Ее Высочеству. Возвращаю этот Орден в знак протеста против участия Британии в нигерийском конфликте, против нашей поддержки Америки во Вьетнаме и против помещения «Gold Turkey» в списках хит-парадов. С любовью Джон Леннон».

Перед Рождеством в двенадцати крупнейших городах мира на домах появились белые рекламные плакаты в несколько метров высотой с надписью: «ВОЙНА ОКОНЧЕНА! СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА. ДЖОН И ЙОКО». В Монреале, встретившись с премьер-министром Канады Пьером Трюдо, Леннон и Йоко Оно рассказали ему о своей кампании за всеобщий мир, в рамках которой призвали объявить наступающий 1970 год «первым годом мира».

Хотя окончательная судьба «Битлз» еще не была решена, остальные члены группы также готовились к началу самостоятельного пути. Еще перед Рождеством Джордж Харрисон неожиданно появился на концертных сценах на севере Англии в программе американского супружеского дуэта «Делани энд Бони». У него в то время уже было подготовлено несколько композиций для сольного дебюта. Ринго Старр заказал известным композиторам аранжировку знаменитых шлягеров для своего будущего альбома. Наконец, в январе 1970 года занялся самостоятельными проектами и Пол Маккартни, живший в тиши и одиночестве на своей ферме в Шотландии.

Тем временем Леннон записал с группой «Plastic Ono Band» новый сингл с песней «Instant Karma» и композицией Йоко «Who Has Seen The Winds». Аранжировку пластинки, а также прошлых лет, еще не обра-

ботанных записей «Битлз» он доверил американскому «кудеснику звука» Филу Спектору.

Два месяца спустя Пол, вернувшись из Шотландии и сыграв отрывок из спекторовской аранжировки будущего альбома «Let It Be», пришел в негодование. «Зачем на пластинке «Битлз» понадобилось записывать женский хор?» — возмутился он «удушенным» звучанием песни «Long And Winding Road». Маккартни попытался добиться от Спектора, чтобы из окончательного варианта альбома были изъяты все поправки, но получил от того лаконичное известие, что штамповка пластинок начата.

Если это сообщение было, что называется, «для служебного пользования», то ответ Пола, с которым он ознакомили журналисты 10 апреля 1970 года, моментально стал для всех мировых агентств новостью номер один. На следующее утро в «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Маккартни разошелся с «Битлз» появилась большая статья Элвина Шустера, в которой приводились слова Пола, назвавшего среди причин его выхода из состава группы «различные во взглядах на коммерцию и музыку, но главным образом желание уделять больше времени семье». Статья заканчивалась осторожным упоминанием Йоко Оно: «По некоторым слухам, мистер Маккартни и остальные битлы были недовольны все более увеличивающимся влиянием супруги мистера Леннона и не желали прихода пятого битла».

То, что у Шустера имело характер сдержанного замечания, в последующие дни проходило красной нитью во всех сообщениях о распаде группы.

Хотя бывшие «Битлз» в первые дни и воздержались от собственных комментариев, тем яростнее была та бессмысленная война, которая вспыхнула между ними позднее. В ход были пущены десятки интервью со взаимными обвинениями, язвительные выпады друг против друга в текстах песен и бесконечное число судебных разбирательств, в которых участвовала целая армия юристов.

Из книги А. Матцнера «Битлз». Рассказ об одном поколении».

Перевод Виктора Прусакова

Спонсор конкурса
Международный эколого-
рекреационный
консорциум «Эрконтс»

В какой из нижеперечисленных стран Западной Европы все еще сохраняется база американских ядерных подводных лодок?

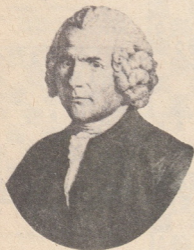
1. Дания
2. Испания
3. Шотландия

В 1986 году парламент небольшой западноевропейской страны, столкнувшийся с необходимостью сократить внешнеторговый дефицит, принял пакет законов, получивший название «курс лечения картофелем».

Парламент какой страны?

1. Бельгия
2. Дания
3. Ирландия

Один из трансевропейских экспрессов носит имя Стендала.

Определите маршрут этого поезда.

1. Париж — Милан
2. Париж — Рим
3. Париж — Венеция

Эту площадь Виктор Гюго назвал гигантской, а Жан Кокто сравнил с богатой театральной постановкой. Что это за площадь и в каком городе она находится?

1. Гранд-плас (Брюссель)
2. Пикадилли (Лондон)
3. Площадь Святого Марка (Венеция)

Фамилия _____
Имя _____
Возраст _____
Адрес _____

Все лишнее вычеркнуть
Не опаздывайте с ответами. Последний срок —
15 октября

Под редакцией
Анатолия Карпова

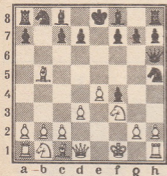
Не расставляя фигур

Мы сейчас разыграем партию, которая подавляющему большинству любителей шахмат известна. Но это выдающееся произведение столь прекрасно, что всякий раз, будучи воспроизведенным, доставляет эстетическое наслаждение. В историю Игры партия вошла под названием «Бессмертная».

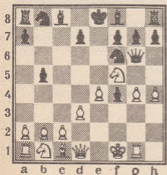
А. АНДЕРСЕН —
Л. КИЗЕРИЦКИЙ
Лондон, 1851 г.

Королевский гамбит

1. e4 e5 2. f4 ef 3. Cc4 Фh4+
(сильнейший ответ за черных —
3...Кf6 — был указан еще в
XVII веке итальянцем Сальвио)
4. Kрf1 b5 5. C:b5 Kf6 6. Kf3
Фh6 7. d3 Kh5.

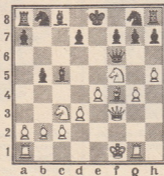

8. Kh4 Фg5 9. Kf5 c6 10. g4! Kf6
11. Ag1 cb 12. h4 Фg6.

13. h5 Фg5 14. Фf3 Kg8 15.
C:f4 Фf6 16. Kc3 Cc5? (После
этого неудачного хода — лучше

было 16...Cb7 — белые могли
выиграть просто: 17. d4 C:d4
18. Kd5, но...).

17. Kd5 Ф:b2 18. Cd6! Ф:a1+
19. Kрe2 C:g1? (Нет, не надо
было брать вторую ладью. Куда
сильнее 19...Фb2!)

20. e5! Ka6 21. K:g7+ Kрd8.

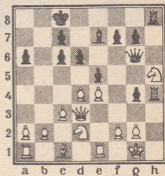

22. Фf6+! K:f6 23. Ce7×.

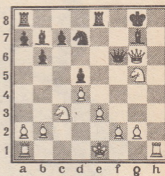
Не скупимся, жертвуем!

В двух предыдущих номерах мы
приводили позиции, где жерт-
вовались кони и слоны. Настала
очередь ладей, тем более что
эта тема начата в приведенной
рядом «Бессмертной».

КРЕМЕНЕЦКИЙ — ВОРОТНИКОВ

1...Лh1+! 2. Kр:h1 Ф:h5+, и
белые должны отдать ферзя,
чтобы отвести угрозу мата.
МАРШАЛЛА — БЕРН.

1. Лh8+! Черные сдались.

Решение конкурсного задания
№ 11 (предложенная в апреле
задача А. Попандопуло): 1. Kh4
Cd5 2. Ah3+ Kpg1 3. Ch2+
Kph1 4. Ce7+! Kpg1 5. Ke3 bc
6. Ch2+ Kph1 7. Ce5+! Kpg1
8. Ce4 C:e4 9. Ch2+ Kph1 10.
Cf4+ Kpg1 11. C:e3×.

ИЗ ДОСЬЕ «Ст. М.»

Брюс Ли: западные мотивы китайского мифа

Интерес к восточной культуре время от времени мощной волной накатывает на западную почву. Одни относятся к этому феномену с тихим восхищением и поклонением, другие резко протестуют против «засилия чуждой культуры и низведения собственных ценностей». Но зачастую такое явление оказывается намного глубже.

То, что мы называем кунфу, по-китайски звучит как гунфу и переводится — высшее мастерство, подвижность. В ряде традиционных китайских

философских систем под гунфу подразумевался момент «прозрения собственной природы» человека, достигнутый долгой медитацией и самосовершен-

ствованием. Параллельно с гунфу для обозначения боевых искусств в Китае с III века употребляется термин ушу. Истинное ушу всегда преподавалось в полузакрытых школах и фактически означало не обучение какой-то технике, но передачу духовной традиции от мастера к ученику путем непосредственного общения. Собственно, школа никогда не объединяла больше 5—6 человек. Остальные же занимались только техникой борьбы и не посвящались в тайны. Знания всегда передавались лишь избранным, поэтому человек, открывший широкое преподавание «на публику», вызывал обычно недоверие. Кстати, долгое время в Китае преподавание ушу считалось самым невыгодным делом, не приносящим никаких денежных доходов.

Западное же кунфу пред-

ставляло собой несколько нелепую имитацию китайского искусства и ограничивалось странными и надуманными «позициями», носящими экзотические названия. Но однажды на экранах кинотеатров появился фильм «Большой Босс», и Америка узнала имя Брюса Ли. Ряд кинолент, последовавших за этим, не только сделала из Брюса Ли человека-легенду, человека-загадку, но и перевернула представление о китайских боевых искусствах.

Брюс Ли родился 27 ноября 1940 года во время поездки родителей, актеров традиционного китайского театра, по США, поэтому Ли Чженьфань (таково китайское имя Брюса Ли) получил автоматически американское гражданство, хотя провел большую часть жизни в Гонконге. В юности он сыграл в нескольких кинолентах местной киностудии, в основном серых и неинтересных. Однако именно тогда Ли получил первые уроки ушу. На студии преподавалось сценическое движение, обязательными элементами которого были стойки, передвижения и удары, заимствованные из арсенала этой борьбы. Вскоре родители отдали Брюса в обучение к восьмому патриарху стиля юнчунь («Вечная весна») И Ваню, чье имя на местном диалекте звучало как Ип Мэн. Стиль его был необычен тем, что не включал мощных акцентированных ударов, а основывался на «прилипанию» к конечностям соперника таким образом, что тот не мог атаковать. По легенде, он был разработан в XVIII веке одной монашкой с юга Китая, которая решила создать стиль, приемлемый для тех, кто не обладает большими физическими способностями — женщин, стариков, детей. Стиль юнчунь вырабатывал сверхъестественное чутье бойца, способного проводить поединки даже с завязанными глазами. Но Брюсу не удалось полностью постигнуть его, так как И Вань обучал лишь чистокровных китайцев, у юности же мать была филиппинкой. Однако именно в этой школе Брюс понимает, что за ярким каскадом приемов, стремительными передвижениями и ударами по болевым точкам скрыт

некий уровень ушу, о котором невозможно рассказать словами, но который постигается лишь в результате длительных и продуманных занятий. Брюс не успевает закончить обучение ушу — по решению родителей он едет в Калифорнию, где получает западное образование.

Вскоре после приезда в США он открывает в одном из подземных гаражей секцию кунфу. Тогда еще у той системы, которую преподавал Брюс Ли, не было никакого самоназвания, впрочем, это не особенно и интересовало занимавшихся. Брюс много рассказывал о китайской философии, о легендах, окружающих боевые искусства. Рассказывал как умел — искренне, но не очень правильно. Взгляды Брюса формировались под воздействием трех философских течений, на что он и сам указывал: даосизма, дзэнбуддизма и трактатов Кришнамурти. Примечательно, что Брюс познакомился с этими течениями по английским источникам, в которых было немало искажений. Однако молодой человек стремился собрать все лучшее воедино, будь то философия или боевые искусства.

Вскоре Брюс объявил, что на основе многих видов единоборств, в том числе и европейского бокса, создал принципиально новый вид боевых искусств — «Путь опережающего кулака» — цайцюаньдао, или джиткундо на кантонском наречии. В чем же заключалось новшество этой системы? Прежде всего Брюс исключил из нее основу основ обучения традиционному ушу — комплекс формальных упражнений (таоу), посчитав их лишь неразумной имитацией боя. Впрочем, Брюс отказался от каких бы то ни было рассуждений об «основе» нового стиля, сообщив, что «цайцюаньдао — это лишь название, истинная школа боевых искусств заключена в свободном творчестве самого бойца, в глубинах его души. Лозунгом стиля стало — «Не иметь никакого метода в качестве метода», не иметь «Пути в качестве Пути». Вот и все! Парадоксально и предельно просто, если бы не одно «но»: ученикам Брюса нужна была система обучения, и то, что было понятно мастеру,—

естественность в построении поединка, свободный полет мысли — не сразу постигались учениками. Поэтому Брюс вынужден был ввести конкретные «приемы» и даже определенные комбинации, вероятно, согласившись в душе, что традиционная система обучения имела под собой реальную основу, проверенную временем. Брюс ввел в новый стиль много ударов ногами, а в качестве ключевого момента рассматривал не сложные комбинации и хитроумные финты, но скорость одиночного удара и стремительность передвижения. Сам мастер любил поражать учеников своей реакцией. Иногда он прodelывал такой фокус: давал ученику монету и говорил: «Положи ее на ладонь. Как только я протяну руку, чтобы схватить монету, сразу же сожми кулак». Брюс выбрасывал руку с такой скоростью, что ученик сжимал уже пустую ладонь! Во время показательных выступлений на одном из турниров по каратэ, проводимых поклонником Брюса Эдом Паркером, он поставил на расстоянии трех шагов от себя одного из обладателей черного пояса по каратэ, предложив ему попробовать поймать один из десяти бесконтактных ударов в лицо. Ни один удар не был отражен!

Действительно, мастерство Брюса Ли было великолепно, но долгое время он оставался незамеченным в США, а его школа влачила жалкое существование, так как катастрофически не хватало денег на ее содержание. Наконец, Брюс решился попробовать свои силы в американском кино. К нему отнеслись со снисходительной усмешкой: ну разве же можно с таким сильным акцентом и невысоким ростом (1 м 62 см) сниматься рядом со знаменитыми американскими кинозвездами! Отказ был величавый, но решительный. И все же на одной из последних кинопроб Брюсу повезло. Режиссер, зная его увлечение боевыми искусствами, попросил продемонстрировать что-нибудь. Первую свою кинодемонстрацию Брюс провел прямо в лиджке, жилетке, в ботинках на высоких каблуках. Он подозвал к себе одного из операторов и показал на нем несколько бы-

стрых ударов, затем продемонстрировал, как передвигаются мелкими шажками актеры в пекинской драме, чем окончательно покорила режиссера. Не все шло гладко в кинематографической карьере Брюса, а в 1970 году произошел даже крупный разрыв с компаниями, после которого мастер возвратился в Гонконг и последний раз в жизни видел своего учителя И Вэня, который умрет в 1972 году. Утверждают, что И Вэнь предупреждал Брюса о том, что тот слишком тенденциозно и рекламно представляет ушу западной публике...

В США Брюс возвращается с новыми силами. Выходят его суперленты «Кулак ярости», «Возвращение дракона», «Ярость дракона», где демонстрируется не ушу, погруженное в философские рассуждения, а яростный, стремительно разворачивающийся бой, занимающий большую часть экранного времени. Брюс понима-

ет, что смысл ушу не в этом, но он пленник обстоятельств. Западная публика, столь много и путано рассуждающая о китайской философии, по существу, не желает досконально знать ее тонкости. Это требует большого времени и немалых душевных усилий. Насколько проще прочитать пару книг о том, что «боевые искусства неразрывно связаны с философией Востока», услышать о том, что «основой кунфу является переход двух начал: Инь — темного и Янь — светлого». В большинстве случаев (пусть этот не покажется парадоксальным!) мало кто желает искренне изучать ушу во всей его глубине и потенциальной неопределенности конечной цели. Для поклонников модного увлечения важно лишь имитировать его внешнюю сторону, к тому же для неискушенного собеседника и зрителя это незаметно.

Брюс Ли, являясь носителем китайской традиции, вероятно,

понимал это стремление к упрощению. Перед ним было два пути. Один — методично и тщательно излагать основы древнего искусства во всем его многообразии и сложности, растолковывая понятия, непривычные для западной публики. Другой — показать ярко, захватывающее зрелище, включив в него несколько глубокомысленных фраз о том, что ушу должно служить лишь гуманной идее. Брюс выбирает второй путь. На экран выходит его новый фильм, на первых сеансах которого публика буквально стояла и взрывалась аплодисментами — «Выход дракона» (во Франции фильм шел под названием «Остров дракона»). Это был действительно каскад великолепных трюков, все сцены поединков, поставленные самим Брюсом, носили реалистичный и в то же время эстетичный характер. Вместе с Брюсом в фильме снимались звезды американского кинематографа и боевых искусств: Джим Келли, Джон Сэксон, Боб Воли и другие. Скорость исполнения Брюсом ударов была такова, что многие сцены пришлось переснимать, так как операторы не успевали поймать момент. На съемках фильма Брюс был легко ранен — выбивая горлышко бутылки из рук злодея и убийцы О'Хары, которого играл каратист Боб Воли, Брюс рассек себе ногу. Но и это не задержало ни на час съемки. Брюс, казалось бы, чувствовал, что его стремительный взлет не может продолжаться долго...

В мае 1973 года вся съемочная бригада выехала в Гонконг для постановки нового фильма «Игра смерти», который, по замыслу Брюса Ли, должен был стать парадом всех боевых искусств мира — каратэ, ушу, дзюдо, кали, айкидо, бокса. Брюс готовился к этому фильму не один год, собирая технику различных единоборств. Так, он часами просматривал бои Мохаммеда Али в зеркальном изображении, так как сам Брюс работал в правосторонней стойке. Записи мастера по различным видам боевых искусств составили шесть больших томов, из которых пока издан лишь один. Брюс неоднократно откладывал

начало съемок, считая, что еще недостаточно подготовлен. И вот наступило 20 июня. Отснята 28-я минута боевых сцен. Брюс приходит на квартиру к своей партнерше по фильму Бэтти Тингэй и просит дать ему таблетку от головной боли. Бэтти удивлена, так как Брюс никогда не пил лекарств. Брюс спокойно засыпает, но через несколько минут у него начинаются судороги. Его жене шведке Линде Ли, находившейся здесь же, в Гонконге, сообщают, что ничего страшного не случилось — ведь такой же приступ был у ее мужа ровно месяц назад и тогда все обошлось. Однако на этот раз исход был трагическим — замечательный мастер, талантливый актер, не давший в жизни покоя ни своему телу, ни разуму, скончался. Вскрытие показало кровоизлияние в мозг, в легких также была обнаружена кровь. Причина? Поползли слухи о каком-то мастере, который нанес удар по смертельной точке на теле Брюса, об отравленной игле.

Однако постепенно все более достоверной казалась другая версия — отравление. Слишком многим мешал Брюс, немало было тех, кому надеяло «вечно первый» в боевых искусствах. Поступили и сведения о том, что одно из отделений практически международной китайской мафии, в частности некий китайско-азиатский синдикат (Си-Эй-Эс), предлагал Брюсу сотрудничество, но тот со свойственной ему заносчивостью резко отказался. Как заметил один из расследовавших это дело полицейских: «Было столько же способов убить Брюса, сколько и причин сделать это...» Клубок загадок продолжал нарастать. Выяснилось, что продюсер многих фильмов Брюса Ли, Раймонд Шоу, заявив, что Брюс умер у себя дома, и запретил Линде Ли давать интервью. Внезапно официальное расследование было прекращено.

Прах Брюса Ли был перевезен в Америку и похоронен на небольшом кладбище в Сиэтле. На его могиле — раскрытая книга и надпись по-английски и по-китайски — «Брюс Ли. Основатель джиткундо».

Алексей Маслов

Сосна: 19—29 февраля;
24 августа — 2 сентября

Тонкий силуэт, красива, импозантна, умеет подчеркнуть свои достоинства, любит свой дом, ценные вещи, красивый интерьер. Приятный дом, без которого она не могла бы полностью расцвести, умеет создать сама. О ней говорят, что она знает, чего хочет, что не отдается течению жизни, что не довольствуется тем, что оно может ей принести, в ней нет пассивности, умеет планировать, менять условия по своей воле. Она смела, препятствия встречает с поднятой головой и не позволяет неудачам одолевать себя. Благодаря своей отваге, не боясь риска, всегда идет вперед. В работе умеет добиться успеха, какой бы области себя ни посвятила. Для нее характерно упорство, ее трудно сбить с пути, умеет выкрутиться из любой ситуации. Она действует быстро и успешно. Хотя дружелюбна и в общении с ней можно найти приятного товарища, она не слишком услужлива и щедра, слишком дорожит своими удобствами, неудачи других не принимает близко к сердцу, но порой в дружеских разговорах говорит о них с сочувствием. Слабость она проявляет только в одном — в любви, в чувствах импульсивна, легко увлечается, а потом уже поздно отступать. При всем том она проницательна и дисциплинирована, бывает также хорошим организатором, может приложить усилия, необходимые для достижения поставленной цели, и обычно этой цели достигает, если только плохой выбор партнера не разрушит всей прекрасной постройки, но даже из любовных неудач умеет выйти с честью. Знак сосны особенно благоприятен для женщин.

Черты характера: эстетическое чувство, ум спекулятивный, аналитический.

Вербa: 1—10 марта;
3—12 сентября

Ее меланхоличность вошла в поговорку, в ней есть что-то деликатное, и если это внешнее, то придает ей очарование (особенно если это женщина). В ней чувствуется что-то таинственное, она полна неясных мыслей и неуловимых ощущений, которые ей самой было трудно определить, очень чувствительна, любит солнечное тепло и прикосновение воды, восприимчива к запахам и вкусу, как никто другой умеет использовать каждое мгновение и не упустит ни малейшей радости. Не слишком доверяет ее кроткому внешнему виду, на самом деле она деликатна и решительна, хорошо знает, чего хочет, но другому никогда ничего не навязывает, ей препятствуют в этом терпимость и отсутствие властности. Вербa бывает довольно трудным партнером, так как не сразу приспосабливается к ситуации и не любит компромисса, ее беззащитность и беспомощность — это часто только маневр. Иногда в шутку, а порой с целью прекрасно умеет изображать слабое создание, в сущности же, она умеет великолепно защищаться, в чувствах она скорее романтична, чем сентиментальна, ценит чувственные переживания, но при условии, что они окрашены поэзией. Она не любит эмоций будничных, бесцветных, очень умна, одарена художественным чутьем и интуицией, у нее богатое воображение, она также хороший психолог, в соединении с ее проницательностью это позволяет ей разгадывать чужие мысли. Ее жизнь могла бы протекать совершенно спокойно, если бы не ее исключительная страсть к любовным страданиям. Можно сказать, что они ей необходимы, притягивают ее, возбуждают; если потом она жалуется — не верь ей. Чувство, не окрашенное страданиями, было бы для нее пресным.

Четыре характера: ум, соединенный с фантазией, чувство синтеза, интуиция.

Липа: 11—20 марта;
13—22 сентября

Она полна очарования и великолепно умеет это использовать. Может любому вскружить голову, мечтает об удобствах, о стабильной жизни и порой не отдает себе отчета в том, что это не имеет особого значения, что она может принориться к любым условиям, ей довольно немногого. Липа часто идет по жизни с ощущением скуки — это ее главный враг, бывает нестойкая, чувствительна к лести, полная противоречий, она бывает существом, которое трудно разгадать, одно в ней несомненно — она привлекательна, общение с ней кажется легким и приятным. Она терпеливо выслушивает признания, терпима к окружающим, не старается их исправлять, поэтому все ее любят, даже когда нельзя на нее вполне положиться, у нее ум практический, находчива и точна, но внимание — она проявляет сильное чувство собственности, бывает ревнива, даже без повода.

Четыре характера: общительность, наблюдательность, реализм, организационные способности.

Лесной орех: 21—31 марта;
23 сентября — 3 октября

Часто болезненный, неказистый, но навязывает своей индивидуальности, но если уж ты его узнал, то нельзя не заметить его оригинального ума. Орешник довольствуется малым, приораваляется ко всяким формам жизни и все понимает, его общение почти магическое, если захочет, умеет понравиться, умеет быть также опасным, строптивым, просто дьявольским, все в нем — магия. А белая или черная — зависит от момента или от его каприза. Безгранично добр или последовательно зол — таков орешник, и не без основания его часто в средние века обвиняли в колдовстве. Привязавшись к кому-то, сделает все,

чтобы облегчить ему жизнь, но будь осторожен, если не завоюешь его симпатии. Хотя он сдержан, скромно — почти никогда не остается не замеченным, глубоко оригинален, ни на кого не похож, относится к жизни иначе, чем все, и немножко «наперекор», даже когда его любят — он вызывает чувство беспокойства. Он способен отдавать самые сокровенные мысли, выводы его неожиданны, поэтому от него можно ожидать всего. Он и вправду неровен — может проявить массу инициативы или может все предоставить естественному течению, впрочем, он отдает себе в этом отчет. Даже если прикидывается особой расудительной, в любви может быть либо милейшим, либо самым мучительным партнером, он изменчив, и настроение его меняется даже в течение дня. Вообще он обладает обширными познаниями, острый тонкий ум и интуицией, необычайно легко все схватывает и понимает, но только от его доброй воли зависит, применит ли он это, где надо, и полностью ли использует.

Рябина: 1—10 апреля; 4—13 октября

Пусть тебя не обманывает ее деликатная внешность, она необычно устойчива, она обаятельна, мила, и ее легкая походка дает возможность узнать ее еще издали. Улыбка почти никогда не сходит с лица, что скорее вызвано самоконтролем, чем безмятежностью, умеет подчеркнуть свои достоинства, хорошо одевается (любит это), у нее хороший вкус, легко адаптируется к переменам, любит доставлять радость близким, даже жертвуя собой, она не эгоистична, но несколько эксцентрична. Она самостоятельна, однако можно заставить ее подчиняться. Контакт с ней может быть трудным и сложным, ей недостает простоты. Ее характеризует впечатлительность и художественные наклонности, она лояльна и честна, на нее можно положиться, порой бывает даже наивна и позволяет себя эксплуатировать. В любви она непредвиденна, много дает, но много и требует, не

престанно проверяет собственное чувство, ее нельзя разочаровывать, она не простит. Ее эмоциональная жизнь очень богата, она полна забот о завтрашнем дне, предусмотрительна, хозяйственна, в результате чего о ней часто думают в супружеском плане, очень умна, часто бегает, но, несмотря на честолюбие, редко реализует свои намерения, дает поглотить себя повседневным делам (все из-за того же чувства собственности).

Четыре характера: впечатлительность, ум, фантазия, чувство синтеза, интуиция.

Клен: 11—20 апреля; 14—23 октября

Аккуратный, ухоженный, иногда даже немного кокетливый, часто бывает в местах модных, эlegantных, занятых, но принадлежит к движению разряда, полон энергии и бодрости, неутомим. Как говорит, клен может все преодолеть и даже несмелый, но может принять дерзкое решение, не столько из материальных соображений, сколько из любопытства. Очень любит бывать вне дома, знакомиться с новыми людьми и, не прилагая усилий, умеет вызывать на откровенность, но не боится, если тебе пришлось случайно ему что-нибудь сказать. У него всегда масса замыслов, иногда экстравагантных, любит всяческие новинки, с энтузиазмом заступает за передовое, но редко реализует собственные проекты, однако это не мешает ему получать удовлетворение от широты собственных взглядов. Он чуточку циничен, не считается с чужим мнением, наоборот, любит, чтобы о нем говорили. В любви он сложен, ходит удивительными и непредвиденными путями, это не значит, однако, что он не сумеет найти счастья, если встретит партнера со сходным образом мыслей и вкусов. У него ясный, пронизательный ум, хоть он рационалист, но не лишен воображения и интуиции, одним словом, у него разносторонний интеллект.

Четыре характера: живость характера, богатое воображение, чувство юмора, аналити-

ческий ум, способность к дедукции.

Грецкий орех: 21—30 апреля; 24 октября—2 ноября

В его глазах естественность — не достоинство, его заботит стиль, рафинированность, манеры, а в сущности, он просто застенчив. Он бывает существом противоречивым, его упрекают, что он капризный, агрессивный и эгоистичный, а он бывает гостеприимен, щедр, его замыслы смелы. Может быть лояльным, но и своевольным, верным и непостоянным, и никогда не известно, чего от него ждать. Без видимого повода дарит и отнимает дружбу и любовь, порой и сам любит страдать и с удовольствием заставляет страдать других, склонен усложнять ситуации, мучимый потребностью исключительности, ревнив и уязвим, не отличается уравновешенностью, если ты его любишь или дружишь с ним — тебя ждут непрерывные сюрпризы, займись им, если ты чувствуешь, что в силах ему сопротивляться, иначе он может тебя поработить. В жизни он умеет быть превосходным стратегом, оценивать последствия своих начинаний, решаться на прямо-таки макиавеллиевские поступки и не позволять излишней щепетильности тормозить свои действия. Часто окружающих ослепляет своим блеском, но попадают также орехи-молчаливники. Стараются не жить банальной жизнью, не боятся рисковать, стараются понравиться, не идет на компромиссы, не ходит избитыми путями, у него много друзей и столько же врагов, но он считает, что полагаться можно только на самого себя. Стараются сохранить свою исключительность и независимость, поэтому его замечают и с ним считают.

Черты характера: решительность, реализм, наблюдательность, чувство юмора, аналитический ум, способность к дедукции.

Жасмин: 1—14 мая; 3—11 ноября

Подвижный, живой и общительный, привлекает свободой

и умением поддерживать беседу, сам того не желая, становится центром внимания; именно от него ждут, что он поднимет настроение. Всем он кажется уравновешенным, веселым и незадумывающимся, только близкие люди знают, как он в действительности впечатлителен и как его легко разочаровать, ибо жасмин — хоть и старается это скрыть — от рождения пессимист, но то, что у других бывает неуверенностью, у него проявляется как благо-разумие, и он действует осторожно и осмотрительно, то, что у других подозрительность, у него только глубоко спрятанная сдержанность. И поэтому жасмин, как никто другой, понимает преимущество дипломатии и умеет поддерживать гармонические отношения с окружающими, к сожалению, в собственном доме это ему не удается. Здесь он удовлетворяет свою потребность к независимости, не любит чувствовать себя связанным, не любит ограничений, и обязательства тягостны для него, и хотя он им подчиняется (у него очень развито чувство долга), это вызывает у него иногда дурное настроение, так что и супружеская жизнь с ним трудна, тем более что он легко обижается и становится необщительным; в отношении детей он гораздо терпимее, не ожидая многого от жизни, он именно на детей возлагает большие надежды. Самые серьезные вопросы он умеет развязывать им просто и ясно, воспитывает их разумно и тщательно, и дети приносят ему больше всего радости и удовлетворения. Он не материалист, но часто хорошо зарабатывает. Работы он не боится, а его живой ум высоко ценится начальством.

Черты характера: критические способности, ум в соединении с фантазией, дар синтеза, интуиция.

Каштан: 15—24 мая; 12—21 ноября

Красивый, даже декоративный, но не старается завлечь кого-нибудь своим очарованием, ему нужен простор, он силен и полон энергии, обладает врожденным чувством

справедливости, импульсивно восстает против каждого ее нарушения, готов бурно реагировать, не думая о последствиях. Ему противны всякая расчетливость, всякие дипломатические маневры, поэтому он часто невольно вооружает против себя людей, вот из-за этого неумения обходиться с людьми ему приходится переживать много неудач и разочарований, которые он запоминает надолго, т. к. он впечатлителен и чувствителен. Умеет быть рассудительным и прозорливым, поэтому обычно материальные дела его неплохи, придает большое значение моральным устоям, поэтому бывает слегка пуританином (несмотря на свою чувствительность). А вот любовь к удобствам кажется в нем неожиданной, иногда он производит впечатление неприспособленного, но это только впечатлительность и недоверчивость к себе и к другим. Он слишком самобытен, его не понимают, часто считают его не очень щепетильным, может быть, оттого, что он любит порой шокировать окружающих, очень велика у него потребность в любви, но сам он однолюб, поэтому ему трудно найти себе счастье. Жажда любви и одновременный страх, что его не любят, усложняет его отношения с партнером, все его переживания часто находят выражение в поведении, непонятном и странном для партнера, у каштана живой и конкретный ум, основанный на наблюдательности. Он способный, быстрый, точный, но у него проявляется склонность к мечтательности и философским раздумьям, очень многое в его жизни зависит от окружения, он достигает полного расцвета только тогда, когда встречает понимание и сочувствие, ведь это не всегда бывает.

Черты характера: смелость, реализм, наблюдательность, пронзительность, организационные способности.

Окончание следует

О, Мадонна...

В 1991 году на страницах журнала будет звучать много самой забойной музыки. Вы узнаете о событиях трех последних лет жизни Мадонны. Поймете, почему несравненный Принц начинает теснить Майкла Джексона. Раскроете для себя секрет популярности ирландского квартета «U-2». Проследите за соперничеством между Жанет Джексон и Полой Абдул. Посетите Хулио Иглесиаса на его укрытом от посторонних глаз ранчо в США, где он усиленно изучает английский язык в обществе отборных красавиц. И естественно, на страницах «Ст. М.» будут представлены все самые преспевающие группы.

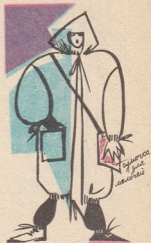
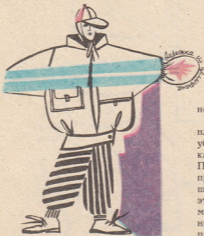
В 1991 году «Ст. М.» откроет, наконец, собственный видеосалон. Его посетители, то есть вы — подписчики, узнаете о том, чем сейчас занимаются исполнители ролей Джеймса Бонда, познакомитесь с преемником Брюса Ли Джеки Ханом. Перед вами поднимется завеса «Кошмаров на улице Вязов». О закулисной мире кино лично расскажет Федерико Феллини.

Вы узнаете о личной жизни мужской части клана Бельмондо, познакомитесь с очередной любовью Алена Делона... О своем новом имидже поведает Сильвестр Сталлоне. Эшфорд, Коппола, Кирк Дуглас позволят заглянуть себе через плечо. Вы узнаете и о самых «сексапильных» актрисах Голливуда последних лет... Видеосалон будет открыт в каждом номере!

Собираемся в колхоз...

Опять сентябрь, а это значит, что студенту грозит «картошка». А уж на «картошке» без неприятностей не обойтись: дождь и холод сделают свое «черное дело», и кто-нибудь обязательно простудится. Как этого избежать? Один из способов — тщательно подготовиться соответствующую экипировку. Итак, собираемся в колхоз...

Плащ под девизом «Одна дождинка — еще не дождь...»

Берем 2 метра клеенки или прозрачной пленки. Пленка может быть с рисунком — это придаст вашему виду нарядность. Помните, что «трудовые будни — праздники для нас». Складываем пленку вдоль пополам. Соstrачиваем угол капюшона и срезы с одной стороны до конца (см. рисунок 1). Отступив 30 см сверху, приstrачиваем полоску ткани двумя строчками, подучилась кулиса для тесьмы. Затянув концы тесьмы, примеряем плащ-палатку и определяем, где сделать прорезы для рук, чтобы можно было свободно работать руками.

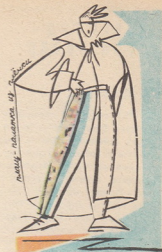
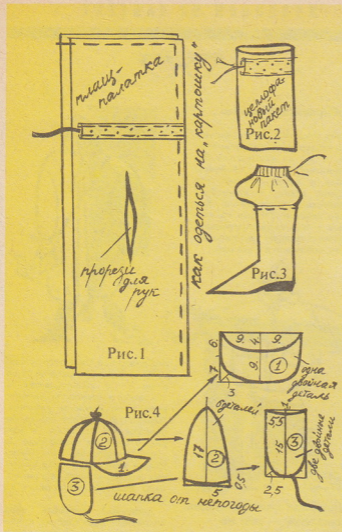
Итак, у нас получилась плащ-палатка с капюшоном, в которой вы можете не бояться ни од-

ной дождинки, ни целого дождя.

Но вот дождь закончился, и плащ легко сворачивается и убирается в маленькую сумочку-карман на длинном ремешке. Перекинув ее через плечо, вы продолжаете работать совершенно сухие и счастливые от этого! Кстати, эту же сумочку можно использовать для хранения разных мелочей, например, пары морковок, запасенных на ужин.

Дополняет ансамбль пара полиэтиленовых пакетов, к срезам которых пристроены такие же кулиски, как на плащ-палатке, и вдетя тесьма. Надеваете перчатки обычные — шерстяные или х/б, а сверху такие варежки — из пленки. Руки в них свободно двигаются и остаются сухими и теплыми. Этот способ гораздо лучше, чем резиновые перчатки, которые сейчас, кстати, в дефиците.

Чтобы бригадир вас не потерял в поле, а комбайн всегда смог бы вас обехать, предлагаемшить кепку-светофор. Для этого понадобится полметра яркой боковой ткани, лаке или парашютный шёлк, кусочек поролон, тесьма и яркая пуговица. Кепка может быть без боковых или же с пристегивающимися ушками. Выкройку такой кепки смотрите на рисунке 4.

чтобы расцветка вставок гармонировала с цветом джинсовки. Выкроем две полосы шириной приблизительно 10 см (это зависит от того, насколько вы хотите расширить брюки).

Длина полос равна длине джинсов плюс 5 см на подгибку для резинки сверху и подгибку снизу 3 см. Подвернем срезы сверху и снизу, прострочим. Сверху вставим широкую резинку или узкую в 3 ряда. Закрепим резинку. (См. рисунок 5.)

Затем вставляем полоски между передними и задними половинками брюк. Обработаем на зигзаге изнаночные срезы и проложим отделочную строчку с лицевой стороны.

Джинсы приобрели деревенский колорит, а с ним и новую жизнь «и в пир и в мир»...
Виктория Андреевна

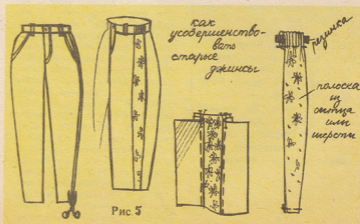
Кепка защитит ценную голову студента-первокурсника от непогоды и ветра.

А завершат ансамбль резиновые сапоги с клеенчатыми манжетами, которые не дадут проникнуть сырости в сапоги.

Итак, вы экипированы на славу!

Но «картошка» — это не только ударный труд, это еще и кратковременные передышки в виде капустников и танцев.

Вам, наверно, нет смысла брать свои новые джинсы в полевые условия, лучше усовершенствовать старые. Они вам малы, не страшно. Распорем боковые швы, отутюжим срезы. Подберем кусочки цветастой шерсти, льна или ситца. Важно,

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год и в № 1—7 за 1990 год

Орган вкуса

Понятие вкуса в любви сразу же ассоциируется у нас с известным присловием: «Путь к сердцу мужчины проходит через его желудок». Наблюдение несомненно справедливо, поскольку редко можно встретить мужчину, который не любил бы хорошо поесть. Моя книга, однако, — это не сборник рецептов о вкусной и здоровой пище, и я не могу уделять в ней много внимания секретам гастрономии в любви, хотя тема сама по себе бесспорно очень интересна. Постараюсь лишь кратко напомнить о роли некоторых продуктов и вкусовых веществ, оказывающих влияние на сексуальный тонус человека.

Главное, о чем следует помнить: пища должна быть с большим содержанием белка, то есть в рационе желательно иметь мясо, рыбу, яйца, сыр и другие высокобелковые продукты, поскольку их отсутствие в меню — или заметное предпочтение, отдаваемое овощам, — может привести к той самой ситуации, о которой очень метко сказано в популярной польской песенке:

«Да, где ж мне, женушка, набраться сил, чтоб утолить твой жар и пыл?»

Когда ты вместо отбивных, бифштекса с кровью.

Мужской, все укрепляющей диеты,

Опять даешь... капустные котлеты».

Это не означает, разумеется, что надо отказаться от овощей, которые обязательно должны присутствовать в пище. Именно в них человек находит необходимые для его жизнедеятельности витамины и минеральные соли, а также известь и фосфор. Некоторые из них играют важную роль в сексуальных

отношениях, способствуя усиленному притоку крови в область половых органов. Такое же возбуждающее действие, сопровождающееся повышением кровяного давления, оказывают кофе, чай и алкоголь.

Орган вкуса и орган обоняния, тесно взаимодействуя между собой, передают в мозг трансформированные в нервные импульсы внешние воздействия, воспринимаемые партнерами во время ласк и, в частности, при поцелуях. При помощи специальных чувствительных приборов, располагающихся в слизистой оболочке языка, можно определить не только вкус пищи, но и какова на вкус человеческая кожа: соленоватая, терпкая, с запахом миндаля или поджаренной корочки хлеба (после солнечной ванны) и т. д. Разный вкус имеет также слюна, о чем свидетельствует часто встречающийся в фольклоре многих народов мира образ влюбленного, «пьющего из уст любимой, как из живительного родника». Справедливость этого литературного оборота могут подтвердить, по-видимому, многие мужчины. Нельзя не сказать и о вкусе пота, который может быть разным даже у одного человека — в зависимости от конкретного участка тела. Такие различия существуют и у людей, принадлежащих к разным расам. О вкусе слюны, кожи, пота нельзя говорить, если мы не касаемся главного — поцелуя. Вкус, так же как запах и внешнее осязательное воздействие, — неотъемлемая составная часть этой ласки, и именно поэтому вся эта глава будет посвящена технике и физиологии поцелуя.

Техника поцелуя необыкновенно богата и разнообразна. Она варьируется в зависимости

от места, которое целуют, и обычаев, принятых в разных странах и у разных народов: в африканском поцелуе, например, задействованы прежде всего осязательные и обонятельные внешние влияния, так как целующиеся должны потереться друг о друга носами. Техника поцелуя, как я уже заметила, зависит не только от места, которое целуют, но и от многих других факторов: участия в нем языка, зубов, дыхания и губ.

Ласка губами — это умение ими прикасаться, поглаживать, оказывать давление, сосать и даже «обнимать». Вид и интенсивность поцелуя необходимо «подбирать», внимательно наблюдая за реакцией партнера. Целуя, ни в коем случае нельзя навязывать неприятные, вызывающие отрицательные эмоции, ласки.

Процесс дыхания тоже играет немаловажную роль при поцелуе: во время вдоха возникает, как известно, ощущение холода, а при выдохе вы чувствуете струю теплого воздуха. Приближая губы к коже партнера и раздражая ее дыханием, можно нежно воздействовать на нервные окончания на коже, чувствительные к теплу и холоду (больше всего таких рецепторов находится на шее, затылке, спине, а также в паху). Сменяющиеся при этом потоки теплого и холодного воздуха раздражат волосы эпидермиса (поверхностный слой кожи), вызывая ощущение цекотки и возбуждение в предвкушении последующих ласк.

Следующим элементом, неотделимым от поцелуя, является воздействие зубов. Зубами можно слегка прикусить или пощипывать отдельные складки кожи, а в некоторых случаях — если женщине это приятно — даже делать легкие укусы. Объективности ради хочу сказать, что вопрос об использовании прикусов и укусов в ласках вызывает самые противоречивые, иногда диаметрально противоположные, суждения и мнения. Женщины худощавые, нервные и быстро возбудимые, воспринимают укусы только как боль; наибольшее сексуальное возбуждение у них достигается исключительно нежностью и деликатным обращением. Вместе с тем имеются женщины, обнару-

живающие склонность к мазохистским¹ проявлениям чувственности, а также особы с избыточным весом, которым в ласках необходимы прежде всего «твердая рука»: лишь энергичные ласки способны вызвать у них удовлетворение и возбуждающий эффект.

Укусы в шею или плечо случаются чаще всего не во время предварительных ласк, а в момент наивысшего полового возбуждения — при наступлении оргазма. В эти мгновения физическое наслаждение достигает такого напряжения, что едва не перерастает в болевое ощущение. После таких страстных ласк на шею или груди партнеров нередко остаются визуальные свидетельства любви — красные или синевато-фиолетовые отпечатки зубов.

В индийском трактате о любви «Кама-сутра» уделяется много внимания описаниям техники любовных укусов, которая в Индии особенно высоко ценится, поскольку большинство прекрасных индианок относятся все-таки к группе женщин с полной комплексией. Автор этого произведения вначале останавливается на достоинствах верхнего и нижнего рядов постоян-

ных зубов, подчеркивая их приспособленность для любовных укусов: «Прекрасные качества зубов выражаются: красотой строения коронки, гладкостью эмали, цветом, необходимыми размерами и острыми краями». Затем в «Кама-сутре» на нескольких страницах (!) рассказывается о технике укусов в эrogenных зонах, в которых ее следует применять. Для человека, проявляющего интерес к культуре и обычаям других народов, эта книга — увлекательный и захватывающий литературный документ. Необходимо подчеркнуть, что в дошедших до нас «любовных» произведениях многих древних культур обращается большое внимание на гигиену и эстетику тела в любви.

Следующим замечательным «союзником» в поцелуях выступает язык. Этот гибкий, подвижный, гладкий и влажный мышечный орган прекрасно приспособлен для самых разнообразных ласк: для поглаживания, щекотания, нежных прикосновений и т. п. Ласки языком значительно нежнее и деликатнее, чем ласки рукой, особенно в местах, покрытых слизистой оболочкой, где увлажнение слюной избавляет от неприятных ощущений, связанных с сухостью и шероховатостью кожи пальцев.

Выбор техники поцелуя зави-

сит, конечно, и от участка тела, которое мы целуем. Целовать ручку даме — типично польский обычай, но, хотя наши кавалеры занимаются этим уже несколько столетий, они, смею утверждать, не в полной мере использовали и используют все сексуальные достоинства этого поцелуя. Ни одна женщина, разумеется, не может остаться равнодушной при виде мужской головы, покорно склонившейся над ее рукой, здесь уместно заметить, что ни в коем случае нельзя поднимать женскую руку чуть ли не под нос себе, чтобы запечатать на ней поцелуй, потому что такой жест не свидетельствует о рыцарском поведении, а тем более об уважении или сердечном расположении со стороны мужчины. Руку женщине следует всегда целовать, склоняясь над ней в почтительном низком поклоне — или же вообще не целовать!

Говоря об обычаях целовать женские ручки в польских традициях, небезынтересно посмотреть, как с этим обстояло дело в Индии в интерпретации «Кама-сутры»:

«Находясь в театре или в кругу семьи, а также пребывая под покровом ночи, она целует пальцы находящегося поблизости любимого, а когда сидит — пальцы его ног. Целовать пальцы рук — взаимная радость влюбленных, но пальцы ног мо-

¹ Мазохизм — половое возбуждение, возникающее под влиянием физических страданий, причиняемых любимым человеком.

жет целовать только женщина, так как со стороны мужчины это было бы предосудительным поступком.

До недавнего времени у нас многие считали, что поцелуй женской руки ограничивается прикосновением мужских губ к тыльной стороне ладони. Другими словами, к той части ладони, которая меньше всего сексуально иннервирована. Это не очень существенно, разумеется, если вы целуете ручку своей рте или бабushке, но когда речь идет об интересующей вас женщине, то дело приобретает совершенно иной оборот. Надо помнить, что нервные окончания, чувствительные к прикосновениям и эротическим раздражениям, располагаются на внутренней стороне ладони, а также в углублениях между пальцами.

Советую купить билет на какой-нибудь любовный французский фильм, чтобы посмотреть, как мужчина должен целовать женскую руку. Вы убедитесь, что французы практикуют такие поцелуи обычно в эротических ситуациях, прикасаясь губами исключительно к внутренней поверхности ладоней рук. Из этого следует вывод, что во Франции тоже (а не только в Польше) давно поняли значение этого поцелуя, но с присущей французским мужчинам врожденной сексуальной интуицией превратили его (в отличие от польских ценителей женской красоты) не в элемент культуры поведения в обществе, а в обязательную составную часть репертуара эротических ласк, призванных покорить сердце самой неприступной красавицы.

Поцелуй руки — одна из первых ласк раннего этапа сблизивших партнеров, которая может очаровать женщину и пробудить в ней интерес к интимной близости, если будет соблюдено важное условие: этот поцелуй должен стать настоящим произведением любовного искусства, а не банальным, ничего не выражающим прикосновением мужских губ. Женская рука легко доступна мужчине уже в первые дни знакомства, и, целуя ее, он имеет прекрасную возможность продемонстрировать свою эротическую культуру. Можно, например, погрузить губы в углубление ладони, слегка поглаживая ее кончиком языка и задевая

линии бороздок, образующих затейливый индивидуальный рисунок, или же проникнуть кончиком языка в промежутки между пальцами и нежно потереть и пощекотать их боковые поверхности. Ласки при помощи языка, так же, впрочем, как и все другие, должны быть, по возможности, прерывистыми — то есть избавлены от однообразия и монотонности.

Одна из моих пациенток рассказала мне однажды в консультации, как началось ее замужество (кстати, очень удачное). Со своим будущим мужем она познакомилась в поезде, где провела с ним несколько часов, оживленно беседуя у открытого окна в проходе вагона. За окном пронеслись пейзажи, погруженные в августовскую ночь, которая была напоена серебристым светом луны (цитирую ее выражения). В общем, настроение, как в романах для девушек старшего возраста! Во время увлекательного разговора собеседник вдруг завладел ее рукой и начал нежно ее поглаживать, затем поиграл кольцами, которые она носила на пальцах, и медленно поднес ладонь (ее внутренней поверхностью) к своим губам. Даже сегодня, спустя многие годы, ей самой верится с трудом, что столько можно добиться, целуя женскую руку. Он не прекращал целовать ее ладонь в течение всего путешествия — то есть около четырех часов! Поцелуи были настолько возбуждающими, разнообразными и ошеломляющими, что ее ощущения в конце пути можно охарактеризовать как очень близкие к оргазму. Удивление перед магической силой поцелуя, которое она до сих пор сохранила в своей душе, — основной лейтмотив ее повествования. Хотелось бы, чтобы рассказанная история заставила мужчин по-новому взглянуть на такую «мелочь», как умение целовать женские руки. Ведь не секрет, что многие наши «рыцари» просто не знают — порой из лениости упустить на это душу и талант — о всех возможностях, которые открывает перед ними нежное прикосновение губ к ручке «прекрасной дамы».

Еще одну возможность проявить сексуальное творчество предоставляет поцелуй в губы. Мне хочется еще раз обратиться к трактату «Кама-сутра», яв-

ляющемуся бесценным источником сведений о различных способах ласк и поцелуев, причем поцелуя в губы отводится в нем около тридцати страниц убористого текста. Приведу лишь несколько фрагментов:

«Поцелуи гармонично ложатся на волосы, лоб, щеки, глаза, грудь, живот и губы. Их очарование можно почувствовать и в полости рта. Жители страны вечного лета выделяют ими также подмышечные впадины, область пупка, а также место, где смыкаются бедра. По обычаям этой страны неистовство страсти само указывает путь поцелуям, причем не только в вышеуказанные места, но и на другие участки тела.

...Трудно не согласиться с тем, что губы, сложенные для поцелуя, похожи на бутон цветка. Дарить его надлежит способом, выбор которого подсказывает место, осчастливленное вашим вниманием, а также еще одна деталь, имеющая существенное значение при поцелуе: речь идет о том, готовы ли вы преподнести весь бутон или же только его часть в виде верхней или нижней губы...

Девичьи поцелуи делятся на три вида: умеренные, дрожащие и врывающиеся. Если девушка, уступая силе, кладет свои безвольные уста на его губы и замирает, то это поцелуй умеренный. Если же она чуть-чуть нагнет и готова прикусить зубами его губу, влажную в ее уста, приказав при этом своей нижней губе подрагивать, а верхней — быть подвижной, то этот поцелуй называется дрожащим. И, наконец, поцелуй врывающийся: девушка прикрывает глаза любовника ладонью, затем нежно прихватывает ртом его губы и впиивается в них кончиком своего языка».

Поцелуи также подразделяются, учит «Кама-сутра», по технике исполнения, положению тел, душевному настроению и т. д., но вы меня, надеюсь, извините, если я этим и ограничусь в изложении подробностей. Мне хотелось лишь показать читателю, какое богатство жестов, ласк и внешних раздражителей можно отыскать только в одном поцелуе в губы.

В книге, которую вы держите в руках, я необычайно подробно описываю разнообразие ласки и технику их применения, пото-

му что моя работа предназначена в первую очередь для людей, которые хотят найти в ней точную и правдивую информацию о нюансах, встречающихся в интимном общении мужчин и женщин. Для тех, кто обладает сильным половым инстинктом и способностью проявлять большую сексуальную инициативу, моя работа вряд ли может представлять интерес.

Поцелуй — это также легкое прикосновение губ или кончика языка к коже, прилегающей к губам партнерши, поскольку именно в этой области находится скопления чувствительных к сексуальным раздражителям нервных окончаний. Можно, например, «обнять» губы женщины своими губами, щекоча их кончиком языка, или, раздвинув сомкнутые женские губы, ввести язык поглубже, чтобы получить доступ к внутренним поверхностям ее губ. В поцелуе можно «скрестить шпаги» кончиками языков и нежно щекотать ими друг друга, или, наконец, введя язык в полость рта, ритмично прикасаться им к сексуально иннервированному небу (у некоторых женщин оно весьма чувствительно к внешним воздействиям) и т. п.

Сексуальная чувствительность кожи, полости рта и губ выражается у каждого человека сугубо индивидуально. Ласки языком внутри полости рта могут вызвать, например, у некоторых женщин чувство огромного сексуального наслаждения, тогда как у других, не слишком опытных и искушенных в любви, — чувство отвращения и другие малоприятные эмоции. Поэтому я еще раз хочу подчеркнуть, что, целуя женщину и домогаясь ее благосклонности, необходимо внимательно следить за тем, как она реагирует на сексуальные ласки, поскольку это лучший барометр, регистрирующий «погодные условия» в интимных отношениях. Наиболее распространенным заблуждением большинства любовников является постулат: то, что приятно мне, приятно и моей партнерше. В жизни, к сожалению, нередко бывает по-другому, и неумение, а иногда и нежелание «предоставить слово» женщине часто оборачивается семейным разладом и потерей доверительного контакта с любимым человеком.

Говоря о технике поцелуев, хочу заострить ваше внимание на поцелуе в глаза. Он может превратиться в очень нежную ласку, когда женщина во время поцелуя начинает быстро помаргивать ресницами, дополнительно раздражая поверхность губ партнера.

Поцелуи в области ушей и шеи воздействуют (посредством дыхания) прежде всего на температуру чувствительности кожи, так как на этих участках тела, а также на плечах и спине, сосредоточено наибольшее количество нервных окончаний, реагирующих на холод и тепло. Эти ласки могут сопровождаться также легким поглаживанием кожи у основания волос при помощи губ или кончика языка.

Важное место в искусстве любви отводится поцелуям в области уха, в особенности мочек ушей и прилегающих к ним низу небольших углублений. У большинства женщин, а нередко и у мужчин, это область интенсивно реагирует на сексуальные раздражители: на дыхание, легкий потир, щекотание языком поверхности кожи между ухом и краем околосения, и др. Кроме того, очень возбуждающе действует сосание мочки уха, легкое надавливание на него губами или покусывание зубами, а также щекотание языком кончика уха (в быстром прерывающемся ритме). Пользуясь различными составными частями поцелуя, можно придумать еще с полдюжины различных ласк и сексуальных игр с ухом.

Путешествуя губами по эrogenным зонам, мы регистрируем места, наиболее интенсивно откликающиеся на внешние воздействия. В них следует задерживаться подольше, пытаясь в ход весь арсенал сексуальных ласк.

Владение техникой поцелуев позволяет ласкать не только женщину, но и мужчину. Многие из мужчин обладают большой сексуальной чувствительностью кожи спины, бедер, плеч, шеи и ушей. Крайнее огорчение вызывают у женщин мужчины, боящиеся щекотки (а она у них встречается чаще, чем у женщин), а также те их партнеры, которым неприятна любая феминистская ласка.

*Перевод с польского
Льва Волгина*

Продолжение следует

1991 ГОД —
АНОНС

Маша Калинина о себе и для вас

Абсолютно уверены, что это имя известно всем нашим читательницам. А еще ее называют «Мисс Перестройка», правда на Западе. Хотя и мы могли бы звать ее именно так, очень уж метко сказано. Не было бы перестройки, не было бы и нашей первой королевы красоты.

О Маше написано много, но, как всегда, не обошлось без публикаций, основанных на слухах и домыслах. Видимо, это обстоятельство, а также давнишняя привычка вести дневник подтолкнули ее к написанию книги, главы из которой мы публикуем в следующем году. Подписка на журнал гарантирует вам информацию из первых рук.

Так о чем же книга? «Я расскажу о самом первом за 70 лет Советской власти конкурсе красоты. О моих приключениях в удивительном и пока еще для нас загадочном мире шоу-бизнеса. О настоящей и трудной работе, о радостях и разочарованиях, о жизни до конкурса и о сегодняшнем дне...»

Приключения в удивительном и загадочном мире... Правда, заманчиво? Кто из девушек об этом не мечтает. И вот именно такая Машина мечта сбылась, а все остальные?

Интервью с Машей Калининой ждет вас в № 10, а главы из ее книги — в номерах будущего года.

РОК-ПОРТРЕТ

Пола Абдул — человек из клана Джексонов?

Фаны, смотрите матчи баскетболистов из НБА. Прильните к своим многоцветным маленьким экранам в те моменты, когда полеты оранжевого мяча сменяются в специальных паузах порханием по площадке девушек в танцевальной униформе. Всмотритесь в эти чудом не вырезанные нашими теле-редакторами кадры в надежде угадать будущую «звезду» сцены.

Уж на что Джек Николсон, гордость Голливуда, казалось бы, искушен и пресыщен, а ведь и он, едва отойдя от съемок в знаменитом «Полете над гнездом кукушки», поспешил с биноклем на матчи всеобщих любимцев Лос-Анджелеса несокрушимых «Лейкерс». Но оптика потребовалась Николсону отнюдь не для того, чтобы лицезреть «борьбу на шите» чернокожих гигантов. Целью его было созерцание фантастических телодвижений маленькой девчушки, верховившей группой быстрой танцевальной поддержки «пом-пом гелс».

Знали же танцующую незнакомку, очаровавшую в тот 1981 год весь высший свет богемного Лос-Анджелеса, Пола Абдул, шел ей в ту пору восемнадцатый год, и росту в ней было что-то около шестидесяти двух дюймов. А главное, что у этого перпетуум-мобиле был удивительный генетический код. Ибо была она дочерью бразильца сирийского происхождения и канадки еврейского. Да здравствует мир на Ближнем Востоке! Уже позже, став вселенски знаменитой и любимой, Пола с иронией рассматривала свое отражение в зеркале: «Когда я представляюсь коренной калифорнийкой, люди часто недоумевают, не имея возможности ясно определить для себя мое происхождение, цвет кожи, понять, откуда взялось такое странное имя».

Но пора самооценок при стечении большого числа пишущей братии пришла позже, а тогда на дюймовочку, буквально скользившую между ног баскетбольных профессионалов, обратили благосклонное внимание члены могущественного клана Джексонов, клана столь же могущественного в мире шоу-бизнеса, как Кеннеди в мире политики и партийных интриг.

Сам великий Майкл привлек дочь «разных народов» к подготовке своих клипов в качестве педагога-репетитора. И не пророчился. Пола оказалась истинным кладом по части выдумывания разных па и замысловатых коленцев. В мире эстрады также существуют свои профессиональные тайны, но, как пишут в документальных детективах, «теперь уже об этом можно говорить вслух». Затем пришел черед Жанет Джексон,

Сверьте свои ответы

Самые нетерпеливые участники конкурса пишут и звонят в редакцию чуть ли не каждый день, выясняя, верно ли они ответили на вопросы. По соображениям «конспирации» и с учетом слишком уж неоперативной работы почты (многие письма приходят с опозданием, но не по вашей вине), мы не могли, как обещали, давать ответы в каждом 3-м номере журнала.

Но вот теперь настало то долгожданное время, когда вы можете сверить правильность своих ответов. Итак:

№ 2 — Азия; Бетховен; Бельгия; «Жизнь в розовом свете».

№ 3 — Великобритания; Белград; Баски; Части тел.

№ 4 — Юпитер; Парламент; Дали; 9.

№ 5 — Шарль де Голль; Греция; Великобритания; на Сицилии.

А в следующем номере вас ждут предварительные итоги по трем номерам журнала (№ 2, № 3, № 4), и мы назовем «промежуточных» победителей, которые будут отмечены поощрительными призами. Но уже сейчас, чтобы вас немного поинтриговать, можем сказать, что лишь 40 участников не совершили ни одной ошибки.

И последнее. Напоминаем, что еще не поздно стать участником конкурса всем желающим. Общие итоги будут подведены в № 6 за 1991 год. Победители смогут совершить увлекательные зарубежные туристические поездки. *Желаем вам удачи!*

На экране весь мир...

Спутниковое телевидение — это удивительное изобретение, возможности которого безграничны.

Если вы хотите регулярно смотреть телевидение других стран мира, в том числе западноевропейских, США и Канады, вам необходимо специальное устройство — параболическая антенна для приема телевизионных программ со спутников ТВ и систем интервидения.

Антенное устройство подключается к любому телевизору вместо обычной антенны и обеспечивает широкий диапазон зарубежных телевизионных программ и высокое качество изображения.

Антенна имеет переключатель для отбора телепрограмм, обеспечивает уверенный и качественный прием в любой точке страны. Эффектно использовать возможности антенны вам поможет справочник, в котором указаны координаты, частоты и программы спутников ТВ и радио.

Стоимость изготовления антенны относительно невелика и определяется в договорном порядке.

Необходимую информацию об условиях изготовления параболической антенны, адреса предприятий и организаций, где вы сможете заказать антенну, поставщиков, изготовителей комплектующих деталей и узлов, новейшую технологию, позволяющую собрать антенну самостоятельно в минимальный срок и с наименьшими затратами, вы сможете получить, сделав заявку и оплатив ее стоимость в размере 5 руб. 30 коп. Отдельно стоимость комплекта технической документации — 15 руб. Для организаций оплата заявок в размере 21 руб. 20 коп.

Письмо-заявку с квитанцией оплаты (либо копией) и конвертом с вашим обратным адресом направляйте: 640000, г. Курган, а/я 2899, Хозрасчетный Центр «Орион».

которой Пола также весьма успешно «ставила ноги», создав основу достаточно известного клипа «Контроль». Вскоре гранды эстрады и рока буквально засыпали маленькую женщину лестными приглашениями к сотрудничеству. Причем даже самоуверенный Джордж Майкл почерпнул, как считают критики, от общения с мисс Абду совершенно новое чувство ритма. Хореографическую оправу для шлягера Джорджа «I want your sex» создала, как вы можете догадаться, все та же Пола.

Постепенно Пола становится иконовоанной королевой видеобалета. На дорогостоящих уроках ритмики для взрослых «звезд» ребята из «Дюран Дюран» буквально сталкиваются нос к носу с Арнольдом Шварцнегером. Имя Пола Абду стало вдруг названием эпидемии, охватившей мир.

От такого головокружительного успеха невольно захочется петь, и Пола запела, да так, что ее поклонники сразу забыли, как их боги некогда сподобились ставить походку Майклу Джексону.

Сейчас сцены квартирки Пола украшают в ряд поджогонные платиновых дисков, а последний, недавно записанный, альбом уже перешел в разряд золотых. Вот уж действительно: мал золотник, но дорог. Помните о шестидесяти двух дюймах и не исчерпаемом запасе генетической энергии. Общий тираж проданных к сегодняшнему дню дисков Пола — 6,5 миллиона экземпляров. В списках «Билборда» восемь хитов в ее исполнении.

Но и это еще не все! К Поле благоволил и третья современная муза, которая держит под своим крылышком Голавуд. Владельцы процветающей компании «Уорнер Бразес» предложили ей на выбор сняться в любом из запускаемых сейчас фильмов и с любым партнером: «Хотите сыграть с Дастинем Хофманом?»

Патриарх американской эстрады Боб Фосс сказал о Поле: «Когда ждешь эту девочку справа, она обязательно появится слева». А с какой стороны появится непредсказуемая Пола Абду, скажем, у нас в стране и появится ли вообще?

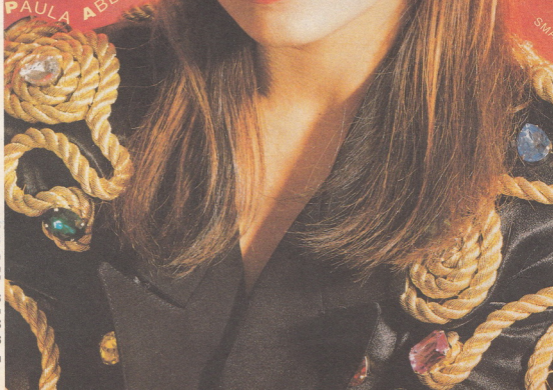
Михаил Александров

П
О
С
Т
Е
Р

С.М

PAULA ABDUL

Paula Abdul

РЕКЛАМА

Ташкентский государственный университет

УА-2

ФОТО СЕРГЕЯ КУЗНЕЦОВА

Первому в Средней Азии вузу, созданному по декрету Ленина — Ташкентскому госуниверситету, — исполнилось 70 лет. Он положил начало развитию высшего образования в Средней Азии и Казахстане, помог развитию культуры и духовной жизни, пропаганде знаний. В составе университета 16 факультетов, 145 кафедр. На дневном, вечернем и заочном отделениях обучаются около 20 тысяч человек по 26 специальностям. Здесь плодотворно трудятся 20 академиков и членов-корреспондентов, свыше 100 профессоров и докторов наук, около 1000 доцентов и кандидатов наук. В университете сложился ряд научных школ и направлений, завоевавших признание не только у нас в стране, но и за рубежом.